

Игорь КОПТЕЛОВ

ХОЛМЫ СНОВ

**Реноме
Санкт-Петербург
2007**

ББК 84.Р7

К 658

Коптелов Игорь

К 658 Холмы снов – СПб.: Реноме, 2007. – 216 с.

ISBN 978-5-98947-062-4

«Холмы снов» – романтическая история, герои которой, чтобы заслужить право на счастье, должны пройти не одно испытание. В книге тесно переплетены элементы разных жанров. Это – и авантюрно-приключенческий роман, даже детектив, и мистико-философская притча, и сказочная фантастика.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Коптелов И.В.
© Швец М.Ю., предисловие
© Ясыченко М.Б., дизайн обложки
© ИПФ «Реноме»

Предисловие редактора

Если перефразировать слова из песни Виктора Цоя, то в эпиграфе к предисловию можно было бы написать: *«Там за окном – сказка со счастливым концом...»*

Чрезвычайно романтическая и удивительно добрая сказка Игоря Коптелова заканчивается не совсем обычно. У автора книги «Холмы снов» явно чувствуется переключка с Михаилом Булгаковым. В «Мастере и Маргарите» главные лирико-романтические герои тоже получают в награду – покой. Игорь Коптелов, в сущности, написал роман о поиске счастья.

Пушкин писал –

«На свете счастья нет, а есть покой и воля...»

А русская народная пословица гласит –

«Вольному – воля, а спасенному – рай!»

Я хочу сказать этими примерами, что роман-притча, роман-сказка – не просто любовная история или «история любви» Эрика Сигла, или... Толстого... Льва.

Здесь есть что-то необыкновенно свое, современное, своевременное, живое!

Автор, если не пережил свой роман сам, то прочувствовал в душе.

Казалось бы, совершенно обычная романтическая интрига! Но она перерастает в нечто большее. В философскую сказку! В идеологию, которой так не хватает новым поколениям.

Христианская вера и мораль – не делай никому того, чего бы ты не хотел, чтобы сделали тебе (В.В. Розанов) – перефразируется автором в – «Что ты даешь, то и получаешь!»

И, на самом деле, так оно и есть.

Марина Цветаева писала –

Я – страница твоему перу,

Все приму, я – белая страница.

Я – хранитель твоему добру,

Возращу и возращу сторицей.

Игорь Коптелов – автор начинающий, но с задатками большого мастера. Повествование в его романе не только поучительное, но и увлекательное, и динамичное.

Жизнь, как она есть, перемежается с мистической фантастикой. Романтические интриги соседствуют с почти детективными. Все вместе составляет неразрывное целое.

«Холмы снов» – роман XXI века.

Член Правления Союза писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга

Максим Швец

От автора

Закончен мой первый роман – если эти буквы, слова и предложения таким образом можно назвать.

Если Вы, мой долгожданный читатель, видите эти строки, значит, мне хватило смелости отнести книгу издателю (вы не представляете, как это неловко – когда тебя рассматривают изнутри; писать гораздо легче и проще, чем публиковаться). Хочу вас заверить – если Вам книга понравится – у меня хватит наглости написать еще и еще, тем самым, попробовать изменить как Вашу, так и свою жизнь.

Холмы Снов – это метафора, как и весь этот труд, не побоюсь написать это слово, метафора всей моей жизни. Я писал его 13 лет и два месяца. Вернее, название и первые несколько страниц были придуманы и написаны именно 13 лет назад и отложены в ящик письменного стола; а середина и конец – только сейчас, по прошествии времени и в основном – по ночам, действительно за два месяца – в те часы, когда спала моя маленькая дочь.

И именно ей я хочу посвятить свой роман. Тебе – моя Диана.

У кого есть дети – тот поймет, что сон родителей, первый год, а потом, не знаю, верить в это или нет, и всю жизнь – никогда не бывает полноценным, как раньше, до рождения ребенка.

Снились ли мне сны после того, как она родилась, сны, которые являются одним из главных приоритетов романа – это для меня уже не важно. Самое главное со-

бытие в моей жизни уже произошло. Но очень хочется верить – что оно не последнее (в смысле рождения детей).

Вы, наверное, думаете, какой прилежный отец, и как он любит свою дочь. ДА, соглашусь я с Вами, и это главное в жизни. НО, возвращаясь к нашему с Вами разговору, я хочу Вам напомнить о цифре 13, и о годах, которые предшествовали написанию этих строк.

Однажды, но видимо не случайно, мне в руки попал хороший (я благодарен его издателю, и да простит мне мою забывчивую память на фамилии тот писатель, чье истинное суждение я приведу ниже) питерский журнал, в котором я для себя нашел то, чего мне так не хватало все эти годы.

«Что может написать человек (имеется в виду его предназначение как писателя), который никогда в жизни не держал в своей руке маленькую ручку другого человека».

Конечно, это тоже метафора (имеется в виду опыт, наш с Вами жизненный опыт), но именно такой опыт дал мне определенный толчок в жизни. Прочитав слова о маленькой ручке, я для себя сделал вывод: о чем я мог написать, когда мне было 25 лет. Только сейчас, когда мне исполнилось 38, я, наконец, смог задать себе эти экзистенциально-метафизические вопросы, ответы на которые Вы найдете. Правильные они или нет – судить Вам.

Я благодарен и своей жене, имя которой Анна, которая два месяца не зря терпела мое отсутствие (я был в соседней комнате и, сидя за компьютером что-то писал).

Я благодарен и той женщине, имя которой, не случайно и для нее и для меня – Вера. Именно ее, хочется верить, я встретил, тоже не зря, и не случайно в своей жизни, когда мне было всего 15 лет. Именно она, взяв меня за руку (в

прямом смысле), отвела в редакцию газеты «Смена», для которой, через пару месяцев, я написал свою первую статью.

Надеюсь, этим – я сделал выбор своей будущей профессии. Но только сейчас.

Что объединяет этих женщин, спросите вы?

Любовь? Вы, как всегда, правы, мой умный читатель.

Именно она! И ради нее – эти строки написаны.

Nota bene. И, конечно же, – для моей главной женщины, которая меня родила. И для тех – кто был со мной рядом все эти годы.

Перенести на бумагу то, что чувствуешь, – вот что значит стиль. Все остальное – не более чем крем на торте, украшение, «декор». Некоторые думают, что стиль – это фантазия. В действительности стиль – это правда.

Рэй Брэдбери

Посвящается моей дочери, Диане

*...Случайное сведение дорог.
Ошибка. Бездна надежный рок.
Прощанье, но не на века.
Есть только ты, есть только я.
Моя судьба в твоих руках,
она твоя, лишь время – враг.
Все, что ни будет – лишь итог.
Лишь ты одна. Лишь ты мой Бог...*

Он стоял на обочине дороги, ведущей из аэропорта в город. Открытый капот и скомканная пачка сигарет, валяющаяся рядом, говорили о том, что он уже битый час пытался восстановить механическое сердце новой «роскошной» машины, взятой им на прокат в агентстве. Пронесившиеся мимо автомобили, с ослепительно ярким светом фар, на огромной скорости разрезали протекторами своих колес лужи на асфальте, превращая брызги воды, в волны дождя, поднявшиеся стеной ниоткуда. Постепенно начался и настоящий дождь, грозившийся перерасти в буйный ливень, возвращая человека к реальности, в которой он находился.

«Ну что же, последняя сигарета и последняя попытка», – подумал он, поворачивая ключ зажигания...

Было около одиннадцати часов вечера. Самолет, доставивший его в страну, в которой он родился, и в город, в котором он вырос, приземлился три часа назад. Таможенный контроль был пройден достаточно быстро, но оформ-

ление в прокат автомобиля тянулось невыносимо долго. Паспорт на имя гражданина другой страны и наличие средств на кредитной карте не должны были вызвать никаких сомнений, и поэтому он был удивлен нерасторопностью милой девушки, оформляющей его документы. Она и сама, не понимая причины внезапной задержки, лишь дарила ему улыбки, пожимала плечами и виновато опускала глаза. И только через два с лишним часа, когда новенький серебристый «Рено» выкатил на площадку, девушка, встав из-за стойки, с грациозностью юной леди вручила ему ключи от самого лучшего автомобиля в агентстве.

Возможно, это было и так, но уже минут через десять табло приборов замигало, и двигатель, снижая обороты и захлебываясь от беспомощности, остановился окончательно...

Прикурить тоже было нечем. Из-за разряженного аккумулятора даже прикуриватель не работал. Автоматически сунув руку в карман, он обнаружил там коробок спичек.

На нем, намокшем от дождя, будто специально для него была надпись: «Если у Вас трудности в жизни, позвоните. Или они или Я.»

«Хорошенькое начало», – хмыкнул он, вспоминая, откуда у него оказался этот коробок. Сидя в холодной машине и глядя, как дождь поливает стекло, он нервно сжимал коробок в руках. Напоминание о трудностях невольно заставило вспомнить все, что произошло с ним за последние годы.

Захотелось выпить водки. Настоящей русской водки, почувствовать ее горький вкус. Ведь он – в России.

И выпить надо много, как когда-то, чтобы на утро раскалывалась голова, чтобы все сегодняшнее показалось тяжелым, но исчезнувшим сном.

Там, где он провел последние одиннадцать лет своей жизни, такой водки не было. Там она была другая, – чистая, без примесей, без суррогата, – без страха за свою жизнь. И просыпаться после нее было гораздо легче, – что делало ее обыденной, впрочем, как и всю жизнь там. Там была другая жизнь. Не та, которая была в его памяти, в его генах.

Он уехал, когда ему было двадцать три. Скорее сбежал. Сбежал от друзей его предавших, от той единственной девушки, которая ему однажды приснилась, и которую он так и не встретил. От запахов блинов по воскресным утрам, от вечных упреков отчима по вечерам, от начала бандитских девяностых, от самого себя.

Просто купить билет и уехать, в то время было невозможно. Пойдя на определенные компромиссы со своей совестью, он все же сделал это, и, как ему казалось, был счастлив.

За свое счастье пришлось расплачиваться грязной работой эмигранта с просроченной визой и незнанием языка. Жить в чужой стране, спать с женщиной, которая, думая, что любит его, на самом деле, только пыталась забыть другого. А что он сам тогда знал о любви? До встречи с ней искал свой идеал, разочаровывался, заводил знакомства, ни к чему не обязывающие и даже не подозревал, что Судьба уже определила и спланировала встречу с той, другой, которая ему предназначена.

А теперь он сидел в машине, сломавшейся словно специально, чтобы дать ему шанс еще раз подумать –

правильно ли он поступил, вернувшись сейчас. Ведь еще не поздно дойти пешком до аэропорта и улететь обратно, уже навсегда.

Он еще не знал, что на решение, которое ему предстояло принять, уже повлиял другой человек, который был совсем не рад его возвращению.

За окном лил дождь, была последняя сигарета и намокшие спички. Он сидел и пытался вспомнить, с чего же все началось...

...Когда он был маленьким, то всегда хотел иметь волшебный телевизор с кнопками. Ввел дату, год, время, и на экране показывают тебя в будущем: где ты, с кем ты, как ты выглядишь.

Он загадывал, что будет делать именно в это время, но только через десять, пять лет вперед. Становясь старше, стал загадывать только на год. Он никому об этом не рассказывал. Быть может, так делают и другие, а может – это его личное? Ни тогда, ни сейчас – это не имело значения. Он не боялся трудностей. У него была сила воли, терпение, и почти все, что он загадывал – сбывалось. Он понимал, что этот волшебный телевизор и есть его жизнь. Но увидеть себя в нищете или больным ему не хотелось и поэтому, наверное, на подсознательном уровне, он стал играть в эту игру наоборот, мысленно отматывая год назад. Это было реальной. Он был в настоящем и сравнивал это с тем, что он бы загадал год назад. В принципе, все было неплохо, и его это успокаивало.

Конечно, были и неприятности в жизни, но в основном из-за его неумения пить. Он не был зависим от алко-

голя и пил относительно редко, возможно поэтому, если «попадало грамм двести», остановиться было нереально. Он должен был помочь каждому обиженному восстановить справедливость, понравиться каждой девушке и все это именно сейчас и сразу.

Последствия были разные. Просыпаясь на следующее утро, он уже не удивлялся, что деньги из кошелька исчезли, так как он, как всегда, всех угощал. Не удивлялся, что его мобильный телефон подозрительно молчит, или его вообще нет рядом.

И только однажды, проснувшись с разбитыми в кровь руками и со ссадинами на лице, почувствовал, что произошло что-то из ряда вон выходящее и непохожее на его ситуации, он всегда умел уладить конфликт. В тот раз его это по-настоящему удивило.

Он с детства занимался спортом, но применять силу, тем более драться, не любил. Как шутил его тренер: «Мужчина должен драться только в двух случаях – за Родину и за любимую женщину».

Наутро, так толком и не вспомнив, что произошло на самом деле, он дал себе слово больше не пить никогда.

Конечно, слова он не сдержал, но все теперь зависело от того, что он пил и с кем. Водку старался вообще не пить. Виски, коньяк – располагающие к длинным разговорам и шампанское – «вечный праздник», только с хорошими друзьями. А вино, напиток богов, по-прежнему мягко расслабляло, и он принимался ухаживать за какой-нибудь симпатичной женщиной, еще не подозревающей, что утром она проснется в его постели.

Алекс нравился женщинам. Он был чуть выше среднего роста, темные волосы, правильные черты лица, обаятельная улыбка. Мягкий тембр голоса и взгляд его карих миндалевидных глаз притягивали к себе и располагали к доверию. Он хоть и не был желанным ребенком в семье, но все же родился в любви. Это было единственным, что дали ему родители, которые развелись сразу после его рождения.

Все его женщины, получали не только то, что они хотели от него в постели, но и другое, обычно не свойственное мужчинам его возраста. Искренность, душевную теплоту, заботу. То, чего ему самому не хватало всю жизнь. Он с легкостью им это давал, но с такой же легкостью и забирал.

Для него каждое новое знакомство было чем-то особенным. Он всегда красиво ухаживал, и было неважно, сколько потребуется времени для того, чтобы их отношения стали близкими. Пока он ухаживал, в их отношениях оставался смысл. Затем – еще три, четыре встречи, и наступала пустота. Он не находил в новых отношениях того, что искал все время.

В семь лет, накануне того дня, когда он впервые пошел в школу, ему приснился странный сон. Единственное, что он запомнил – это женское лицо. Девушки, девочки – он не мог разобрать. Лицо было неотчетливым, как будто белая, тонкая, полупрозрачная ткань скрывала его.

Вечером, перед сном, он очень переживал – какими будут его одноклассники, как отнесутся к нему учителя. Проснувшись, он впервые задумался о встрече, которая

ему предстоит. Хотя он точно не помнил ее лица, но не сомневался, что сразу узнает ее, когда увидит.

С любопытством, разглядывая всех встречавшихся ему на пути девушек, от первоклашек до взрослых, какими ему казались десятиклассницы, тогда он так её и не встретил.

Входя в класс, он все еще надеялся, что приснившаяся девочка будет сидеть с ним за одной партой.

Когда он подходил, девочка, сидевшая к нему вполборота, болтала о чем-то с новой подружкой, сидящей за соседней партой. Сердце первоклашки замерло, когда девочка стала оборачиваться в его сторону. Именно его соседка по парте оказалась самой красивой в классе, но все-таки не похожей на ту, увиденную во сне.

Во второй раз сон повторился через семь лет. Ему было – четырнадцать. На этот раз лицо было более отчетливым, но его все еще скрывала полупрозрачная ткань. У нее были светлые, длинные волосы, и она что-то говорила ему. Что, – проснувшись, он не помнил.

На следующий день к ним в класс пришла новенькая. Она, с ангельским личиком, чем-то напоминала незнакомку из сна, только была с темными волосами. Эта девочка заставила его в первый раз влюбиться. Первое чувство принесло ему не только радость обретения, но ещё и горечь потери, как это часто бывает в первый раз.

После этого, сон долго не повторялся.

Жизнь шла своим чередом. Его сердце не черствело, но уже не ощущало боли тех, с кем он легко расставался. Даже спустя много лет, сидя на берегу океана и всматри-

ваясь в удаленную фигурку одиноко отдыхающей девушки на другой стороне пляжа, он, набравшись смелости и пошёл к ней, но, подходя, уже понял, что снова ошибся.

Так было до тех пор, пока он не встретил Анну.

Пытаясь, хоть как-то зажечь намокшие спички и прикурить, боковым зрением он заметил небольшой белый фургон, притормаживающий рядом. Пошел настоящий ливень. Фургон остановился и стал сдавать задним ходом по направлению к нему. Когда фургон поравнялся с его машиной, он увидел на кузове надпись, такую же, как и на коробке спичек, который все еще держал в руках. Сверкнула молния. Половина букв на фургоне стерлась и только часть последних, как ему показалось при яркой вспышке молнии, была более отчетлива – «И или Я».

Стекло пассажирской двери медленно опустилось. Он не видел лица того, кто был за рулем, а только услышал голос: «Я могу помочь...»

Понять что это – вопрос или утверждение, было сложно. Гром прогремел так, что думать о правильности произношения фразы расхотелось. Он схватил с заднего сиденья свою дорожную сумку, и в последний раз посмотрел на машину, которую так и не смог завести.

«Странно, – с досадой подумал он, и хотел с силой хлопнуть капотом, но в последний момент передумал и просто опустил его вниз, дав замку защелкнуться.

Дождь шел не переставая. Дверь фургона была открыта, и он плюхнулся на сиденье рядом с водителем. В салоне чувствовался сладкий запах карамели. Машина тронулась.

«Наверно кондитер», – решил Алекс.

– У вас можно курить? – это было первое, о чем он спросил.

Незнакомец молчал.

– Меня зовут Алекс... То есть, Алексей, – после некоторой паузы проговорил он.

Незнакомец по-прежнему молчал.

«Ладно», – он достал все тот же мокрый коробок спичек и невольно вспомнил совпадающую надпись на фургоне.

– И или я, – вслух произнес он. Это были последние буквы в слогане.

– Можно и так, – вдруг заговорил незнакомец. – А курить, молодой человек, знаете ли, вредно.

Наступила пауза.

Белый фургон, быстро набрав скорость, легко маневрировал в потоке летящих вперед машин, и ни один инспектор ГИБДД не решался прервать его полет.

«Да, – думал Алекс, глядя на профиль незнакомца, то и дело поглядывающего на наручные часы, – где-то я его видел, уж очень знакомое лицо».

Тепло салона и сладковатый запах окончательно его разморили. Сколько он проспал – он не помнил, проснувшись от звуков музыки и запаха табака.

Играл джаз, а в зубах у незнакомца дымилась сигара.

– Иилия, – вытащив сигару изо рта, представился водитель фургона. – Угощайтесь, – он указал Алексу на большую коробку с сигарами и такую же большую настольную зажигалку, они лежали на сиденье – рядом.

– Итак, молодой человек, домой?

Алекс опять не понял, что подразумевала эта фраза – утверждение или вопрос. Но это было неважно. Они въезжали в город.

О том, что он решил вернуться в родной город, никто из его «старых» знакомых не знал. Меньше всего он хотел их сейчас видеть, ведь и в них была причина, по которой он уехал. Единственным человеком, кому он всегда доверял, был Никита. Ему очень хотелось верить, что Ник совсем не изменился, остался прежним Ником, каким был одиннадцать лет назад. Конечно, Ник сделает вид, что обиделся на него, за то, что он все эти годы молчал, но, как было всегда, ничего не будет спрашивать первым. И как было всегда, Алекс сам ему сам все расскажет.

Они знали друг друга с семнадцати лет, были почти ровесниками, но в то же время совершенно разными. Ник был старше его на пару лет и был более рассудительным. Ник не пил. Вернее, не пил так, как пил тогда Алекс. Вернее пили они вместе, но почему-то Алексу всегда было мало, и его тянуло на приключения, которые находились сами собой. А также всегда находились две симпатичные девушки. И, конечно, самая красивая из них доставалась ему. Ник никогда не обижался. Они оба понимали, что их отношениям это не помешает. Хотя, на самом деле, выбирали не они.

Но один раз чувство соперничества все-таки имело место.

Ее звали Кира. Она была не только красива, но и умна. Наверное, эти два качества, соединенные вместе, и привлекли их внимание к ней. Они недавно с ней познако-

мились и пока еще встречались втроем. Обсуждение просмотренных фильмов, прочитанных книг и случайных прохожих заканчивалось всегда за полночь, и почти всегда происходило в кафе, где у Ника работал знакомый бармен.

Стараясь понравиться, Алекс, как обычно, смешивая и употребляя все спиртные напитки, находившиеся в баре, изображал из себя знатока кинематографа и человеческих душ. Ник молча слушал. Так было каждый раз, пока они встречались. Но однажды Кире все это надоело. Она, видя только дурачество Алекса и скромное молчание Ника, попросила проводить ее домой и больше никогда не звонить.

Стоя под ее окнами и опираясь на плечо друга, трезвющий Алекс понимал, что если он когда-нибудь и добьется, не только ее тела, но и сердца, то смотреть в глаза Нику, как прежде, он уже не сможет. Он видел, что его друг влюблен в нее. В этот раз он отступил. Отступил не только ради их дружбы, но и потому, что понимал – он ничего не может дать такой женщине. Даже своей любви. В какой то мере ему было стыдно за свою юношескую бедность.

Он придумывал разные предлоги, чтобы не встречаться с ними, и это срабатывало. Они виделись все реже и реже.

Окончив институт, Ник, не найдя ничего лучшего, устроился бухгалтером в то самое кафе. Изредка, Алекс забегал к нему. Они пили кофе, болтали ни о чем. Алекс понимал, что у него с Кирой – все хорошо, но не решался спросить об этом. На самом деле ответ и так был ясен.

Как бы раньше ни складывались их отношения, Алексу всегда были важны советы Ника. Он был для него сво-

его рода психотерапевтом. Так было и в тот раз. В последнее время Алекс общался с людьми, в искренности которых он не был уверен, но говорить об этом не хотел. Краткие встречи с Никитой были нужны Алексу не для того, что бы нагрузить друга своими проблемами, а просто – для души. Он скучал по дружескому общению. Но, видя счастливые глаза Никиты, Алексей понимал, что теряет друга. Теряет не потому, что у того есть другой человек, которому он отдает себя без остатка, а потому что знает – Никита бросит все, чтобы ему помочь, узнав в какую «компанию» он попал, а этим может разрушить свое счастье. Но Алексею всегда было приятно видеть друга счастливым.

А так же Алексей понимал, что с этого момента должен идти по жизни сам, надеясь лишь на свое сердце. Но сколько он при этом допустит ошибок, было неведомо никому.

Пока он размышлял, фургон остановился у ресторана с яркой неоновой вывеской – «Nota Bene». Когда-то это было просто кафе без названия. Дождь закончился. Алекс стоял перед входом в недоумении. Он еще раз огляделся по сторонам. Это было – то самое кафе. Правда, теперь у него было название.

Еще его удивлял загадочный попутчик, в это время вытаскивающий из фургона какие-то коробки и складывающий их прямо на тротуаре у входа. Водитель насвистывал мелодию из какого-то французского фильма, и, казалось, совсем не замечал Алекса. Но каким образом он привез его именно сюда, или им просто оказалось по пути – Алекс не понимал. Ведь именно здесь, в этом кафе, он хотел хоть что-

то узнать о Никите. Но, зная, сколько прошло времени, он не мог надеяться на то, что встретит именно того Никиту, которого знал раньше. Время меняет людей.

Нам только кажется, что мы не меняемся. Люди, события, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, слова, которые мы произносим и слышим, становятся частью нас, становятся нами.

Так мы меняемся, оставаясь, в то же время, самими собой.

Только иногда по утрам, машинально глядя на себя в зеркало, вдруг удивляемся, – что перед нами почти незнакомый человек – с легкой сединой на висках и усталыми глазами с морщинками в уголках.

Но что-то в этих глазах еще остается от того задорного юноши, который странным образом живет внутри нас. Он помнит, когда в первый раз погладил бездомного одинокого щенка, в первый раз услышал «спасибо», когда, из книг, впервые узнал, что такое любовь...

Все это непостижимым образом живет в нас, несмотря на печальный опыт и горькие разочарования.

Но когда мы встречаем другого человека, которого не видели много лет, то, видя, как он изменился, нам почему-то кажется, что и его внутренние качества изменились не в лучшую сторону. Поэтому, мы не доверяем ему сначала. Нужно время, чтобы понять каким он стал.

– По латыни «nota bene» означает «обрати особое внимание», – вмешиваясь в мысли Алекса, заговорил Илия, – Для кого-то это ничего не значит, а для меня – многое.

Только теперь Алекс смог, как следует, рассмотреть своего попутчика. Высокий рост, длинные темно-русые

волосы. Светлая рубашка – навывпуск. Потертые и какие-то странные разноцветные джинсы, давно вышедшие из моды. Недельная небритость, и не менее странные коричневые сандалии на босу ногу. Илия был похож на музыканта из 70-х. Непосредственность в одежде сочеталась с манерой общаться.

– Итак, молодой человек, на чем мы с вами остановились. Вернее, – где. Место это уникально тем, что когда-то, в древние времена, здесь встретились и полюбили друг друга прекрасная девушка и юноша. Но им суждено было расстаться. Так гласила бы красивая история, но было это так давно, что запомнить, а уж, тем более, записать, в те времена было некому. И...

– Простите, а вам тогда откуда это известно? – парировал Алекс, не дав ему продолжить.

– А знаете, юноша, вы мне нравитесь. Поэтому, так и быть, расскажу... – но в этот момент он поймал чуть насмешливый взгляд Алекса. – Хорошо, тогда в другой раз, – продолжил он, ничуть не смутившись.

Алекс уже понял, что новый знакомый не прочь поболтать. В принципе, он и сам не хотел прерывать столь интересную беседу, это отвлекало от тяготивших его мыслей.

– А сейчас, я попрошу вас об одном одолжении. Помогите уставшему путнику, то есть вашему покорному слуге, доставить этот ценнейший груз по назначению. Он указал на дюжину картонных коробок, стоявших перед входом.

– Это конфеты, – предугадал он вопрос Алекса. – Вы, сударь, не подумайте грешным делом чего плохого. Это

все брата моего. Он сам их делает и... А я, по доброте душевной, ему иногда помогаю.

Алекс вспомнил сладкий запах в фургоне. Все постепенно вставало на свои места.

– На самом деле редко, кто из вас, вернее, из нас обращает внимание на то, что окружает нас в жизни. А ведь во всем можно увидеть смысл нашего с вами Бытия. Не будь этого названия, – он бросил взгляд на неоновую вывеску, – не оказался бы я на этом месте год назад. Не познакомился бы с хозяином этого заведения. Кстати, наимилейший человек.

«Да, – размышлял Алекс, – наверно плохо не знать латынь». В его представлении два этих красивых слова – nota и bene – должны были означать что-то очень красивое, а не просто то, на что следует обратить особое внимание.

– Не оказались бы мы сейчас тут, не пробило бы полночь, – продолжил Иилия.

Откуда-то действительно донесся бой часов.

«Раньше этого не было, – подумал Алекс, – а может, я просто не замечал».

«Почему, когда мы приезжаем в другой город, – думал он, – или место, где мы никогда раньше не были, мы не перестаем удивляться каждой мелочи. Мы замечаем, какие цветы растут на окне, проходя мимо понравившегося нам дома. Во что одет официант в кафе, какого цвета небо. Мы улыбаемся незнакомым людям, не думая, нравятся они нам или нет. Именно там, в другом месте, нам кажется, что мы живем по-настоящему, мы радуемся жизни.

А дома? Мы не замечаем, как пролетает день за днем. Мы торопимся, боимся чего-то не успеть, куда-то опоз-

дать, кому-то не понравиться. Боимся того, чего еще не знаем. А как узнать? Когда мы подаем милостыню нищему, разве мы знаем, во что она ему обернется. Читая книги, мы стараемся избежать ошибок, о которых в них предупреждают. Но все равно их совершаем. Потому, что мы думаем, что мы особенные, что с нами такого произойти не может. А происходит. Да еще и похуже! Мы даже не знаем – кто мы, как произошли и ради чего живем. Кто знает точно? Тот, кто это видел? Смешно! Хотелось бы с ним поговорить и получить ответы, если не на все вопросы, то хотя бы на один...»

Иногда Алекса заносило, и он сам пугался своих размышлений. Конечно, он знал о Библии, о Её Главном персонаже, но сомневался – а было ли это на самом деле? Но все-таки понимал, если поверить во что-то, а затем по-настоящему постичь то, во что ты поверил, убедившись, что это действительно последняя инстанция, тогда наш разум бы успокоился. И не было бы «за», и не было бы «против». И не было бы «если», «вдруг» и «почему». Всего бы этого не было, не только в нашей жизни. Потому, что Жизнь, данная нам Кем-то, такой будет всегда, пока мы сами, не понимая, не захотим изменить Её. А пока, Кто-то уже определил нашу судьбу, и нам нужно только это осознать.

– Дело даже не в латыни, – удивительным образом угадывая его мысли, заметил Иилия, – У каждого свой путь. Нравиться он нам или нет, решать не нам. Все начертано у нас на руках.

Алекс посмотрел на бугорки и извилистые линии на своих ладонях. Линии жизни, судьбы, любви, – когда-то

он читал книги по хиромантии – искусству чтения руки, но так до конца и не понял их смысла. Вернее, усомнился в их истинности.

– Но мы можем все изменить, испортить, – продолжал Иилия, – сами решая, что хорошо, что плохо, выбирая, какой дорогой мы пойдём – длинной или короткой. К Богу – путь длиннее, чем к дьяволу... Пройдем ли мы все испытания, или наоборот, уйдем от них, не зная, что они и есть – главное?... Но дело даже не в этом, ... м-мм..., как бы вам сказать. Вы были счастливы? – Иилия даже улыбнулся от постановки своего вопроса.

– Когда был совсем маленьким и не умел говорить, – пошутил Алекс.

– А если серьезно?

Алекс задумался. «Счастье – это, наверное, конечная цель наших желаний», – он прекрасно помнил причину, вследствие которой здесь оказался, и если то, что он задумал, сбудется, то не назвать это счастьем он не сможет. Хотя, как известно, счастье никогда не бывает полным.

– Хорошо, тогда спрошу по-другому. А несчастливы были? – Итак? – почти торжествовал Иилия.

– Я был счастлив только с ней, – тихо произнес Алекс.

– Хорошо, хорошо. А сколько вы без нее? – не успокаивался Иилия.

– Пару дней, – выдавил из себя Алекс.

– Превосходно! А сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– Наконец-то! Значит, вам, милейший, тридцать четыре года, и вы их кое-как прожили и всего пару дней из них были несчастливы?

– Но.., – попытался возразить Алекс.

– Я вас поздравляю!

В улыбке Иилии радости было больше, чем у ребенка, увидевшего новую игрушку.

– По-вашему я счастлив?

– По-вашему, по-моему. Какая разница. Каждый должен понять, что счастье уже дано ему, раз он появился в Этом Мире. Этого уже никому не изменить, – Иилия даже сделал вид, что обиделся, но у него это плохо получилось. – А если вы считаете за счастье быть рядом с любимым человеком, и быть им любимым – это лишь мгновения, прикосновения к счастью, и это уже совсем другая история...

Он посмотрел на растерянного Алекса и, улыбаясь, вполголоса добавил:

– Если вам суждено быть вместе, то никто, поверьте мне на слово, у вас этого не отнимет.

Они замолчали. Каждый думал о чем-то своем.

Алекс с радостью осознавал: во-первых, его судьба не так безнадежна, а во-вторых, совершенно незнакомый человек неожиданно дал ему возможность заговорить о себе вслух. Наверное, сработал «эффект попутчика», когда свободно открываешь свои тайны человеку, которого раньше никогда не видел, и надеешься больше не увидеть.

А Иилия переминался с ноги на ногу, время от времени посматривая на часы.

– Странно. Уже больше, чем пять минут первого, а его еще нет, – первым нарушил молчание он.

Во взгляде Алекса он заметил немой вопрос.

– Я уже говорил. Хозяина заведения. У нас с ним договор.

Яркий, заставивший невольно прищуриться, свет ксеноновых фар, внезапно появившейся из-за поворота машины, не дал ему договорить. Не сбавляя скорости, машина ехала прямо на них. Серебристый «Бентли» плавно остановился около входа. Дверь автомобиля открылась, и из него вышел Никита.

Когда ты загадываешь, что встреча со старым другом произойдет так-то и так-то, то на самом деле все происходит совсем по-другому.

Никита, не обращая ни малейшего внимания на двух мужчин, стоящих рядом, быстрыми шагами направился к входу в ресторан. Когда же на его пути возникла груда коробок, аккуратно поставленных друг на друга, он остановился. Простояв несколько секунд, как будто что-то оценивая, он медленно повернулся в сторону ожидающих мужчин.

Произошедшее Никита еще много раз рассказывал Алексу как нечто невообразимое.

– А я смотрю и не верю – ты или не ты. Нет, я тебя сразу узнал. Но, как? Ты! Здесь! Стоишь и как будто весь светишься. Точно, тебя мне сам Бог послал, – не мог успокоиться друг, – Ты знаешь, я ведь тебя часто, очень часто вспоминал. Как ты нужен был тогда! Я даже в церковь ходил и молил, чтобы у тебя все было хорошо.

– Правильно. Ты бы фары на своей машине выключил, тогда бы я не светился.

– Я так рад, так рад! – Никита хватал Алекса, прижимал к себе и долго не отпускал, сильно хлопая по спине.

– Всё! Теперь всё будет хорошо!

Иилия, наблюдавший за всем этим, не выдержал.

– Друзья, знаю я по этому поводу хорошую историю про то, как встретились два друга и так долго обнимались...

– Иилия! Дружище! – Никита и его хлопнул по плечу, да так, что тот чуть не упал.

– Но-но! Я попросил бы без фамильярности, – запротестовал Иилия.

– Ребята! Я вас так люблю! Вы не представляете! – не унимался Никита, – Лёшка, Иилия! Что же мы здесь стоим! Всё! Пошли!

Он взял обоих под руки и потащил за собой. Перед входом Иилия успел всё-таки вывернуться из объятия шумного Никиты.

– Ну, вот. Делай людям добро, а коробки сам таскай, – проворчал он. – «А всё-таки, они молодцы». Он взял несколько коробок и понес их вслед за ними в кафе, насвистывая всё ту же французскую мелодию.

Через полчаса старые друзья остались вдвоём. Никита отпустил оставшихся сотрудников, ушёл и Иилия, сказав, что зайдёт завтра.

– А тут всё изменилось, – заметил Алекс.

– Изменилось, к сожалению, – в голосе Ника появились печальные нотки, – и не только здесь. – Слушай, а давай, как раньше, – он встал за стойку бара, – Водка, один литр и без закуски.

– Ты забыл сигареты. И никаких стаканов.

Алекс присел напротив, на высокий стул. Они сделали по глотку.

– Ну, и что ты делал все это время?

– А давай, все-таки огурчиков с хлебом, с салыцем, да с чесночком. Давай! – Ник суетился от радости, не давая Алексу ответить.

– Чувствую, как раньше не получится.

– Получится-получится. Еще лучше получится!

Никита куда-то исчез и через пару минут появился с целым набором закусок на подносе.

Друзья сели за стол.

Ник разлил водку по большим стаканам и, почти залпом выпил первым. Алекс внимательно посмотрел на него.

Ник действительно почти не изменился. Только на нем был хороший дорогой костюм, увесистый золотой браслет на правой руке и дорогие часы на левой.

– А ты изменился, – Алекс обратился к Нику, наливая себе сам.

– А ты – ни капли. Я сразу тебя узнал и...

Алекс оборвал его на полуслове.

– Давай выпьем. Выпьем за нас. За все хорошее, что у нас было тогда.

– Давай. – Ник тяжело вздохнул.

Они чокнулись стаканами.

По тому, как искренне Ник обрадовался встрече, Алекс интуитивно чувствовал, что может ему доверять, чем бы тот сейчас не занимался.

– Надеюсь, ничего плохого в этой жизни ты не делаешь. – Алекс перевел взгляд с Ника на сверкающий «Бентли» за окном.

– Ты об этом, – Ник тоже посмотрел в окно, – Ерунда. Это машина Киры. Моя – не завелась, пришлось воспользоваться добротой бывшей жены.

– В каком смысле, бывшей? – удивился Алекс.

– Объясняю. Сегодня воскресенье, я был у сына. Потом торопился на работу к двенадцати. Там у меня была встреча с этим, как его, все забываю...

– С Илией, – подсказал Алекс

– Точно. Кстати, наимилейший человек. Он меня так в последнее время выручает.

– Так у тебя есть сын?

– Да, Алекс, у меня есть сын, и зовут его Антон. Ему уже десять лет. Почти столько же – мы с тобой не виделись.

– А Кира? Почему, бывшая? – теперь уже не унимался Алекс.

– Долго рассказывать. Давай, наливай. – А ты? Чем ты занимался все это время?

– Я? – Алекс задумался. – Рано ложился спать, – пошутил он.

– Ха, знаю я, откуда это. Не один ты у нас знаток Голливуда, но мы – не в Чикаго, – заметил Ник, давая понять, что он тоже помнит когда-то любимый ими фильм – «Однажды в Америке».

– А давай снимем наш фильм. «Однажды в России». Нет. «Однажды в СССР». Про нас с тобой.

Алекс понял, что Нику больше наливать не стоит.

– А давай, покурим, – не успокаивался Ник.

Он стал доставать из карманов пиджака разные маленькие полиэтиленовые пакетики.

– Хочешь? – Он показал пакетик с белым порошком внутри, – Пабло Эскабар, или как его там, отдыхает.

Ник попытался открыть пакетик, но случайно разорвал, и белая пыль рассыпалась прямо на него.

– У, батенька, да вы еще и нюхаете, – Алекс посмотрел на друга с сожалением.

В таком виде, друг был похож на маленького смешного, но глупого поросенка, у которого рыльце было не в пуху, а в кокаине.

Ник понял всю комичность своего положения и, чтобы сгладить неловкую ситуацию, решил рассмешить старого приятеля – вместо смеха захрюкал.

Попытка ему удалась – Алекс смеялся до слез.

– Ладно, пошли на воздух. Пора браться за твое воспитание, – помогая Нику подняться, Алекс незаметно собрал со стола пакетики и уже на улице выкинул их в урну.

– Ну, а теперь рассказывай, что у тебя случилось?..

Они ехали по ночному городу. Было четыре утра. Город был тих и пустынен. Город спал. Так же как и Ник – только – совершенно пьяный на заднем сиденье «Бентли». Одиннадцать лет назад все было с точностью до наоборот.

Алексу все-таки удалось узнать у друга его адрес, но вот ключей от квартиры нигде не было. Но сейчас это не имело значения, как и то, что ему рассказал Никита.

Проезжая мимо темных домов, Алекс постепенно вспоминал город. Город, где он родился и сделал свои первые шаги. Город, который он полюбил, потому что здесь был его дом. Здесь он впервые нашел друзей.

Он любил город за летний запах после дождя, и за сам дождь, под который было приятно засыпать, закрыв шторы и укутавшись в теплый плед. Он любил этот город, где мало солнца, но зато есть белые ночи. Он любил город за то, что здесь живут люди, которые любят его.

Тогда он еще не знал, что этот большой и красивый город имеет и свою обратную сторону. Порок, который ему принадлежал, заключался в тех же людях, которые могли не только любить, но и ненавидеть. Понять этого тогда, а, тем более, смириться с этим он не сумел. И когда, человеческое зло коснулось и его, он встал на сторону Добра и Справедливости, не зная, что храброе сердце и юношеский максимализм, принесут лишь одни неприятности. Не знал он и того, что Зло всемогуще в начале, со временем ослабевает. А Добро, в начале слабое, становится всемогущим в конце. Чтобы понять это необходимо было время и учителя. Время, которого у него не было, и учителей, которых он не увидел в своей жизни.

Но Алекс еще долго верил людям. Не понимая всего и не находя выхода, он обвинил во всем город, считая, что город делал людей такими – алчными, завистливыми и не умеющими любить. Обвинил, и, сам того не понимая, возненавидел.

А что сам Алекс тогда знал о любви?

В его представлении любовь должна быть только между двоими – мужчиной и женщиной. Так он читал в книгах, видел в фильмах, такую любовь и искал. Искал женщину, не только для продолжения рода, а способную стать другом. Веря, что своей чистой и бескорыстной любовью, он даст ей то, что в этом мире уже забыли. И

именно с них начнется что-то новое, светлое, что поможет тому же миру измениться и стать лучше.

Читая классику – Толстого, Стендаля, Дюма, Алекс видел прекрасных женщин – тонких, умных, чистых, трогательных. Как он ни старался, в своей жизни таких найти не мог. Ему было плохо, он мучался от безысходности, и, как ему казалось, страдал, не зная, что все страдания еще впереди.

И все-таки Алекс принял решение. Он решил покинуть этот город, который и любил и ненавидел одновременно.

А может, чья-то невидимая рука вела его навстречу новым испытаниям, только для того, чтобы вернуть обратно.

Они подъехали к воротам дома, окруженного кованой оградой. Верхняя камера охраны медленно направила свой объектив в их сторону. Через несколько секунд ворота автоматически открылись.

«Раз пустили, значит адрес запомнил верно», – подумал Алекс, въезжая на территорию действительно роскошного дома.

– Да! Вот оно – скромное обаяние буржуазии.

Рядом с парадным входом, на не менее роскошной лавочке из такого же черного кованого металла, что и ворота, кто-то сидел. Когда Алекс подъехал, незнакомая личность встала и подошла к машине.

– А где Никита? – кто-то оказался юной, миловидной девушкой, лет восемнадцати, в легком летнем платье.

– Я тут всю ночь сижу, уже замерзла, а эти, – она указала на камеру охраны, – не пускают. Мне Никита ключи дал и сказал, чтобы я его дома ждала.

Алекс вышел из машины и подошел к ней. Она действительно была очень юной и действительно замерзла.

– Сейчас разберемся, – он снял свой пиджак и накинул на ее хрупкие плечи.

– Что же нам с ним делать? – Алекс понимал, что Ник в таком состоянии вряд ли сам сможет дойти.

В этот момент дверь парадной открылась, и из нее вышел охранник.

– У нас указание, без Никиты Валерьевича никого не пускать, – виновато сказал он.

– Со м-мной... – Ник попытался что-то сказать, высунув полголовы из машины, но находясь еще в лежачем положении.

Этого оказалось достаточно.

– А, пусть потом сами разбираются, – пробурчал охранник, ловко вытащив Ника из машины и погрузив себе на одно плечо, да так, что тот оказался вниз головой, понес его в дом. Видно, делал он это часто. Девушка, побежала вслед за ними, но вдруг остановилась и внимательно посмотрела на Алекса.

– А вы, ничего!

Наступила пауза.

«Этого только не хватало, – подумал он, но потом, улыбнувшись, сказал вслух:

– Если вы, юное создание, думаете, что я пойду с вами, то ошибаетесь. Вы и сами с ним справитесь.

Она, пожав плечами и, подарив ему вполне женскую многообещающую улыбку, исчезла в сумраке поздней ночи, уже сменяющейся ранним утром.

Зная, что в таких домах не только две камеры слежения, и что за ним сейчас наблюдают, он сел в машину и выехал за пределы видимости.

Он не ожидал, что все произойдет так стремительно. Встреча с Ником. Каким он стал. Этот странный Иилия. В принципе, все складывалось удачно. Может, действительно изменившийся город его принял. Ведь и он сам изменился. Мысли путались.

Но больше всего ему сейчас хотелось не в тысячный раз разобраться с ними, а услышать её голос.

Алекс остановился на какой-то безлюдной улице. Тихо играла музыка. Это была медленная знакомая мелодия, которую они не раз слышали, оставаясь вдвоем. «Почему, когда звучит что-то грустное, ты обязательно думаешь о той, в которую влюблен, и которой сейчас нет рядом?». На мгновение он представил ее лицо и вспомнил ее слова: «Ничто так не влияет на человека, как музыка. Она проходит сквозь разум и, достигая сердца, покоряет душу...»

В машине был телефон.

– Думаю, Ник на меня не обидится.

Волнуясь, он набрал знакомые цифры.

– Привет...

Как всегда, в это время года здесь было очень холодно. Выйдя из полицейского участка, он бесцельно бродил по заснеженным улицам тихого курортного городка, куда они с Ингой приехали одиннадцать лет назад.

Было уже поздно, но немногочисленные магазинчики еще сверкали своими яркими разноцветными витринами в преддверии Рождественских праздников. К тому же, была пятница – начало уикенда. Все торопились заранее сделать покупки и быстрее вернуться в свои уютные домики, к своим близким. Так всегда было и с ними.

Но в этом году для Алекса все сложилось иначе. После того, что произошло этой ночью, возвращаться домой ему не хотелось. Ему повезло. Адвокат, которому он позвонил, несмотря на поздний час, приехал незамедлительно и довольно быстро уладил его дело. Он подключил своего приятеля, детектива Мюрэя, и тот, в свою очередь, вспомнил о подобных случаях, произошедших не так давно. Тогда они задержали подозреваемых, но так ничего не доказав, вынуждены были их отпустить. Его предположение оказалось верным. Через час подозреваемых допрашивали в соседнем кабинете. На этот раз, улик было предостаточно. Кредитки, водительское удостоверение, женские наручные часы, украшения, обнаруженные у преступников дома – всё это принадлежало Инге. Как выяснилось потом, на вещах одного из них была кровь, ее кровь.

Прощаясь, адвокат предупредил его, что с Ингой все в порядке, но некоторое время она будет в клинике.

– Я не хотел тебе говорить, – он посмотрел на Алекса с сочувствием, – я разговаривал с ней. Она никого не хочет видеть. Даже тебя.

– Я знаю, – Алекс протянул ему для прощания руку, – Спасибо.

Алекс понимал, какую услугу тот ему оказал. Если бы не его профессионализм, то все могло бы закончить-

ся совсем по-другому. Ведь первоначальное обвинение, хоть и со слов Инги, было достаточно серьезным.

Сейчас ему хотелось побыть одному. Ему необходимо было понять, где же он допустил ошибку, А может, все их отношения были одной сплошной ошибкой. Но почему она с ним так поступила, если просто хотела расстаться? Он гнал от себя гнетущие мысли, все еще оправдывая ее. Наверное, дело все-таки в нем. Вспоминая все произошедшее накануне, он не мог себе простить одного. Видя ее состояние вчера вечером, он, тем не менее, предложил пойти в гости к Вачовским, хотя прекрасно знал, чем это может кончиться.

Вачовские были единственной русско-польской парой, с кем они общались. Ему очень хотелось верить в то, что Инга, в который раз обещавшая не пить спиртного, не будет устраивать скандал, как это иногда случалось, и не будет превращать званый вечер в театр хаоса и абсурда, вовлекая в него всех присутствующих, без их на то согласия.

А начиналось все очень достойно. Сухое вино, приятная беседа за столом. Новости из России и их обсуждение сводилось к одному – все трое, кроме Алекса, в один голос заявляли, что готовы целовать асфальт этой страны, в которой сейчас находятся. Они счастливы здесь, и ни под каким предлогом не вернутся обратно. Правда, о будущем, даже здесь – они говорить боялись. Тема разговора не менялась, но постепенно обрастала воспоминаниями о прошлой жизни каждого.

Вино заканчивалось, и мужчины начали пить водку. Расслабившись, Алекс не заметил, как Инга под

общее веселье выпила сначала одну рюмку, потом вторую. Этого было достаточно. Начался спектакль, где в роли главного режиссера выступала она. До этого, тихо сидевшая, она вдруг ожила. Она стала вмешиваться в разговор, начала спорить и рьяно отстаивать свою позицию, уверенная в правоте, но плохо сознавая суть происходящего.

Когда ей это надоело, она взяла в руки гитару и стала петь русские романсы. Все молча слушали. Потом ее потянуло танцевать. Она веселилась, и со стороны, все было не так уж плохо. Но когда, случайно заметив свое отражение в ее уже стеклянном взгляде, и видя как ее глаза из небесно-голубых превращаются в непонятно-серые, Алекс начал злиться. Он сам не понимал, почему. Не обрати он на это внимания, может быть, все бы закончилось и по-другому. Но... они снова стали выяснять отношения.

– Что? Я тебе такой не нравлюсь? Ты меня больше не любишь? Да, пошел ты! Ненавижу тебя!

Это был лишь повод выпить больше. Бутылка опустошалась в считанные минуты.

И тогда в ход вступали ее руки, а потом все что в них попадалось. Исцарапанное лицо было мелочью, по сравнению с тем, когда в ее руке оказывался кухонный нож. Наверно, ей казалось, что перед ней не он, а кто-то, кто действительно ее не любит и желает зла. Но даже в этой ситуации, Алекс пытался ее оправдать, хотя и не мог понять, что в этот момент творилось в ее голове. Любил ли он ее? По крайней мере, все эти годы он был достаточно честен с ней. Инга была старше его на семь лет. Черты

славянской внешности: светлые волосы, голубые глаза, делали ее привлекательной и скрывали ее возраст. Но не поэтому не чувствовалась разница между ними. В повседневной жизни она была маленькой девочкой – доброй и совсем бесхитростной, что мешало ей приспособиться к жизни. Жизнь сама приспосабливалась под нее. И Алекс...

...Он не знал, когда впервые увидел ее – красивую, полную жизни, – что несколько дней назад она вышла из психиатрической лечебницы, в которую попала из-за попытки покончить с собой.

Они переспали в первый же день их знакомства. Это был просто секс. Но что-то странное было в нем уже тогда. Она занималась им так, что его соседи думали, что он ее убивает. Она кричала, плакала, стонала – но только от удовольствия. Она просила еще. Он сбился со счета, сколько она испытала оргазмов. А может, это был один сплошной, но такой силы, что поверить в такое было возможно, лишь испытав на себе. Так продолжалось всю ночь. Наутро, видя, что он не предлагает ей остаться, она ушла... Правда, оставив номер своего телефона.

Он позвонил ей только через полгода, когда сам был на грани. Не самоубийства, тогда ему казалось, что себя он убил давно. Хуже. Он потерял веру. Веру в людей. И с этим надо было как-то жить.

Она сделала вид, что не сразу его узнала, но все же согласилась встретиться. Все повторилось вновь, но только на это утро он ее никуда не отпустил. Ему надо было с кем-то поговорить. Их разговор был похож на секс, такой же нескончаемо долгий, приятный и такой нужный им обоим. Он был одинок, она, как выяснилось тоже. Ее

ничего не держало в России, наоборот – она собиралась уехать из страны навсегда. Детей у нее не было, родители умерли, а единственная тетка, жившая за границей, давно звала ее к себе. Решение возникло само собой. Она предложила уехать вместе. Но для этого необходимо было стать ее мужем.

Любил ли он ее? А она его? Каждый говорил, что – да. Иногда, как нам кажется, мы впускаем любовь в свое сердце. Кто-то для того, чтобы забыть прежнюю привязанность. А кто-то открывает при этом еще и душу. Попадая туда, любви уже не важно, настоящая она или нет.

Ему было все равно – в России или в другой стране он будет заботиться о ней. Но шанс – начать все сначала и забыть о тех проблемах, с которыми столкнулся до встречи с Ингой, он упускать не хотел.

Процесс оформления документов занял достаточное количество времени, за которое оба не изменили своего решения. Даже наоборот, они сблизились настолько, что посвятили друг друга в свои тайны. Она – в то, что любила и была любима. Но в один прекрасный день все закончилось, но ей забыли об этом сказать. Он – в то, что верил в свои идеалы, но потерял веру в людей, предавших его в трудную минуту.

Так они оказались за границей. На чужой земле, оставив где-то далеко свои обиды и разочарования, но получили лишь новые, о которых не догадывались раньше.

Поначалу и здесь все было не просто. Возникли сложности с языком, с оформлением гражданства. Но это их только опять сплотило. И когда все встало на свои места, – он устроился на работу в автомастерскую и за короткий

срок добился уважения коллег и клиентов, – случилось непоправимое. Внезапно у Инги начались сильные боли, которые не только не прекращались, но и усиливались со временем. Когда он отвез ее в клинику, врачи констатировали беременность. Внематочную беременность. Операцию надо делать немедленно, но детей после этого она иметь больше не сможет. Главным было спасти ее жизнь.

Спустя неделю, забрав ее из клиники, он только утешал ее:

– Всё будет хорошо. Мы с тобой еще молоды, а когда захотим, врачи, к тому времени, что-нибудь придумают. Да и усыновление еще никто не отменял.

– Да, да, конечно, – она не слышала его слов.

– Отвези меня в церковь, – это было первым, о чем она его попросила.

Православная русская церковь, была здесь единственной и находилась недалеко.

– Не надо, – она отстранила его руку, показывая, что пойдет в храм одна.

Уже стемнело, когда она вышла под руку с каким-то священнослужителем, который подвел ее к машине.

Это был отец Даниил. Он очень внимательно посмотрел на Алекса. По его взгляду было видно, что разговор шел, в том числе, и об Алексее. Инга села в машину и не услышала, о чем они говорили.

– Я знаю, а теперь и вижу, что вы очень добры к ней. То, что я вам сейчас скажу, Алексей, и о чем попрошу, будет очень важно для вас, – священник еще раз посмотрел на Алекса.

– В Священном Писании говорится, что легкая судьба – это проклятие. Неправильно будет сказать, что вы забыты Господом, и поэтому Он не посылает вам испытаний. Господь просто ничего не знает о вас. Он даже вас не видит, пока решает судьбы других людей. Хоть Он и всемогущ и время над Ним не властно, но и у Него нет простых шаблонов – что хорошо, что плохо. На каждого, кто к нему обращается, нужно время. Время, чтобы разобраться, что тот заслужил – прощение или немилость. К великому сожалению, не Его время, а ваше. А пока, с вами лишь ваши ангелы-хранители, они у вас с самого рождения. Так Он сделал, потому что милосерден ко всему живому на Земле изначально. Но ангелы не могут решать всех вопросов, у них очень мало полномочий. К тому же, они могут и ошибаться.

Если вас устраивает – просто есть, спать, жить в свое удовольствие и только ради себя, – то вы живете ровной жизнью, и с вами ничего не происходит. Вы учитесь, работаете, радуетесь, болеете. Вы просто живете по средствам. Вы один из миллиарда, и до вас никому нет дела. Вы – *посредственность*. В этом случае все будет зависеть от вашего ангела-хранителя. Если он сильный – то проживете достаточно долго, но на следующий день, после того, как исчезнете с лица Земли, про вас никто не вспомнит. Даже ваши дети, если они будут. Ведь вы даже любовь женщины будете покупать за деньги. Ваша душа не попадет ни в рай и ни в ад. Она просто исчезнет.

А если ангел, – батюшка улыбнулся, – не то чтобы слаб, а просто к своим обязанностям относится не очень добросовестно, ведь вы неинтересны даже и ему, то,

заболтавшись с другими ангелами, он не заметит, как обыкновенный кирпич случайно упадет на вашу голову. Правда, после такого, он захочет реабилитироваться перед своим Начальством. И когда в его «ведении» будет другой человек, он будет вести его по жизни более усердно. Он, предлагая ему всё новые и новые возможности, поднимет его достаточно высоко. Но и в этом случае, если человек, достигнувший определенных высот, возомнит себя, и примет Дар Божий – талант, как нечто, само собой разумеющееся, ни разу не поблагодарив того, кто Дар этот ему преподнес, то в конце-концов он упадет с этой высоты, и не просто набив «шишки», а окончательно сломав себе «шею», то есть Судьбу. Такой будет считаться *бездарным*, и вскоре, про него так же забудут.

Таких мало, – священник стал более серьезным, – но все же, это они разжигают войны ради своей славы. Ради наживы золотом, они предают, чтобы есть власть. Они стремятся к власти и, обретая её таким путем, еще хотят и бессмертия, так и не сумев понять, что Час Расплаты неумолимо близок, и Судья не Ангел, а Сам Господь, который, к их сожалению, все видит.

Алекс достал сигареты, но не найдя зажигалку, и убирая их обратно, решился спросить:

– Простите, Вы думаете, что я...

Отец Даниил улыбнулся.

– Это я вам для общего развития рассказал. Хотите курить? – Он протянул Алексу коробок спичек.

Не решаясь закурить при священнике, Алекс находился в некотором недоумении.

– Оставьте себе, пригодится. А если серьезно, – продолжал отец Даниил, – пока вы, Алексей, на верном пути. Но это – пока. Те трудности и те испытания, выпавшие вам, вы преодолели. Не отчаивайтесь при виде новых – примите их. И не бойтесь просить.

– Простите, что?..

– Просить у Господа. Ведь для того, чтобы Господь Наш Милостивый вас увидел, Он, для начала, должен услышать ваш голос. И не только в трудную минуту, как многие делают. Просто благодарите Его и просите совета. И лучше делайте это в храме, там ваш голос сильнее.

Отец Даниил уже собрался уйти, но Алекс остановил его.

– Скажите, а с Ингой... С ней все будет хорошо?

– У нее свой Путь, и...

Звон колоколов прервал его.

– Простите, мне надо идти. На все воля Божья...

Наступило другое время, но и его было не просто пережить. Умерла тетя Инги, оставив ей в наследство свой дом и приличную сумму денег на счете. И они из своей маленькой квартиры, которую снимали, перебрались в дом тети. Алекс много работал, сказав, что никогда не воспользуется этими деньгами, потому что это было бы нечестно, так как он в состоянии прокормить их обоих. Инга с ним соглашалась. Она занималась домом, ждала его с работы. Дождавшись, кормила всякими вкусностями и внимательно слушала.

В выходные они вдвоем просто гуляли по городу. Особенно им нравилась пред рождественская неделя. Все

было настолько красиво, как будто они попали в сказку. Они улыбались прохожим, спешащим по магазинам, влюбленным парочкам. Иногда на их пути попадались семейства не с одним, а несколькими малышами. Самого маленького несли на руках. Его глаза горели восторгом от увиденной впервые огромной, украшенной яркими огоньками рождественской елки. Когда Инга видела глаза малыша, она с отчаянием думала, что ее предназначение быть любящей матерью никогда не сбудется.

Алекс делал вид, что не замечает этого, но потом, найдя подходящий момент, заводил разговор об усыновлении. Но каждый раз, когда они собирались подать документы, что-то мешало.

– А что, заведем...

– А ты знаешь, Лешка, – так называли его только она и мама в детстве, – а я бы хотела посмотреть на твоего ребенка.

– Что ты глупости говоришь, нашего, – он понимал, что сказал, не подумав, затрагивая болезную и почти забытую его стараниями тему.

– Ну, почему я? Почему? Что я такого сделала?

Алекс молчал.

– Где твой Бог? Что из того, что я буду ходить туда и молиться, – она имела в виду церковь, – мне же Он ничего нового туда не пришлёт!.. – В такие моменты у нее начиналась истерика.

– Ты знаешь.., – пытался он ее успокоить.

– Молчи. Лучше ничего не говори. А лучше брось меня, найди себе молодую, здоровую.

– Что ты такое говоришь, ведь я же люблю тебя.

– А я тебя нет! Уходи...

Алекс оказывался в тупике. Он вспоминал слова отца Даниила – «Не бойся просить». Но как он мог ей, в ее состоянии, что-то сказать. Она наотрез отказывалась его слушать.

Тогда он сам мысленно попросил: «Господи, сделай так, чтобы у нее все было хорошо».

«Может мы и правда неправильно живем. Только по средствам. Едим, спим... Что-то надо сделать. Если бы мы были в России, все было бы по-другому. Там у нас хоть были друзья».

Его осенило. Вачовский!

Это был его коллега по работе. Они неплохо общались, да к тому же у него была супруга – полька, ровесница Инги, которая не раз приглашала их в гости.

Алексу показалась неплохой идея дружить с ними, общаться, ходить друг к другу. Но как оказалось, этим он только усугубил сложившуюся ситуацию.

Один раз он пришел домой и застал Ингу совершенно пьяной. Она стояла одетая и, шатаясь, собиралась уходить. На столе стояла почти пустая бутылка виски.

– В таком состоянии я тебя никуда не отпущу, – он закрыл дверь на ключ и спрятал его в карман.

– Отдай мне ключ, сволочь! Я тебя ненавижу!

Она подошла к нему почти вплотную, и он понял, что сейчас она его ударит.

– Ненавижу, ненавижу!

Он не понимал, откуда у неё столько злости и ненависти по отношению к нему. В тот раз он все стерпел.

Ему пришлось связать ей руки и усадить на пол. Так они и просидели, пока она не уснула.

На следующий день, проснувшись, она молила его о прощении.

– Прости меня, пожалуйста, я ничего не помню.

Конечно же, он простил.

Почти месяц все было, как прежде. Потом история повторилась снова. Он опять простил. Но с условием, что они пойдут к врачу.

Диагноз был неутешительный. Доктор назвал ее болезнью сложным медицинским термином.

– И ни капли спиртного. Ни грамма.

В тот злополучный вечер, после Вачовских, они, чудом не поругавшись в гостях; дома во избежание ссоры решили каждый заняться своим делом.

Алекс спустился в гараж и пробыл там около часа. Вернувшись и не застав жену на кухне, с уверенностью, что она уже спит, пошел принимать душ. Выйдя из ванной, он застал Ингу с бутылкой в руках, выходящей из спальни.

– Ну что, опять не нравлюсь, – сказала она и, видя его реакцию, добавила – Пошел вон! Это мой дом!.. А, не хочешь! Хорошо. Я сама уйду.

Он понимал, что она уже невменяема. Закрывать дверь он не стал. Устав от всего этого, он сел в кресло и закрыл глаза. «Будь, что будет. У нее свой путь».

Он проснулся от звонка в дверь и бликов мигающих сигналов полицейской машины по всей комнате. Открыв дверь, он увидел её в сопровождении двух полицейских.

Лицо Инги было в крови, одежда порвана, кровь была даже на коленях, как будто она не раз падала. Картина была удручающей.

Полицейские заявили, что подобрали ее в квартале отсюда. С трудом, но они выяснили у нее, что ее избил муж и выгнал из дома.

Такого поворота событий Алекс не ожидал.

– Сэр, вы ее муж?

– Да.

– Вы арестованы.

Снег шел, не переставая. Алекс, чтобы окончательно не замерзнуть, зашел в первый попавшийся по пути бар. Посетителей не было, только скучающий бармен и официантка, убирающая со столиков посуду. Увидев заходящее привидение – все в снегу и что-то бормочущее себе под нос, бармен оживился.

Алекс сел за стойку.

– Кофе, пожалуйста.

Бармен, понимая, что разговор предстоит долгий, достал два сверкающих стакана и наполнил один из них почти доверху.

– Женщина?.. Я вас понимаю.

Алекс, понимая, что ему налили не кофе, взял стакан. «А что, клин клином вышибают», – подумал он.

Бармена звали Анджеем. Он был четырежды женат, поэтому тема мужчины и женщины была ему хорошо знакома.

Алекс, не слушая его, так и держал в руках стакан виски, не решаясь выпить. Раньше он сделал бы это с

большим удовольствием. До самозабвения, до потери ощущения места и времени. Но в этот раз почва из-под ног уходила сама. Теряя Ингу, как ему казалось, он терял все. Дом, привычки. А главное – любовь и веру.

Хотя все давно шло к этому, поверить в это он боялся. Именно в тот вечер, принимая душ, он подумал, что не может представить себя с другой женщиной, что до конца жизни будет с Ингой. Он не понимал – хорошо это или плохо. Но его идеал женщины, созданный им в юности, который ему снился и, которого он так и не встретил, уже не имеет никакого значения. А повседневная жизнь не дает ему возможности даже мечтать о нем.

– Не надо идти у них на поводу, – Анджей невольно вмешивался в мысли Алекса. – Все, что им надо – это одни страдания. Я сам переживал такое, когда вторая жена ушла от меня. Пил так, что чуть с ума не сошел. А ведь я ее так любил...

Теперь Анджей наливал только себе.

Алекс знал, что в любой точке мира, бармен – это тот, кто всегда молча выслушает, посочувствует, и обязательно даст совет, не воспользоваться которым никто не имеет права. Работа у барменов такая. Но Анджей возомнил себя знатоком, таким ювелиром человеческих душ, наполняя свой стакан по мере убывания его содержимого. Понимая, какой совет может дать ему Анджей, Алекс пропускал его речи мимо ушей.

Ему в первый раз в жизни стало жаль себя. Он – храбрый, сильный, почувствовал, что сейчас заплачет. От безысходности, оттого, что та, кому он верил, так поступает

с ним. И нет сейчас рядом с ним человека, которому он мог бы все это рассказать и попросить настоящего совета.

Он стеснялся своих слез и поднимал голову вверх, думая, что тем самым они останятся.

– О, оказывается все серьезней, чем я думал, – заметив это, сказал Анджей. – Раз не пьешь, так плачь, – он сделал знак официантке, и они удалились в помещение за стойкой бара.

Понимая, что остался один, Алекс, так и не сумевший остановить слезы, закричал. Сначала тихо, а потом, понимая, что ему все равно, услышит его кто-нибудь или нет, во всю силу. Его крик был похож на крик не человека, а животного. Крик живого существа, у которого вырвали сердце. Но, оставаясь ещё живым, оно просило о помощи.

В такие минуты, подсознательно, каждый вспоминает того, кто ему по-настоящему дорог.

– Дед, что же мне делать? Помогите!

Он вдруг вспомнил своего дедушку, воспитывавшего его и заменившего ему, еще совсем маленькому, отца.

– Боже! – вырвалось у него, – Прости меня...

В такие минуты время не властно над нами, и мы теряем ему счет.

Постепенно слезы останавливались, и он приходил в себя. Почему он вспомнил своего деда, зная, что тот умер, когда ему было всего пять лет, а потом и Бога, он не понимал. Может, только дед и любил его по-настоящему, любил просто так, не ожидая ничего взамен. Любил так, как всех нас любит Бог.

Алекс смотрел на стакан виски, к которому так и не притронулся, на остывшую чашку кофе, которую ему все-таки принесли. И слышал стоны официантки, которую в это время любил Анджей...

– Жизнь, несмотря ни на что, продолжается, – вслух произнес он, а про себя подумал – «Скорее, любовь». Оставив на стойке бумажную купюру, он вышел из бара.

А жизнь действительно продолжалась. Снег перестал идти, но машин по его уборке не стало меньше. По привычке, идя в сторону дома, Алекс не обратил внимания, что нигде нет света, и только фары машин, едущих с ним в одном направлении, освещают дорогу. Свернув в переулок и оказавшись в ночной темноте спящего города, Алекс вспомнил о времени. Сколько же он просидел в баре.

«Наверно, сейчас – часов двенадцать». Посмотрев на часы, он понял, что ошибся почти на два с половиной часа. Ему действительно стало немного легче. Но чем меньше оставалось до того места, которое он до вчерашнего дня считал своим домом, тем больше он сомневался в правильности своего пути.

В этом городе у него не было никого, к кому бы он мог пойти. Он опять пожалел, что он не в России. Неожиданно, его внимание привлек свет впереди. Это была освещенная витрина какого-то небольшого магазинчика. Машина, марку которой он не смог разглядеть, в этот момент отъезжала от него.

Казалось, ничего необычного, если бы не силуэт девушки, мелькнувший на крыльце. Проводив машину, девушка вошла в магазин.

Не понимая почему, Алекс ускорил шаг, а потом и вовсе побежал. Оставалось метров десять. Он остановился. Сердце заколотилось, он почувствовал, что сейчас произойдет что-то важное в его жизни.

У него были только секунды, чтобы разглядеть девушку на большом расстоянии. Длинные, ниже плеч, прямые светлые волосы. Тонкая талия. Лицо. Нет, лица он не разглядел. «А если это – Она?!»

Последние метры Алекс шел медленно, как будто давал шанс Тому, Кто все это подстроил, вернуть все на место.

Это оказался книжный магазин. Алекс остановился и, изображая из себя случайного прохожего, медленно положил руку на ручку двери. Табличка с надписью «Открыто» придала ему уверенности. Дверь поддавалась, и он так же медленно вошел внутрь.

Звякнул колокольчик над входом, и девушка, не успевшая еще дойти до середины просторного холла, услышав звон, обернулась. Ожидавшая встретить того, с кем только что простилась, она, улыбаясь, посмотрела на Алекса.

То, что произошло дальше, для обоих было почти шоком.

Алекс, не ожидая, что ему будут улыбаться, да к тому же так искренне, попытался выдать из себя что-то подобное. Девушка, понимая, что ошиблась, не изменила своей улыбке, а придала ей лишь тонкую грань удивления.

Другая на ее месте, как минимум, вскрикнув, испугалась бы позднему ночному вторжению, но она спокойно заметила посетителя.

– Простите, но мы уже закрыты.

Их взгляды встретились. Поправляя волосы, девушка смутилась.

Неожиданно звякнул колокольчик, и они вместе посмотрели на распахнутую настежь дверь. Это был ветер, своим порывом внесший зимнюю свежесть и не давший им остаться наедине.

«Наверно, это я, как всегда, забыла ее закрыть», – подумала девушка.

«Нет, что вы, это я не закрыл ее. Я увидел вас и...», – хотел сказать Алекс, но не смог. Не отрывая взгляда, он смотрел на девушку.

Героиня всех прочитанных им романов о любви стояла перед ним. Ее образ – размытый, непонятный, почти забытый, но все же хранимый, не памятью, а каким-то другим чувством, скрытым где-то глубоко, в эту минуту был подтверждением его мечты. Мечты, дающей право на ошибку, но не на предательство. Мечты, которая есть у каждого. Мечты – встретить свой идеал.

Сколько раз он представлял встречу с ней, зная, что не надо будет придумывать, что говорить, слова сами найдутся. Но миллионы слов, закрытые, спрятанные в книгах, стоящих на полках рядом с ними, безмолвствовали. Они будто спали, но их присутствие непостижимым гипнотическим образом действовало на него. Нужна была секунда, хлопок в ладоши – чтобы разбудить их, и...

Она стояла в недоумении, поеживаясь от зимнего холода, так как дверь была по-прежнему открыта, и не решалась продолжить еще не начатый разговор.

Алекс, понимая, что молчание пугает не только девушку, но и его самого, наконец-то произнес:

– Простите, я думал, что у вас открыто, – все еще не зная, как ему поступить, он сделал шаг назад, но вместо того, чтобы уйти, закрыл дверь, и, совсем растерявшись, продолжал стоять на месте.

– А завтра вы работаете?

Видя его смущение и, понимая, что перед ней человек без злого умысла, зашедший действительно случайно, она опять улыбнулась, теперь уже ему.

– Вы хотели сказать – сегодня, – сказала она, указывая взглядом на большие настенные часы.

Теперь уже она внимательно рассматривала его. Что может делать мужчина в половину третьего ночи, один, на улице, заходя в книжный магазин?

Уже потом, вернувшись домой и вспоминая его, – она не понимала, понравился он ей или нет. Только чувство чего-то приятного, ощущение, что произошло какое-то важное событие в ее жизни, не давало ей заснуть. «А если это Он?..»

– Хотите чаю?

Алекс опять потерял дар речи. Но, взяв себя в руки, просто кивнул.

– Это магазин моего отца, он приболел и совершенно запустил все дела. А завтра придут покупатели и... – девушка, доставая две чайные чашки, о чем-то задумалась.

– Где же сахар? – с акцентом, и к его удивлению, на русском языке, произнесла она.

– Вы знаете русский? – для Алекса это было спасением. Не зная как поддержать разговор, боясь наговорить банальностей, он ухватился за это.

– Немного. Моя бабушка была русской. А вы... вы тоже знаете?

И каким-то образом догадавшись, она, не скрывая своего удивления и восторга, произнесла: «Вы русский!»

– Да, – понимая, что это вызвало у нее положительную реакцию, Алекс решил пошутить, – Только русские ходят по ночам в книжные магазины.

Она рассмеялась.

– А что вы хотите почитать? – с тем же смешным акцентом, неправильно расставляя ударения и забыв о чае, уже более серьезно спросила девушка. – Достоевского?

Теперь уже она рассмешила его.

– Почему вы думаете, что все русские читают Достоевского? Помимо него есть много других писателей.

– Да-да, я знаю, – она взяла стул и подошла к стеллажу с книгами. Встав на стул, она достала с верхней полки книгу и протянула ему.

– Вот, – с гордостью произнесла она.

Это был «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

– Русские книги редко кто спрашивает, поэтому они так высоко. Моя бабушка много мне рассказывала о России.

Она внимательно смотрела на Алекса, как будто сравнивая его с кем-то, и потом, переведя взгляд на книгу, добавила:

– Там умер ее любимый человек. Он был очень мужественный. Еще она говорила, что долго переживала, но потом встретила моего дедушку, и он привез ее сюда. Со временем, она полюбила его. Но, умирая, призналась только мне, что по-настоящему любить

могла только там, в России. Я хочу понять, почему. Ведь любить можно везде...

Она вздохнула, и, присев на стул, о чем-то задумалась.

Алекс знал, что может ответить на все вопросы, мучившие ее. Объяснить ей, почему все говорят, что русскую душу понять невозможно. Чтобы понять – надо полюбить! Ведь не зря говорят – «душа моя», когда любят кого-то. Но так же знал, что потом она спросит и о его душе, о его сердце, кому они принадлежат. А сказать – что они давно принадлежат ей, сейчас бы он не решился.

– Вы знаете, уже действительно поздно, и мне как-то неудобно вас отвлекать... – Алекс очень хотел ей понравиться, но, понимая, что давно не разговаривал с неизвестными девушками, совсем забыл, как это делается.

Не зная, что сказать дальше, он то посматривал на часы, то нервно крутил пуговицу на куртке. Заметив его состояние, она встала и, улыбаясь, протянула ему руку.

– Да и я совсем заболталась с вами. К тому же за мной скоро заедут. Прощайте и заходите еще, я буду рада вас видеть.

Судя по тому, как она на него посмотрела, он понял, что понравиться все же удалось.

– По-русски так не говорят, – он поправил ее, – если вы хотите снова увидеться, надо говорить – до свидания.

– До... свидания, – медленно повторила она.

Проснувшись на следующий день, как когда-то просыпался в детстве, он подумал о чем-то хорошем. Что же у него такое есть, ради чего он проснулся?

В детстве это были новые игрушки, и он, проснувшись и тотчас вспомнив о них, вскакивал с постели и бежал к ним. Становясь старше, но, еще не понимая, что не обязательно надо радоваться новым вещам, а просто солнцу, если солнца нет – дождю, радоваться просто так – тому, что проснулся, он радовался новой машине, новому костюму, который сегодня оденет и все будет хорошо.

Становясь еще старше, он уже не радовался и этому, а скорее огорчался. Машину надо было отремонтировать, костюм нести в химчистку. А, просыпаясь в последнее время, он вообще не знал – ради чего он просыпается.

Сегодня, впервые за много лет, он проснулся с чувством действительно чего-то хорошего. Он стал перебирать в памяти недавние события. Инги нет рядом, хорошо это или плохо? Хорошо, что не будет ее недовольного лица, потому что накануне вечером он вытащил из стиральной машины ее домашний халат, но не повесил его сушиться. Увидев это, она закатила очередной скандал прямо с утра. Плохо, что она сейчас одна, и ей самой плохо. Хорошо – что сейчас с ней люди, которые ей помогут. Плохо, что это не удалось сделать ему. Мысли на этом не остановились. Вчерашнее пребывание в полицейском участке его сейчас мало волновало. Так что же?

Нежась под лучами давно вставшего солнца, он вспомнил девушку, с которой познакомился. Это было действительно сладким чувством, сладким еще и потому, что грани его были размыты нереальностью и чем-то особенным, в чем он не хотел себе признаваться. Чувством влюбленности. Когда тебя не волнует – кто она, сколько ей лет, богата она или бедна, какое у нее имя...

Последняя мысль вернула его к реальности.

Вот теперь он действительно проснулся. Он даже не спросил, как ее зовут. «Вот балда, – подумал он про себя, – Что я там ей наговорил про русских, которые по ночам ходят в книжные магазины. Она еще подумает, что у меня дома живет маленький медвежонок, которого я кормлю картошкой и солеными огурцами, а когда вырастет, буду водить его по улицам и пугать маленьких детей».

Он корил себя за то, что ничего не рассказал о себе. И вообще вел себя глупо. Напугал бедную девушку, которая вынуждена по ночам помогать своему больному отцу.

А что он мог ей рассказать, если бы она спросила его, что заставило его среди ночи оказаться одному на улице. Что он только что вышел из полицейского участка с обвинением в избиении собственной жены. Или про советы Анджея. Это было бы его настоящим лицом, потому что это было правдой. Правдой, которая не понравилась бы никому. Тем более ей.

Все-таки хорошо, что он ушел, не дождавшись ее вопросов.

«Интересно, сколько ей лет?»

В том, что она моложе его, он не сомневался. Он вспомнил ее лицо и почувствовал приятное ощущение тепла у себя внутри. Тепло медленно растекалось по всему телу, от сердца до головы, потом обратно вниз... Оно было везде. Он влюбился.

Принимая душ и вспоминая, что еще вчера, здесь же, он не мог даже представить себя с другой женщиной, кроме Инги, он задумался.

Почему, когда мы думаем, а тем более говорим, что мы никогда не сделаем то или иное, то в жизни все происходит с точностью наоборот. Кто играет с нами в такие шутки? Кто бы это ни был, а Ему действительно весело, глядя на нас. Он развлекается с нами, когда мы утром клянемся себе, что никогда не будем пить, а днем узнаем, что сегодня день рождения у коллеги по работе, – в общем, про вечер вспоминать долго не хочется. Или, – мы никогда не будем любить кого-то, потому, что... Бабах – и на этот раз все наоборот.

А может, этот Кто-то и есть мы сами?

Уже не первый раз, думая об этом, Алекс почти уловил суть. Для себя он сделал один вывод – не надо клясться, даже самому себе, в том, в чем ты не уверен до конца. И не надо произносить «громкие» слова с приставкой «не», или говорить – «никогда». Он много раз проверял это на себе – действовало. Вместо того, чтобы сказать – «я никогда не буду этого делать», – он говорил: «я сделаю это по-другому». Включалась какая-то магия слов, и он действительно не повторял ошибок.

Алекс не понимал, как он к этому пришел. У него никогда не было для себя ни завышенной, ни заниженной оценки. Он считал себя нормальным и самым обыкновенным. В нем не было никаких сверхъестественных способностей – он не мог угадывать мысли на расстоянии, не мог взглядом передвигать предметы, робел при виде девушки, которая ему нравилась. Он и алкоголь попробовал первый раз только для того, чтобы побороть в себе эту робость, не зная, какие последствия ждут его потом. Он справлялся со своими трудностями сам, не

прося ни у кого помощи, не зная, что в жизни у каждого есть учителя. Учителями были те, кто хотели ему только добра. Были – в школе, были – дома. Но тогда их словам он не придавал значения.

Он делал ошибки. Падал и вставал, чтобы снова упасть, а затем подняться и понять, почему падает. Понять он пытался сам.

Все еще находясь в ванной комнате, он составлял план на сегодняшний день. Его радовало, что наконец-то он может это делать сам, и ему, какое-то время, никто не будет мешать. Боясь себе в этом признаться, он чувствовал себя холостяком в пустой квартире, и его это тоже радовало. Конечно, все дело было в Инге.

Живя с ней все эти годы, он не принадлежал себе. Но ведь он сам все это создал, своими руками сделал жизнь невыносимой для них обоих. Он был в ответе за Ингу, перед самим собой, не зная, как она сама относится к этой его ответственности.

Он так устал от непредсказуемости жены, но терпел, так как все-таки был благодарен ей за то, что именно она поддержала его в трудную минуту. Именно она научила его быть благодарным. Вообще, она многому его научила. Ведь были и у них хорошие времена. В последнее время он давал ей шанс самой все исправить. Чем больше он об этом думал, тем больше запутывался, и каждый раз заставлял себя съездить за советом к отцу Даниилу.

Хотя для себя Алекс давно решил – их отношениям пришел конец. Не из-за того, что он устал, и его терпение лопнуло. А случилось это тогда, когда он, в очередной раз увидел ее стеклянные глаза, и кухонный топор, с

которым она шла на него, и только с одним желанием. Не случилось непоправимого, потому что он был трезвый и контролировал свои действия. Но ему все-таки пришлось ее ударить. Слегка, лишь обезоружить. Но ударить! А что будет в следующий раз? Связывать ей руки и всю ночь слышать ее стоны и просьбы... В общем, было в их жизни такое, о чем вспоминать не хотелось, но и забыть было невозможно. А забыть хотелось, забыть как страшный сон.

Но сейчас это стало второстепенным. Может, и правда, ему все это приснилось. Когда ты влюблен, все уходит на второй план, особенно плохое – ты всех прощаешь, потому что счастлив.

Конечно, первым делом он поедет к ней в клинику. Ведь, как бы Инга ни была ему неприятна после инцидента с полицией, он по-прежнему ее жалел, и, к тому же, они друг другу – не чужие. Он помнил слова адвоката, что она какое-то время будет на лечении. Значит, у него будет время самому разобраться в своих чувствах.

Он так до конца и не понимал, что влюбился. Он просто забыл, что бывает такое. И что, на этот раз чудо произошло именно с ним.

План его был такой. Он едет на работу, отпрашивается, берет свою машину и едет к Инге. И только потом поедет к тому магазинчику, откуда он вчера вышел примерно в половине третьего ночи.

«Интересно, замужем она, или нет? Наверно, нет. Она слишком молода... и красива», – успокаивал он себя.

Мысли его путались. Может, вообще, все происшедшее ночью ему приснилось?

«Стоп», – сказал он сам себе. Хотя он был уверен на сто процентов, что это не сон, все же решил проверить.

И вместо того, чтобы пойти за машиной, нарушая свой план, он пошел туда, куда приказывало ему идти сердце.

Он решил, что не будет заходить в магазин, а только посмотрит на девушку издалека, с улицы, так, чтобы она его не увидела.

Светило яркое солнце. Небольшой мороз приятно покалывал лицо. Он шел, улыбался и обращал внимание на все. Как ярко одеты проходящие мимо люди. Как они улыбаются.

Наконец, он еще издали увидел знакомую дверь. Заранее перейдя на противоположную сторону и, оказавшись на том месте, где вожделенный магазин был как раз по центру – напротив, он повернул голову, в надежде увидеть нечто архитектурно-выдающееся, но ... Вывеска магазина «Книги» была очень проста, и даже днем при ярком солнце, не вызывала трепетных чувств. Улочка была узкой, поэтому он без труда прочел надпись на дверной табличке – «Закрито».

Мир не рухнул и не исчез. Он только изменил свой цвет. И люди теперь были одеты во все серое. Они шли ему навстречу и не улыбались.

«Ну, конечно, – успокаивал себя Алекс, – не известно, в котором часу она ушла из магазина. Сейчас она еще дома. Спит, или уже проснулась?.. Она помогает своему отцу...»

Дойдя до того места, где он работал, Алекс окончательно успокоился.

«Правильно, – думал он, открывая дверь ангара. Нельзя начинать что-то новое, не завершив предыдущих дел».

Ведь у него был план, который он сам изменил, не отдавая себе отчета.

Алекс протиснулся между машин с поднятыми капотами и открыл дверь небольшого кабинета хозяина автомастерской. Мир снова обретал истинные цвета. Запах холодного железа, исходящий от давно не заводившихся машин, придал ему уверенности.

– О, и что мы такие довольные, – произнес хозяин кабинета, и сам вдруг заулыбался.

Увидеть улыбку на лице босса было большой редкостью.

– Ты в курсе, что опоздал. Тебя ждут клиенты. И знаешь, что они говорят – «Нам нужен Алекс, только Алекс». Ты влюбился, что ли? – босс, сам того не понимая, попал в точку.

– Босс, простите, сегодня никаких клиентов, – Алекс понимал, что договориться с ним будет сложно. Зная его суровый нрав, он был готов к тому, что после отборной брани тот не отпустит его ни под каким предлогом. – Мне надо уехать на пару дней, а потом... Я обязательно все отработаю.

– Нет проблем, – хозяин встал из-за стола и подошел к Алексу, при этом дружески хлопнув его по плечу. – Я и сам, когда-то в молодости..., – он достал из бумажника деньги и, отсчитав определенную сумму, отдал Алексу. – Ты понял, – босс посмотрел на него, – это – расчет.

– Босс, да я ненадолго.

– Знаю я вас, русских. Если работаете – так работаете, – он посмотрел на ожидающих своей очереди клиентов через окно в кабинете и вздохнул, – а если любите, то любите. Очертя голову, – добавил он на ломаном русском.

– Босс, я...

– Да у тебя все на лице написано. Давно я тебя таким не видел. Как зовут-то, хоть знаешь?

Он опять попал в точку, и заулыбался, видя смущение Алекса.

– Ну, если что, возвращайся.

Вместо рукопожатия, он по-отечески обнял ничего не понимающего Алекса. Сев за свой стол, босс, подняв трубку телефона, стал набирать свой домашний номер.

– Стариноч что ли тряхнуть. Где там моя миссис Смит, – он подмигнул Алексу и рукой показал, что тот свободен. – Дорогая, я сегодня пораньше...

Заводя свою машину, стоявшую на заднем дворе, Алекс увидел направляющегося в его сторону Вачовского.

Алексу очень хотелось с ним пообщаться и рассказать, что вчера с ним произошло. Он готов был поделиться своей радостью с кем угодно, но в последний момент передумал.

Он прекрасно понимал, что как бы тот ни клялся сохранить все в тайне, сегодня же вечером выложит все жене. Та, в свою очередь, приукрасив «пикантный сюжет», под строжайшим секретом расскажет другим. И тогда, еще не начавшаяся история превратится в историю с банальным содержанием.

Не придумав ничего лучше, просто махнув товарищу рукой, Алекс выехал на дорогу.

А что он знал о любимой, чтобы кому-то рассказывать? Даже имени ее не спросил. А если она замужем и у нее есть дети?

Замужние женщины были для Алекса табу. Он не понимал и не принимал таких отношений. Слово – любовник, фраза – заведу любовницу, все это было для него неприемлемым.

«Если она замужем, мы просто выпьем чаю, как она предлагала, и я спокойно поеду домой и... упаду там с сердечным приступом. Нет, я сразу ее спрошу об этом. Здравствуйте, вы замужем?»

Он мысленно строил разговор с ней, направляясь в сторону клиники, и понимал, как такой вопрос будет подуррачки звучать.

– Если она замужем, то ничего не будет, – вслух произнес он, на этот раз, забыв о правильности постановки предложения с частицей «не».

Он чуть не свернул на ту улочку, где был ее магазин, но вовремя спохватился и, как планировал, поехал к Инге.

В клинике врач, у которого она и раньше наблюдалась, опять сыпал сложными медицинскими терминами. Суть сводилась к одному, что ей нужен покой. И никто, даже он, ее муж, не может ей сейчас помочь.

Врач, хоть и невольно, но напомнил ему о том, что он связан с Ингой официальными брачными узами.

Хотя, как он считал, их брак, по сути, был фиктивным. Тогда он был нужен обоим, чтобы беспрепятственно уехать. «Давай поженимся» – было ее предложение.

Сначала это его шокировало, – не такой он себе представлял свою невесту.

Тогда накануне этого разговора, уже в третий раз, ему приснился все тот же сон. Все, казалось, вставало на свои места. Девушка была в свадебной фате и говорила ему: «Я – твоя невеста». Ее взгляд, ее глаза такого же цвета, как у Инги, говорили об искренних чувствах. Но что-то было не так. Лицо, снявшееся ему, которое он бы узнал из миллиона, не было похоже на лицо Инги.

Так, до конца не разобравшись со значением этого сна, поняв его как оправдание своих действий, он сказал Инге «Да», боясь обидеть ее своим отказом, видя как важно это для нее.

Для нее – это было своего рода самоутверждением, обретением статуса замужней женщины. Зная ее проблему, он прекрасно понимал, о чем она думала тогда: «Вот – меня бросили, а я через месяц вышла замуж. Меня любят. Я нужна». Узнал ли об этом ее бывший мужчина, Алексу было тогда все равно. Он просто хорошо к ней относился и, конечно, ответил согласием.

Он уже не помнил, любил ли он ее тогда. Они спали вместе, и им было хорошо при этом. Наверное, любил. Для него тогда это и было понятием любви. А для нее?

Оправдывая себя воспоминаниями прошлого, он вдруг подумал – как-то нехорошо получается, – он весь такой хороший, а она его, бедного, несчастного женила на себе. О чем он думал, когда принимал это решение? О себе, о ней?

Но явно не о том, что наложило на их отношения большую гербовую печать, поставив которую для общества,

они стали принадлежать друг другу официально. И теперь, чтобы расторгнуть это, необходимо спросить у этого общества разрешения, а не просто договориться друг с другом. Казалось бы, пустая формальность. А если она не захочет? На чьей стороне будет общество?

Его сомнения не то что развеял, а полностью поменял представления о них, отец Даниил, к которому он поехал после клиники.

Алекс хотел окончательно разобраться со своим прошлым и, тем самым, начать новую жизнь. И если он был не прав, что принес себя в жертву, как ему казалось, ради любви, то тогда он ничего не понимает в жизни.

– Дело не в тебе, Алексей, а в ней. Это ее жизнь, ее грехи. А ты только ступенька на ее пути к Господу Нашему. Правда, и она не случайна в твоей жизни, – выслушав его рассказ, сказал отец Даниил.

– Вы не случайно встретились тогда, поверь мне, чтобы расстаться именно здесь. Ты был добр к ней все это время, тем самым заслужил прощения перед Господом за многие свои грехи. Ведь так?

Алекс опустив глаза, понимал, что отец Даниил имел в виду. До встречи с Ингой, он, не ведая, что творит, все же обижал людей, причем достаточно часто. Нет, он никого не убивал, не насиловал, а просто нарушал законы этики, морали... Золотые правила жизни, притягивая к себе Зло. Столкнувшись с ним в другом обличье, он не понимал тогда, что это расплата за его поступки.

– Закон жизни прост – что ты даешь, то и получаешь.

– Значит, сейчас я прощен, – мысли Алекса опять возвращались к вчерашней встрече.

– А это ты сам спроси у Него, – священник поднял глаза к небу. Кстати, почему тебя все называют Алексом? Ведь у тебя есть свое имя. Или ты стыдишься того, что ты русский?

– Нет. Мне не стыдно. Но, честно говоря, я никогда не задумывался об этом.

В первых классах школы его попытались дразнить – «Лешка-картошка», но эта попытка была сразу пресечена ударом портфеля, и не только по спине обидчика. Родителей вызвали в школу, и его наказали – целую неделю не смотреть телевизор. Поначалу для него это было трагедией, но потом он нашел себе другое занятие, сыгравшее важную роль в его жизни.

Это были книги. Увлечшись этим не на шутку, он в одиннадцать лет днем читал Дюма, а ночью под одеялом с фонариком – Хемингуэя. Теперь он не понимал родителей, которые, увидев его с книгой Эдгара По или, того хуже, Мопассана, тут же отбирали ее и включали телевизор. Конечно, многого в книгах он тогда не понимал, но ему все равно было интересно.

Его друзья-мальчишки, узнав о таком «страшном» наказании и его новом увлечении, зауважали его и стали называть Алексом. Почему на иностранный манер, они и сами не знали. Потом к этому все так привыкли, что свое настоящее имя он видел только в официальных документах.

– Это еще с детства.

– Бедная Россия, – слова отца Даниила не были направлены против него. Он смотрел куда-то вдаль.

Боль за русскую землю, за несколько поколений русских людей, обманутых и оглушенных советской пропагандой, потерявших веру в Бога и забывших русские традиции – вот что было в его взгляде.

Он тяжело вздохнул.

– Православный Мир и русские традиции признают лишь священный союз, то есть обряд венчания.

В этом Алекс увидел плюс для себя.

– Но это не дает вам право нарушать закон, по которому вы свой союз заключили, хоть он и...

Ему явно не хотелось вдаваться в историю замены обряда венчания гражданским браком, поэтому он поменял тему.

– А знаешь, как на Руси знакомились юноша с девушкой и понимали, что они станут мужем и женой?

Алекс читал или где-то слышал, что были на Руси праздники Ивана Купала, но точно не помнил.

– В банях, – расхрабрившись, брякнул он.

Отец Даниил сделал вид, что не расслышал.

– Так вот, – продолжал он, – после больших церковных праздников, таких, как Иванов день и многих других, молодые парни и девушки с окрестных деревень собирались на одном большом лугу. Они разжигали костры и водили хороводы вокруг них. Смысл был в том, что в какой-то момент они встречались парами и брали друг друга за руку. Именно так, – он сложил свои руки крест накрест, ладонь в ладонь, – чтобы каждый из них мог почувствовать ладонь другого. Если при этом девушке было приятно держать в своей руке руку юноши, то такие пары считались Богом посланными друг другу. По

прошествии определенного времени они познакомились семьями, обручались и, только потом, венчались. Соблюдая, таким образом, русские традиции, они были счастливы в первую брачную ночь и могли просить у Господа здоровых и красивых детей, которых Он им и посылал, причем не считая. Десять, пятнадцать детей – это было нормально для обычной русской семьи.

– Но многие дети умирали, – заметил Алекс, показывая, таким образом, что тоже знаком с историей своего народа, – в бедных деревенских семьях крестьянин не мог прокормить столько детей.

– Не совсем так. Не только в крестьянских, но и в дворянских семьях, и в семьях разночинцев рождалось много детей. Да, трое, четверо умирали, но по разным причинам и не у всех. Если их успевали окрестить до смерти, то они попадали в Царствие Небесное в ангельском состоянии и становились Святыми для своей семьи.

Священник замолчал, но затем продолжил, думая, готов ли Алекс к тому, что сейчас услышит:

– Их души, чистые души младенцев, помогали своим маленьким братикам и сестренкам идти дальше по пути, данным Господом Нашим, – но это уже другая история.

Алекс, каждый раз, слушая отца Даниила, чувствовал, что открывает для себя что-то, чего ему так не хватало все эти годы. Истинных знаний и правил Жизни. Таких, которых не купишь за стакан виски, пустившись на откровения с маститым барменом. Не скажут этого и родители, потому что сами этого не знают. И – родители родителей, родившиеся в стране без будущего, в стране, в которой Бога нет, не было и не будет.

И изучать историю своих предков надо не поверхностно, не для того, чтобы где-нибудь блеснуть своей эрудицией, а вдумываясь, почему предки имели в жизни то, что сейчас для многих из нас недостижимо. Мы бы сейчас отдали, не задумываясь, все наши деньги, богатства, которые им в то время и не снились, и получили взамен то, что для них было само собой разумеющееся, но в то же время всегда бесценно – любовь, дети.

Спрашивать, почему у них с Ингой не было детей, он не решился, понимая, что не с того начал с ней отношения. Но все же они могли быть у них, как у многих тысяч таких же – имеющих «опыт», сменивших десятки партнеров, но остающихся по-прежнему – «безграмотными» в любви.

Если бы у них был ребенок? Усмирил бы он своим появлением нрав Инги, сделал бы по-настоящему полноценными их отношения? Обрела бы она душевное спокойствие, счастливы бы они были все вместе?

Отец Даниил сам ответил на не прозвучавший вопрос.

– Не с того вы начали свои отношения. Да и винить вас не за что. Россия, наша Матушка только возрождаться стала. Появились люди, Господом Нашим данные, возрождаются их руками Храмы Божии, строятся церкви новые повсюду. Но мало кто знает, что идет война новая, за земли Русские. Война Тайная, но уже начавшаяся почти восемьдесят лет назад. И, скорее всего, уже проигранная Россией. Война с империей не менее могущественной – с Китаем. И часть Земли Сибирской будет, по справедливости, отдана ей Богом.

Война эта возникла из-за одного из трех главнейших грехов России – греха детоубийства. Ведь женщины русские должны были родить целое поколение и заселить им земли Сибирские за Уралом. Но прокляты они были, затмение души и разума на них было наложено силами тьмы, когда мужья их пели: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов». Они произносили эти слова, не ведая, что тем самым навлекают на долгое время проклятье на весь русский народ, который будет убивать собственных детей.

А ведь в Священном Писании говорится:

«И не пожелали они благословения,

И благословение ушло от них,

И пожелали они проклятия...»

Алекс не верил своим ушам – война, проклятие.

– Это не та война, что ты подумал. Не будет слышно выстрелов, не будет видимых глазами убийств. Война эта незримая – война Добра со Злом. Так говорят люди посвященные, старцы. Это они слышат голоса детей, маленьких, еще не появившихся на свет Божий, только что убитых руками собственных родителей, совершивших то, что называют медицинским термином – хирургическое прерывание беременности, и простым словом – аборт. Так они планируют свою семью, ссылаясь на то, что им не хватает денег, сил, здоровья, чтобы прокормить себя и своих до этого уже родившихся первенцев. Так поступает молоденькая девушка, случайно забеременев. Так они совершают убийство.

– А если ее изнасиловали, или она разлюбила? Ведь бывает такое? – спросил Алекс. Ещё он хотел спросить о

генофонде, которого по вине «вождя всех народов» – Сталина, не было; про теорию итальянского судебного психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо, но не решился, услышав ответ.

– А Господу не важно кто родится, он только дает жизнь, которую не вправе никто отнять. А они, по своему неведению не знают, что, совершив такой грех, должны обратиться к Нему с мольбой о прощении, с молитвой о душах некрещеных и убиенных ими детей. Они не знают, что души эти плачут и просят Господа – пошли несчастья нашим родителям, чтобы им было больно, чтобы они заплакали. И ничего не подозревающие родители не понимают, почему на их долю выпадает то или иное горе. И не должен я говорить тебе, Алексей, почему Господь Бог не дал вам с Ингой детей. Ибо существует такое понятие, как тайна исповеди. Думай сам.

...Инга рассказывала Алексу о своих ошибках в молодости, совершенных ею еще до их отношений. Но ни он, ни она сама не придали тогда этому никакого значения.

– Вина за содеянное ложится не только на женщину, но и на мужчину в той же мере.

Алекс задумался. А были в его жизни женщины, сделавшие аборт, забеременев от него?

– Я хочу рассказать тебе одну историю, – продолжал отец Даниил, – Историю одной любви.

Случилось это в наше время. Так дано было Богом юноше и девушке встретиться и полюбить друг друга. Они были знакомы еще со школы. С первого до последнего класса они сидели за одной партой. Они оба были

из хороших семей. Родители, идя в церковь, всегда брали их с собой. Они были рады, что их дети вместе и в будущем надеялись на их свадьбу.

Юношу в положенный срок призвали в армию. Разлука длиной в два года укрепила их чувства. Они писали друг другу письма. Она обещала ждать его, а он, веря ей и зная, что любит, надеялся на скорую встречу. Для таких любящих сердец – два года пролетели незаметно. Но каждый стал старше на эти годы. Она, скучая по нему и, чувствуя, что срок стать женщиной уже подошел, в минуты мимолетного соблазна, к которому подталкивал ее современный жестокий мир, заслоняющий яркими пошлыми журналами истинное предназначение любви, устояла.

Она ходила в ту же церковь, в которую они когда-то ходили вместе. Она узнавала много нового, находясь вдали от любимого человека. Расстояние, разделяющее людей, не так велико, когда любишь. Когда чувство твое едино с Богом, то оно помогает не только в радости, но и в трудную минуту. Она взяла себе в союзники не подружек, которые уже успели приобрести опыт «любви» и рассказывали – как это прекрасно, а Того, которого знала с самого рождения, и «опыт» Которого не вызывал у нее сомнений. Ибо – это Он подарил жизнь им всем, и только Он знает для чего. И только Его слово будет последним и решающим во всем.

А юноша, сидя в «ленинской комнате», делая вид, что учит Устав, слушал рассказы своих опытных «друзей». Как они «любили» женщин – не одну и не один раз. Он понимающе кивал им, делая вид, что и сам знаком с этим. Но товарищи вскоре догадались, что никакого «опыта» у

него нет, и постоянно посмеивались над ним и над его единственной любовью...

И перед самым отъездом, убедив, что в этом нет ничего особенного, что никто об этом не узнает, во время увольнения «сняли» специально для него самую дешевую женщину, продававшую свою «любовь» на привокзальной площади.

Не было у него рядом человека, который мог бы отговорить его от ошибки, перевернувшей впоследствии не только его жизнь, но и жизни близких и дорогих ему людей. Не было с ним Бога, потому что скрыл он от всех свое чувство к Нему. Не понимал он тогда, что, даже оставшись в одиночестве против всех, можно отстоять и свою Любовь и самого себя.

Снял он свой нательный крест и спрятал его далеко, стыдясь и боясь, что «осудит» его общество молодых и «смелых». Для них и их возраста – скорая потеря девственности была смыслом жизни.

Единственное, что он запомнил, согласившись, это ее тело.

Лицо – то ли казашки, то ли киргизки, с раскосыми глазами, с темными короткими волосами он хотел поскорей забыть. Так и случилось, – получив то, чего, как ему казалось, не хватало в жизни, проведя ночь со «жрицей любви», он навсегда забыл ее. Он не догадывался, что опыт сладострастия, через некоторое время обернется для него горьким опытом лжи и потери близкого, Богом данного человека.

Поезд еще не остановился, а он уже увидел свою настоящую любимую. Обнявшись, и целуя друг друга, они

клялись в вечной любви. Потом обвенчались, и все, казалось, у них было хорошо. Они были молоды, здоровы, они ждали ребенка.

И вот настал тот день, когда маленькая жизнь приносит счастье и радость семье, дает родителям надежду на бессмертие.

Но произошло невероятное событие, – маленькая, ни о чем не подозревающая девочка была с темными волосами и раскосыми глазками. Растерявшиеся родители – оба светловолосые, голубоглазые, смотрели друг на друга с подозрением. Вмешались их родители, и начинающийся скандал перерос в долгие дни ожидания. Родителя, веря и не веря обоим, заказали глубокую генетическую экспертизу всех троих.

Бедная мама только что родившейся девочки, и до недавних пор любимая жена, была все время в слезах. Она, уже уставшая ему повторять, что любит и любила только его, что была верна ему и тогда, и сейчас, видя, что он не верит ей, обратилась к священнику. Батюшка, исповедующий ее, ни на секунду не усомнился в искренности ее слов.

Долгожданная экспертиза подтвердила правоту ее слов и убежденность священника – отцом ребенка был он, ее муж.

Все успокоились, заговорили о том, что Матушка Природа не раз преподносит людям неожиданные подарки, смешивая гены разных поколений. Успокоились все, кроме него. Он по-прежнему не верил ей и требовал развода.

Ночью ему приснился сон. Он увидел лицо той проститутки с привокзальной площади. Лицо его дочери было точной его копией.

Отец Даниил замолчал.

– А что потом было с ними?

– Его жена умерла.

Спрашивать, что случилось с юношей, не имело смысла. Глядя вслед уходящему отцу Даниилу, Алекс догадался – чья это была тайная исповедь.

Машина долго не заводилась. «Значит не судьба», – хлопнув дверью, он пошел пешком в сторону дома.

План, от которого он отступил сегодня утром, его уже мало волновал.

Он шел и думал, как все не просто в этой жизни, как переплетаются судьбы человеческие, и как слаб сам человек. Как понять – за какие ошибки постигает нас несчастье? А может, это предостережение для других? Как можно жить в сегодняшнем, жестком и циничном мире по Законам Бога?

Почему не завелась сегодня его машина, которую он собрал своими руками. Что это? Знак?

«Ну конечно, – его как будто осенило. – Это – знак! Я должен вернуться туда еще раз. Но для чего?»

Чтобы во всем этом разобраться, Алексу, уставшему от мыслей, не нужен был сон, вещий сон, в котором ему пришли бы ответы на все мучающие его вопросы. Придя в пустую, неубранную квартиру, он долго не мог уснуть. Для себя он уже все решил: никто не сможет повлиять на решение, которое ему нужно завтра принять самому. Даже та девушка, которая ему понравилась, и о которой он сейчас думал. Если им суждено быть вместе, то никто у них этого не отнимет.

Он должен был понять это еще раньше, еще там, в России. Почему, чтобы дойти до этого, он оказался здесь? За тысячи километров от дома, в котором родился, от близких людей, оставшихся там.

С этими мыслями он все же уснул.

Рассвет, неожиданно сменивший ночь, медленно возвращал его в родной город. Он проснулся от звонка телефона. Лучи августовского солнца уже лежали на зданиях и ласкали его лицо через ветровое стекло дорогой и чужой машины. Видимо, закончив разговор с Анной словами, что он ее любит и, пожелав ей спокойной ночи, он и сам уснул.

Телефон зазвонил снова. Алекс снял трубку.

Это был Никита.

– Лешка, ты где? Я проснулся, а тебя нет. Я уж подумал, что все – допился, белая горячка! – услышав голос друга Ник орал в трубку, чтобы тот побыстрее приезжал.

Алекс понял, что бесполезно разговаривать с ним по телефону, поэтому ответил:

– О, кей, сейчас приеду.

– Иностранец, ты наш, – последнее, что он услышал в трубке.

Поднимаясь по лестнице, в квартиру Ника, Алекс столкнулся со вчерашним милым созданием, в том же летнем платьице, но девушка была вся в слезах.

– Он меня выгнал! Повлияйте на него, пожалуйста, – она трогательно вытирала слезы руками, но, увидев улыбку на лице Алекса, еще больше расплакалась.

– Вы такой же, как он, – она попыталась протиснуться между ним и стеной, но, не рассчитав и подвернув каблук, оказалась в его объятиях.

В этот момент открылась дверь квартиры, и из нее вывалился Ник, в одних трусах и с бокалом шампанского. Никита Валерьевич Скворцов – во всей своей красе. Он заметно располнел за эти годы, но доброте и юмору не изменил.

– Так! Теперь я понял, зачем ты вернулся. Девушек у меня отбивать!

Оба рассмеялись.

Девушка, воспользовавшись моментом, чуть оттолкнув от себя Алекса, побежала вниз по ступенькам.

– Сильная! – сказал Алекс, смотря ей вслед.

– Что ты! – в тон ему ответил Ник.

– Заходи, – друг хотел было обнять Алекса, но вовремя понял, что в одних трусах и с полным бокалом в руке это неудобно.

– Ты не представляешь, как я рад, что ты вернулся. Ведь ты вернулся? Все, куда не уедешь? – в его интонации почувствовалась тревога.

– Вернулся, вернулся. Навсегда, успокойся. И хватит бухать с утра, – почти по-отечески сказал Алекс. – Лучше расскажи, зачем девушку выгнал?

– Что, влюбился? – пошутил Ник, идя за ним.

Алекс в этот момент входил в большую гостиную, совмещенную с кухней. На стойке бара, похожей на ту, что была в кафе, только меньших размеров, он увидел серебряный поднос. На подносе были ровно выложены

несколько дорожек из белого порошка, а рядом с горкой того же порошка, грамм, так на пять, лежала скрученная в трубочку зеленая купюра.

– Так, зачем ты ее выгнал? Хорошая же девушка. – Алекс взял поднос в руку и, подойдя к мойке, открыл кран и направил струю воды на его содержимое. Такого Ник не ожидал.

– Ты знаешь, сколько это стоит?

– Знаю, знаю, – он с грохотом поставил мокрый поднос обратно.

Раскрутив купюру, и убедившись, что это именно сто-долларовая, он аккуратно свернул ее в подобие маленького бумажного самолетика и запустил его в Ника.

– А, на золотую, – он указал на упавший к ногам Ника самолетик, – денег не хватило?

– Ну, ты крут, – выдавил из себя Ник.

– Вот из-за этого, – Алекс указал на поднос, – молоденькие девушки и плачут по утрам. А ты думал – из-за тебя!

Ник присел на край стоявшего рядом кресла и залпом выпил шампанское, которое до сих пор держал в руке.

– Наверно, ты прав, – после паузы, и даже как-то повеселев, искренне произнес. – Слушай, да прицепилась она в каком-то клубе неделю назад, а потом пошло-поехало. Давай то, расскажи это, сам понимаешь. Вообще, она странная какая-то. Ох, ну и хорошо, что этой заразы больше нет, – Ник с облегчением вздохнул, имея в виду кокаин. Ты знаешь, у меня после него какие-то проблемы с этим, – он посмотрел вниз, но помешал живот.

– Думай меньше об этом, – Алекс посмотрел на него с укоризной.

– Ты прав-прав, как всегда прав, – поняв, что ко все-
му прочему он еще и не одет, Никита вскочил с кресла.

– Я мигом, а ты располагайся, почувствуй себя как дома.
Всё! Остаешься у меня. Решено!

Пока Ник одевался, Алекс, вспоминая, о чем тот ему
рассказывал вчера вечером, только теперь начинал пони-
мать, в каком положении оказался его старый друг.

Женившись на Кире, он, как когда-то предполагал Алекс,
не смог дать красивой и умной женщине то, чего она, в прин-
ципе, заслуживала. По крайней мере – отдельную квартиру,
в которой она могла быть полноценной хозяйкой.

Коммуналка, куда Ник привел жену после свадьбы, с
многочисленными соседями, одним туалетом и без ван-
ны, была катастрофой для любой уважающей себя жен-
щины, тем более, для Киры – с ее характером и потребо-
стью быть во всем первой.

Когда она забеременела, они были вынуждены пере-
ехать к ее родителям. Теперь на него обрушились и ток-
сикоз его супруги, и упреки тещи по поводу его низких
зарплаток и многое другое. Так и начались их малень-
кие семейные ссоры, не договоренные предложения –
перерастающие в тихие обиды друг на друга.

Даже рождение сына не спасло их от неминуемого
краха семейных отношений.

Никита старался, как мог. Он работал бухгалтером в
том самом кафе и, в принципе, для того времени зараба-
тывал неплохо. Но желание делать подарки жене, необ-
ходимость покупать свежие фрукты и овощи ей и их сыну
во времена всеобщего дефицита, заставило его пойти на
финансовые махинации.

Когда Антону, их сыну, исполнился год, при очередной налоговой проверке все раскрылось. Ему грозило уголовное дело. Денег на хорошего адвоката не было.

И тогда Кира обратилась за помощью к их общему знакомому, который был богат и одно время даже пытался ухаживать за ней. Упоминание о нем вызвало у Алекса непреодолимое чувство неприязни. Он знал этого типа еще со школьных времен.

У него была странная фамилия – Кныш, но она так подходила к нему, что никто не звал его по имени. Сейчас Алексу казалось, что имени его он вообще не знал.

Небольшого роста, светлые волосы, заостренные черты лица и настороженный взгляд. Что-то в этом маленьком неприметном мальчике уже тогда было странным. Одноклассники, обычно встречавшие новеньких дурацкими выкриками в этот раз молчали. Войдя в класс, он быстро прошел и сел за последнюю парту, как будто не хотел, чтобы его рассматривали, но сам хотел видеть всех.

Уже через несколько дней новичок безошибочно числил – кто есть кто, и как-то незаметно примкнул к «сильным». Алекс, как явный лидер класса, привлекал его особенно. Кныш явно старался ему понравиться, и все время был рядом с Алексом, как бы под рукой, готовый на все. Алекса это поначалу забавляло, потом он даже к этому привык, хотя и продолжал смотреть на Кныша снисходительно. Он немного смягчился, узнав, что его родители в длительной командировке, и его воспитывает дед.

Учился Кныш прилично, но было заметно, что лишних усилий он не прилагает. Он никогда не спорил ни с

учителями, ни с одноклассниками, ни, тем более, с Алексом. Но однажды конфликт все-таки возник.

Возвращаясь после школы позднее обычного, и проходя мимо какого-то двора, Алекс случайно увидел там своего одноклассника за каким-то странным занятием. Тот стоял к нему спиной и был так увлечен, что не видел, кто подходит сзади. Из самодельной рогатки с алюминиевыми скобками, такие были у каждого уважающего себя мальчишки, он добивал раненного голубя. Кныш загнал в угол окровавленную птицу и, на расстоянии метра, с каждым разом целясь, не оставлял птице никакого шанса.

Увидев это, Алекс оцепенел: он стоял, потеряв способность двигаться. Уже было поздно что-то говорить – перед ними лежала мертвая птица. Алекс смотрел на нее и, как сквозь сон, слышал слова Кныша: «Ее сбила машина, а я ... Я ... Я только из добрых побуждений не дал ей мучиться». Алекс понимал, что Кныш выкручивается, но, с другой стороны, это могло быть и правдой. Но, поступить так, как поступил его школьный товарищ, он никогда бы не смог. Любой другой нормальный мальчишка схватил бы раненную птицу и понес бы ее к ветеринару, или, на худой конец – просто прошел бы мимо. Но так!

Ничего тогда не сказав однокласснику, Алекс ушел.

Постепенно, этот эпизод стирался из его памяти, но сразу забыть такое он не мог.

А Кныш вел себя, как ни в чем не бывало. Он также участвовал во всех школьных забавах, не забывая быть все время рядом с Алексом, все еще надеясь, что авторитетный товарищ сделает его своей «правой рукой». Как-то раз, как будто случайно, он пригласил Алекса после

уроков к себе домой. Вначале Алекс отказывался, но потом, чтобы тот не считал его трусом, все-таки согласился, к тому же, ему стало интересно – как тот живет.

В квартире, кроме них, никого не было. Обстановка была достаточно скромной, если это можно было назвать обстановкой. Две железные кровати, стол с двумя стульями и большой старинный платяной шкаф. Не было ни телевизора, ни полка с книгами, ни детских игрушек. Только на маленькой кухне, в самом конце, отгороженный холодильником стоял маленький столик с одним стулом. На стене над ним висели детские рисунки. Ярких красок на них не было: карандашом черного цвета были изображены странные монстрообразные существа – не люди и не животные. Рисунки были настолько реальными, что в тот момент Алекса даже передернуло.

Но, увидев улыбающееся лицо нового приятеля, он понял – это было еще не все.

Тот потащил его к «святыне святых» квартиры – старому шкафу.

Раздвинув одежду, висевшую там, он каким-то хитрым движением приоткрыл заднюю стенку шкафа. Там, в глубине, висел военный мундир слегка выцветший, темного цвета. На его лацканах и воротнике была свастика. Военный мундир офицера немецкой армии, той, которая называла себя фашистской, в этот момент раскрыл его семейную тайну.

– Кто имеет власть над другими – имеет все, – тихо сказал Кныш и замолчал. Кому принадлежали эти слова и этот мундир, Алекс и сам догадался.

Кныш взял с него слово молчать. Увиденное, и манило своей таинственностью и, в то же время еще сильнее отталкивало Алекса. Находясь в таком двойственном состоянии, он дал Кнышу слово.

Звук открываемого замка входной двери теперь уже напугал Кныша, и он стал поспешно закрывать потайную дверцу. В последний момент ему это удалось, но в комнату уже кто-то входил. Это был его дед.

Со страху даже не разглядев вошедшего, Алекс пулей вылетел из квартиры. Он бежал до самого дома, не оглядываясь. Прекрасно понимая, что за ним никто не гнался, он, закрывшись в своей комнате, еще долго не мог успокоиться.

Если это и правда, то, о чем он подумал, надо скорее обо всем рассказать, кому следует. А кому? Родителям? Милиции? И что рассказать? А если они приедут и ничего не найдут. Или найдут, а это окажется бутафория, костюм из театра. Что тогда? И кто он будет после этого? Ведь он дал слово!

Решив завтра все выяснить у Кныша подробней, он еще долго не мог уснуть.

Но ни завтра, ни на следующий день, Кныш в школу не пришел.

Только потом выяснилось: у него тяжело заболел его дедушка, а его отправили учиться в интернат. Как Алекс ни старался, спрашивая даже учителей, но большего так и не узнал.

Они снова встретились почти через семь лет.

Алекс, отслужив в Армии, вернулся в разгар перестройки. Он удивился, что каждый занимается, чем хо-

чет, и никому за это ничего не бывает. Многие его знакомые в одночасье стали владельцами кооперативов, ларьков, занимаясь откровенной спекуляцией, за которую еще два года назад их бы посадили. Теперь это называлось «бизнес». Алекс все понимал, но даже бедность его семьи не заставила бы его «стоять и продавать» то, что «за углом» стоило в два раза дешевле. Ему было стыдно смотреть в глаза людям, воспитанным, так же как и он, в советское время.

Не поступив в этом году в институт, он временно устроился грузчиком в магазин недалеко от дома. Работа, в основном, была физическая, но ему это даже нравилось. К тому же, еще оставалось свободное время. Правда, теперь он не знал, как им распорядиться. Все его знакомые были слишком заняты новой жизнью, в которой для него не было места. Поэтому, его верными друзьями по-прежнему были книги. Перечитывая тома любимых писателей, он мечтал о настоящей дружбе, настоящей любви, которых ему так не хватало.

Однажды к их магазину подъехала, редкая в то время иномарка. Четверо крепких парней в спортивных костюмах зашли внутрь и направились в кабинет директора. Минут через десять они, что-то весело обсуждая, сидели обратно в машину, как вдруг один из них, случайно взглянув на Алекса и, как будто что-то вспоминая, произнес его имя:

– Леха, ты?

Это был Саша Нечай, его одноклассник по спортивной школе, где они когда-то занимались дзю-до.

– Санек?

Алекс без пояснений понял, с какой целью Санек со своими ребятами заходил к директору их магазина. Рэкет.

– Да мне самому все это не нравится. Хочу свое дело открыть. А это так... Для начального капитала.

Алекс знал Сашу как неглупого человека, поэтому удивился его словам, понимая, что если он и накопит какие-то деньги, то уйти из того мира, в котором уже оказался, будет очень сложно.

– Приходи сегодня вечером в «Север», поболтаем, придумаем что-нибудь. Да и завязывай ты с этой работой, а то мне перед пацанами неудобно. Я им про тебя много хорошего рассказывал. Помнишь, как на соревнованиях выступали!

Вечером Алекс пришел в то кафе, потом еще раз, еще не понимая, что, каждый раз попадая в веселую и уже пьяную кампанию, вступает на путь, за который придется дорого расплачиваться...

Конечно, он не ездил с ними на их «стрелки», не ездил «выбивать долги», что-то удерживало от этого. Но теперь, все свободное время принимал участие в их попойках и куражах.

На одном из таких сабантуев он и встретил Кныша.

В ту ночь они «гуляли» в одном загородном кафе. Санек, уже прилично набравшийся, заговорщицки прошептал ему на ухо:

– Раз ты с нами не хочешь, щас познакомлю тебя со «старшим» из другой команды. Крутые! Если ты ему понравишься..., – шатаясь, он подвел его к седому человеку со шрамом на лице.

Алекс слышал об этой команде: они отличались особой жестокостью в отношениях с «партнерами». Если в той, где был Санек, царила анархия, и после каждого удачного дела они почти все пропивали, то в этой была строжайшая дисциплина и жесткий контроль.

Но в этот момент, не седой мужчина со шрамом заинтересовал его, а тот, кто был сзади него. Тот, кто был его «правой рукой». Он сразу узнал в нем Кныша.

Кныш почти не изменился, только черты лица еще больше заострились, а взгляд стал холодным и жестким. Алекс поначалу даже обрадовался, встретив старого знакомого, но потом вдруг вспомнил окровавленного голубя и, посмотрев в холодные глаза Кныша, понял: тогда в школе, тот его обманул.

В этот вечер разговор с Кнышем не получился. Поздоровавшись с Алексом, на удивление приветливо, Кныш, сославшись на какое то важное дело, уехал со словами, что не прощается.

Встретились они опять там же почти через месяц. На этот раз он был не так дружелюбен, зная, что Алекс сейчас ничего собой не представляет, и особенно тратить время на него не стоит. Сейчас он – Кныш, был выше его и сильнее, по рангу «этого мира», в котором они находились. Сейчас все подчиняются только ему, и этого школьного заводилу он тоже подомнет под себя. Так, наверно, думал Кныш, глядя на ничего не подозревающего Алекса, уже изрядно пьяного, и только пытающегося выяснить у него правду о его дедушке и о его семье. Он лишь ухмылялся ему в ответ.

– Скелеты в шкафу есть у каждого. Дед давно умер, поэтому ты ничего не докажешь.

– Да я ничего не собираюсь доказывать. Только скажи... Он был настоящий?

Кнышу все это начало надоедать.

– Настоящий, настоящий, – сказал он насмешливо. – Ну и что?

Трезвея от услышанного, Алекс на мгновение представил, как тяжело ему было все это время скрывать правду своей семьи. Кто был его дед, воспитавший его? Палачом в концлагере! Бежавшим, и взявшим фамилию человека, которого он пытал и убил? В чем виноват его внук?

Ему даже стало жалко его. Но окровавленная птица, самое ужасное воспоминание из детства, навсегда стояла между ними.

Не очень понимая, что делает, Алекс развернулся всем корпусом и нанес бывшему однокласснику такой удар в челюсть, что тот отлетел в сторону и рухнул под соседний столик.

– Это тебе за голубя!

Что было дальше, Алекс не помнил. То ли его били, то ли он кого-то, но то, что он смертельно напился в тот вечер – утром было очевидно. Проснувшись, в квартире Санька, на наспех брошенном на пол тоненьком одеяле, с дикой головной болью, он с трудом восстанавливал в памяти вчерашний вечер. Выпив холодного пива, припащенного заботливым Саньком, Алекс, снова пьянея, слушал его рассказ о том, что было вчера.

Все оказалось не так уж плохо. Все были пьяные и поэтому не сразу разобрались, что произошло. Его удар был настолько молниеносным и сильным, что его никто

не заметил. Подойдя к лежавшему Кнышу и, решив, что ему просто стало плохо, дружки долго приводили его в чувство. Потом нашлись очевидцы, которые слышали последние слова Алекса и все поняли – что какой то «друг» Санька, вырубил их «бригадира». И началась драка. Но, пришедший в себя Кныш, все еще державшийся за лицо и останавливающий кровь, текущую из раны, полученной при падении, сказал, что это – ваше с ним дело, и все успокоились.

Потом все опять пили, а Алекс все вспоминал какого-то голубя и пил за его упокой. Потом случился небольшой инцидент. Кто-то обокрал девушку «авторитета», – залез к ней в сумочку и вытащил кошелек. Затем, этот кошелек, но уже пустой, нашли под их столиком. И сегодня им нужно ехать к этому «авторитету», чтобы все уладить.

Последнее мало волновало Алекса.

– Ерунда, съездим.

Правда было какое-то неотчетливое чувство, что Санек что-то не договаривает, но к размышлению он был сейчас не способен, к тому же его больше волновал Кныш.

«Надо же, а он молодец, зря я его так».

Успокоившись, он даже выпил водки и, в таком состоянии поехал с Саньком на «разборку».

Но, приехав в условленное место, никакого «авторитета» они не нашли, а только тех, кто был вчера, с такими же помятыми лицами, как и у них.

Санек сразу куда-то исчез, оставив Алекса одного.

К нему подошел парень, которого он не раз видел на их совместных «мероприятиях» и сказал, что им надо

поговорить наедине. Ничего не подозревая, поверив вчерашнему собутыльнику, Алекс смело пошел за ним.

Но, оставшись один на один, он тут же получил предательский удар под-дых. Не поняв за что, хватая ртом недостающий воздух, он получил второй удар. Только теперь до него доходило, что его ни с кем не перепутали, и бьют именно его – но за что, узнал только после третьего удара. В надежде, что это какое-то недоразумение, он, упав на колени, и корчась от боли, глазами искал Санька. Сейчас он войдет, скажет свое веское в их преступном мире слово, и все поймут, что совершили серьезную ошибку, приняв его друга за мелкого ворышку, по незнанию, залезшего не в ту сумочку.

И все рассмеются... А потом, как принято, выпьют на мировую.

Но Санька нигде не было. А приговор ему все-таки вынесли. За то, что он «сделал» – придется платить, и назначили срок...

Таких денег, у Алекса никогда не было, да если бы и были – вряд ли он бы их отдал, тем самым, доказывая свою причастность к тому, чего он никогда не совершал.

Выйдя на улицу, и, еще не понимая, что произошло, он увидел, что его друг, Санек мило беседует с кем-то, сидящим на заднем сидении машины, стоящей недалеко. Увидев его, Санек отошел от уже отъезжающей машины, и Алекс увидел профиль человека, сидящего в ней. Он был давно ему знаком. Еще со школьных времен. И тогда он понял – его просто «подставили»... И понял кто!

Если бы он не был пьяным – может, сложилось бы все иначе? Позже, он много раз оценивал эту ситуацию.

Нашел бы он тогда слова в свое оправдание? Вряд ли! Может и Кныш здесь не причем? Может это знак! Предостережение ему, что он не на правильном пути. Но он еще не сделал ничего плохого, если не считать пьяные драки, когда, выходя из очередного ресторана, пьяный, он вместе со всеми бил всех без разбора.

Ведь он не участвовал в «черных» делишках своих новых друзей! Но, тем не менее, был достаточно близко к ним и, зная о них, мог предотвратить. Мог, но никогда не пытался!

Кто из них, двадцатилетних, знал тогда – что хорошо, что плохо. Что, совершая плохие поступки, они, тем самым, притягивают к себе Зло, которое очень скоро вернется к ним, и поступит с ними так же, как когда-то они, не задумываясь, поступали.

Ничего он не делал, а только попусту транжирил время, общаясь с такими как Санек, готовыми, как оказалось, предать в трудную минуту...

Позже он услышал притчу о двух монахах, пришедших в Храм с вопросом: что является из двух деяний более страшным – воровство или пьянство? «Вино, в чрезмерном своем количестве, гораздо страшнее многих других пороков, – отвечал им Старец. Ибо человек, в таком состоянии, – забыв себя в беспамьятстве, может совершить более страшное...»

«Итак, – думал Алекс, вспоминая, сумбурный рассказ Ника, – Значит, опять Кныш».

Удивившись – как снова переплетаются их судьбы, и тому, что теперь в этом клубке еще и судьбы близких ему

людей – Ника и Киры, он не пожалел, что вернулся. Теперь он мог трезво оценить ситуацию, в которой они все оказались, и, видимо, не случайно.

Пройдясь по комнате, Алекс увидел фотографию, стоявшую на полке с книгами. Карточка была еще черно-белой.

Ник, Кира с маленьким Антоном на руках, они смотрели на него и улыбались. Они были счастливы, особенно Ник, тогда – одиннадцать лет назад. Наливая себе в стакан минеральную воду, Алекс на минуту представил – как сейчас может выглядеть Кира.

– Это единственное, что у меня осталось, – Ник, уже одевшись, стоял сзади и наблюдал за другом.

– Еще любишь ее? – спросил Алекс.

– А ты, сам, как думаешь?

– Судя по твоему виду, – Алекс укоризненно посмотрел на приятеля, – думаю, что да.

– И что опять не так? – спросил Ник, поймав взгляд Алекса, и стал разглядывать себя в зеркале. Внешний вид успокоил его.

– Да иди ты..., приехал тут нотации читать, – он подошел к Алексу и взял у него из рук стакан.

– Вода? – удивленно произнес он, – Ну ты и праведник, – потом заулыбавшись, хлопнул по спине приятеля.

Опять посмотрев на фотографию, Ник с сожалением вздохнул:

– Лучше бы я тогда отсидел... А как бы ты поступил на моем месте? – он посмотрел на Алекса так, как будто тот мог дать ему точный ответ на мучивший его все эти годы вопрос.

– Воровать не надо было, – лаконично ответил Алекс и попал в самую точку.

– Ты Киру не знаешь, – печально заметил Никита, – ей всегда было мало, – в подтверждение он посмотрел на дорогую машину, припаркованную во дворе. – Это ее последняя игрушка.

– Ты хотел сказать – его, – напомнил ему Алекс.

– Ах да, – Ник посмотрел на Алекса, вспомнив, что вчера он упоминал в разговоре фамилию своего соперника. – А я уже и забыл. Вот память, – он полез в бар и достал бутылку виски, – голова что-то раскалывается.

Спохватившись, Ник посмотрел на Алекса, как бы прося у него разрешения.

– Да, пей ты, – засмеялся Алекс, – Ты же у себя дома.

Алекс понимал, что у Ника при упоминании фамилии Кныш такие же неприятные ассоциации.

– Так вот, – продолжал Ник, сделав глоток прямо из бутылки. – Работали тогда они вместе. Вернее, она у него работала, а он был главным в их фирме. Сейчас таких фирм у него столько, что нам и не снилось.

– А чем он занимается?

– Да, всем! Только вот в депутаты его пока не пускают. Темное прошлое мешает. Вообще, гад он! Ненавижу его!

Ник сделал долгий глоток из бутылки.

– А дальше? – Алексу были нужны подробности.

– Что, дальше. А дальше все просто. Он вытащил меня из тюрьмы, а за это забрал Киру.

– В смысле?

– Ну, не забрал. Что он там ей предложил, мне не докладывали. В общем, когда я вышел, она ушла к нему.

В дверь позвонили. Это был водитель Киры, он приехал за ее машиной.

Алекс передал ему ключи от «Бентли».

– Надеюсь, ты ее не поцарапал, – Ник закрывал за водителем дверь, – А то... А было бы здорово, если бы ты ее вообще разбил!

– Вот, остались мы без машины, – добавил он, глядя, как сверкающий автомобиль отъезжает от их дома. – Не беда, поедем на такси. Кстати, у меня есть для тебя подарок.

А где ты был ночью?– вспомнил Ник, – Понимаю! Поехал по старым знакомым, – алкоголь уже стал действовать на него.

– Нет никаких старых знакомых, – Алекс дал понять, что тема закрыта

– Понятно, и как ее зовут, – видя, как его старый друг засмутился, не успокаивался Ник. – Ну, скажи, жалко, что ли.

– Ее зовут Анна...

Если не заводится твоя машина, может, это Кому-нибудь надо? Еще не осознавая этого, ты все равно не остаешься на месте.

Ты, уже давно забывший, как ходят пешком, садишься в такси или ловишь попутку. Но ни тех, ни других, как назло нет рядом. Непривычно, как будто делая первые шаги, ты все же идешь вперед, и на какое-то время, меняешь свой ритм жизни.

Может, это тоже Кому-нибудь надо? Конечно, надо. Прежде всего – самому тебе.

Успев сделать в срок то незначительное, к чему ты так стремишься, ты, со спокойной душой идешь обратно к своей машине. Идешь, и все время думаешь: что же с ней случилось – почему она не завелась в самый не подходящий момент в твоей жизни. Ведь ты был уверен в ней. Ты сам ее выбирал, ты вкладывал в нее деньги, душу, и, наконец – ты любил ее. Идешь, и гадаешь, а может, причина не в ней.

Хорошо, если путь будет долгим. Хорошо, если, пройдя его в одиночку, ты сможешь посмотреть на себя со стороны. Заглянуть в себя, в свое детство, и вспомнить – кто тебя воспитывал и как. Только тогда ты поймешь, что причина всех твоих несчастий – ты сам. Наверно, каждый должен оглянуться назад и что-то понять для себя. Почему его не любят его дети. Почему его предал друг, а его жена, если не ушла к другому, то уже не любит его. Понять и спросить себя – почему?

Ведь ты был уверен в них. Ты сам их выбирал, вкладывал в них деньги, душу и, наконец – ты любил их.

На самом деле – тебе это только казалось.

Не вини никого, как мы привыкли это делать, а просто оглянись назад и посмотри.

Так размышлял Алекс, направляясь к тому месту, где вчера оставил свою машину. Шел пешком, уже не обращая внимания на такси и попутки.

Поздоровавшись с отцом Даниилом, он снял с себя золотой нательный крест и протянул ему.

– Возьмите, он мне больше не нужен.

Несколько грамм желтого металла тяжелым, человеческим грузом легли на влажную ладонь священника.

– Это крест Инги. А мне... Он замолчал. Мне нужен свой.

Алекс сел в машину и автоматически вставил ключ в замок зажигания. Через секунду послышалось знакомое урчание двигателя. Не придав этому значения, он помнил лишь слова отца Даниила: «Ну что же, приходи завтра, сын мой».

Вернувшись домой, и, раздеваясь на ходу, он прошел в гостиную и посмотрел на автоответчик. Высвеченный красным диодом ноль напоминал русскую «0» и по-прежнему подтверждал одиночество его души. Но какое то странное, но приятное чувство – что скоро все изменится в лучшую сторону, не давало Алексу усомниться в принятом решении.

Остаток дня он провел дома.

Готовясь к завтрашнему дню, он, собирая свои мысли воедино, решил навести порядок не только в них, но и в собственном доме. Как и мысли, он перебирал свои старые вещи, решая – что ему понадобится, а что – нет. Он собрал столько ненужного и в доме, и в своей памяти, что весь этот мусор не поместился бы ни в одном контейнере, стоящем рядом с их домом.

Дождавшись машины по вызову, он собственноручно погрузил на нее большие черные полиэтиленовые пакеты и успокоился окончательно, уверенный в том, что отправил их по назначению.

...Когда они уже стали жить вместе, Инга, перебирая свою сумочку, вместе с помадой, тушью и всем, что необходимо женщине, случайно достала свой церковный крест.

– Почему не носишь?

– Цепочка порвалась, все некогда отдать в ремонт. Хочешь, подарю?

И подарила.

Почему он все это время носил ее крестик?

Почему он решил креститься, именно сейчас и здесь, за тысячи километров от России, от своего родного дома? Чтобы ответить на эти вопросы потребовалось не очень много времени, а вот на то, чтобы их себе задать – целая жизнь.

Потушив настольную лампу и засыпая, он снова думал о той девушке из книжного магазина. Теперь уже не сон, а завтрашний день подскажет ему – случайна была их встреча или predetermined.

Службу крещения провел не отец Даниил, как предполагал Алекс, а другой батюшка. Вместе с ним крестили еще двоих маленьких детей. Мальчика и девочку. Их родители были почти одного возраста с Алексом и, как оказалось, тоже из России. Отца семейства звали Игорь. Не один год работая здесь по контракту, он, соскучившись по своей семье, в прошлом году сделал все, чтобы сейчас они могли быть вместе. Ольга, его супруга, хотевшая окрестить детей еще дома, в России, не решалась сделать это без мужа. И вот, оказавшись вместе и узнав, что здесь есть Православная церковь, они вели своих чад к Спасению их душ.

– А пойдете к нам, – после завершения службы в один голос предложили супруги.

Алекс, в этот момент, разговаривая с отцом Даниилом, растерялся.

– Вот видишь, Господь посылает тебе новых друзей, – радуясь за него, сказал священник.

Алекс просидел у новых знакомых до самой ночи. Они говорили о России, о том, что скучают по родным улочкам, по своим родителям. Но в то же время, они были счастливы здесь, потому что были вместе.

Предложив ему остаться у них на ночь, хозяева тем самым подтвердили, что доверяют ему, и что он им нравится. Особенно их детям, которые все это время не слезали с его рук. Ведь только они – дети, могут по-своему, по-детски, определить – хороший человек или нет.

Опять растерявшись, Алекс, сослался на какой то выдуманный предлог, и сказал, что ему все-таки пора идти. Алекс попрощался с гостеприимными супругами, они, обняв друг друга за плечи, еще долго смотрели ему вслед, стоя на пороге своего дома.

А он, счастливый, оттого, что познакомился с хорошими людьми, шел в сторону своего дома, и понимал, что дом, настоящий дом, может быть где угодно: хоть в чужой стране, хоть на краю Света, даже в человеческом сердце. Главное – чтобы в нем были сердца дорогих тебе людей.

Как он опять оказался на той узкой улочке, он и сам не понял. Но, увидев перед собой витрину книжного магазина, остановился в растерянности.

Весь день и вечер он даже не вспоминал о девушке. И оказавшись вдруг здесь, совсем в другой стороне от

своего дома, он внезапно понял, как ждал этого момента. Ноги опять стали ватными, и все защемило внутри, как тогда, когда он первый раз увидел ее.

Подойдя ближе, он, сквозь стекло витрины увидел мужчину, что-то пишущего, стоя за прилавком. Единственное, что он мог разглядеть через окно – у мужчины были седые волосы и явно усталый вид. В тот момент было около часа ночи. Алекс постоял немного, в надежде, что девушка, в прошлый раз бывшая хозяйкой, вот-вот появится. Но ее явно в магазинчике не было.

«Наверное, это – ее отец», – предположил Алекс и решился зайти внутрь.

Звон колокольчика заставил мужчину оторвать глаза от своего занятия и посмотреть на входящего.

– Вы что-то хотели?

У мужчины было действительно усталое лицо, но оно не было таким старым, как ожидал Алекс.

«Значит, она действительно очень молода», – подумал Алекс и ответил:

– Я заходил пару дней назад, и ...

Он не успел договорить. Мужчина, явно и с интересом рассматривал его.

– Вы, наверное, тот русский, который напугал мою жену. Анна мне рассказала о вас. Кстати, она вас ждала и оставила вам это.

Он нагнулся под прилавок и, достав из-под него книгу, передал ее Алексу.

– Предки моей жены – русские, поэтому ей интересно все, что с этим связано. А чем вы занимаетесь?

До Алекса не сразу дошло, что девушка, о которой он мечтал, лицо которой ему снилось не раз – уже была замужем.

– Я, – Алекс не знал, что ответить. – Уже ничем.

Он машинально взял книгу и, невнятно попросившись, вышел.

Алекс стоял перед дверью своего дома, ключ в замке никак не хотел поворачиваться. Алекс вдруг подумал, что если войдет внутрь, то осознать произошедшее будет еще труднее.

«Моя жена, Анна...», – слова ее мужа не выходили у него из головы. Но теперь он хоть знал, как ее зовут.

Безумно хотелось позвонить, нет, побежать, к Игорю и Ольге и рассказать, что его мечта, мечта обрести мир и покой семейного счастья рухнула.

Но было неудобно тревожить их ночью.

Ноги его подкосились и он, цепляясь за дверь, медленно опустился перед домом на колени.

На этот раз мир не поменял свой цвет. За одну секунду он разорвал его мечту на миллиарды маленьких «почему?» и вернул его с Небес. Холод Земли пронизывал тело и заставил подняться. Ключ в замке повернулся, и холодный дом встретил его пустотой и одиночеством. Он зажег свет в прихожей и, не раздеваясь, прошел в холл и сел в кресло. Оказавшись на одной волне с домом, и, взяв его, себе в союзники, он сидел и слушал, как уныло завывает ветер не только за окном, но и в его душе. И только через полчаса, когда полумрак рассеялся, он пришел в себя.

«Зачем я убежал? – Он еще и еще прокручивал в голове разговор с ее мужем, – Как мальчишка...»

«Ведь муж сказал, что она ждала его. Надо было хотя бы поговорить, может, они...»

«Книга!»

Схватив ее тогда, он даже не посмотрел, о чем она.

Теперь, лежащая в прихожей на столике вместе с ключами от дома, она была посланием к нему, а может..., – он вскочил с кресла.

Осторожно взял книгу в руки. Это была «Анна Каренина», Толстого. Не понимая, что она этим хотела сказать, он, зачем-то перелистал книгу, но так и не найдя в ней ничего, сел в кресло и, открыв первую страницу – стал читать.

Лучи яркого зимнего солнца настойчиво пробивались сквозь темные шторы на окне комнаты. Он не слышал, как звонил телефон. Под утро он уснул прямо в кресле. Ему снился сон...

Только прослушав сообщение на автоответчике, он узнал, что Игорь и Ольга спрашивали, как он вчера добрался домой, и приглашали его сегодня к ним на обед. После этого Алекс окончательно проснулся.

Когда он заваривал чай, в памяти всплыли отрывки сна.

«Как будто они давно знакомы, и Анна спрашивала его о книге. Как ей поступить, если бы она оказалась на месте той Анны, – Карениной? Что отвечал, он почему-то не помнил». Глядя на книгу, лежавшую на полу рядом с креслом, он к своему стыду признался, что не читал ее раньше, а только вкратце знал ее содержание.

Так и не сумев понять ни смысла сна, ни предназначения книги, в условленное время он стоял у дверей дома своих новых друзей, давая шанс времени – самому расставить все на свои места.

Не успел он нажать кнопку звонка, как дверь распахнулась, и дети, поджидавшие его там, с криками «Дядя Алеша пришел», – бросились к нему в объятия.

– Удивительно, Алексей, они вас сразу полюбили. Проснулись и сразу же спросили – когда вы придете, – говорила Ольга, снимая с его шеи пятилетнюю Катерину.

Егор, старше своей сестры на год, улучив момент, взял его за руку и потащил в детскую комнату.

– А я Вас нарисовал, – с этими словами мальчик протянул ему свой детский рисунок.

Все цвета радуги, цвета мира, – цвета счастливой жизни, увиденные глазами ребенка, он собрал в своем рисунке. Алекс сразу же узнал себя. Человечек, похожий на него, держал за руку другого человечка.

– А это кто?

– Это ваша жена, – с видом – «Что за глупый вопрос?», удивился маленький Егор.

Странно, но даже на этом детском рисунке женщина была больше похожа на Анну, чем на Ингу.

– Оставьте в покое дядю Алешу, – Ольга не придавала значения рисунку.

– Ничего, ничего, я поиграю с ними, – Алекс надел на голову бумажный колпак, усадил их напротив себя и с таинственным видом произнес:

– А сейчас я вам расскажу одну историю про маленького мальчика и девочку, которые в один прекрасный день встретили волшебника и оказались...

Выйдя через час из детской со счастливым лицом, он спросил:

– А где Игорь?

– Его вызвали на работу, но он скоро приедет.

Возникла неловкая пауза.

– Скажите, Алексей, и простите за нескромный вопрос, – Ольга первая нарушила молчание. – Вы влюблены сейчас?

Понимая, что скрывать бесполезно, он рассказал ей всю правду о себе, об Инге, об отце Данииле, и о той девушке, которую он видел один раз в жизни, и о книге, которую ему передал ее муж.

Слушая его, она то удивлялась, то плакала. Но, в конце разговора, улыбнувшись, сказала:

– Как это ни смешно, но думаю, что знаю, о ком вы говорите.

Алекс удивленно посмотрел на нее.

– Это наши соседи. Их дом напротив. Ее зовут Анна, а мужа, он действительно несколько старше ее, по-моему, Инвар, он работает врачом в клинике. А, у ее отца, – она задумалась, – точно, есть небольшой книжный магазин.

Алекс понимал, что их городок не такой большой, но чтобы настолько все совпало...

– Хочешь, я позвоню и приглашу ее сейчас к нам. Она заходила буквально за несколько минут до твоего прихода.

– Нет, что ты, – Алекс, почему-то испугавшись, замал руками, – не надо.

Они не заметили, как перешли на «ты».

– Извини, я не подумала, – увидев его смущение, произнесла она. – Мы с ней знакомы не так давно, но мне кажется, она очень хороший человек.

Пришел Игорь.

– Привет, разговорщики, – увидев их лица, он пожал руку Алексея.

– Привет, дорогой, – еще потрясенная рассказом Алекса о его жизни, Ольга ласково поцеловала мужа в щеку.

– А где дети?

– Дядя Алеша придумал для них новую игру и, думаю, что до ужина мы их не увидим.

– Ну, рассказывайте, чем вы тут без меня занимались?!

Игорь чем-то напоминал ему Ника. У них обоих было замечательное чувство юмора.

– Вот за что я тебя люблю – за то, что ты все знаешь, а делаешь вид..., – Ольга повела Игоря в ванную. – Пошли мыть руки, трудяга, ты мой.

Через минут десять они вошли в гостиную, но уже не такие веселые, как раньше. Алекс, услышав последнее из их разговора – «...to fall in love», * понял, что Ольга за это время успела все ему рассказать. Игорь сел за стол и, глядя на Алекса, с серьезным видом произнес:

– Я не думаю, что в их семье все хорошо.

Алекс догадался, кого он имеет в виду.

– Мы иногда слышим, как они ссорятся. Но, правда это ничего не значит. Мы вот с Олечкой, – он нежно по-

* упасть в любовь

смотрел на жену, – тоже иногда спорим о воспитании детей. Но насколько я знаю, у них детей нет. Хотя, по-стой...

Он посмотрел на Ольгу, как будто она должна была ему напомнить что-то.

– Нет, вас тогда не было, – опять делая серьезное лицо и, жалея о том, что вспомнил это что-то, он медлил. – Не знаю, вправе ли я говорить об этом, – он опять замолчал.

– Не томи, – теперь уже Ольга стала серьезной.

– Так вот, это мне рассказывали соседи, которые с ними дружили. Их сейчас нет, они переехали год назад. Они, – он посмотрел на дом напротив, – вдвоем попали в автомобильную катастрофу. Ему стало плохо за рулем и, съехав с трассы, они перевернулись и врезались во что-то. Все обошлось, они остались живы...

Игорь опять посмотрел на Ольгу.

– И?

– Она была беременна...

Продолжать не было смысла.

– Это та книга, которую она тебе подарила? – спросил Игорь, решив поменять тему разговора. Он взял в руки книгу, принесенную Алексом, и открыл первую страницу.

– Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

– Да-с, – произнеся это, вздохнул Игорь, – Лев Николаевич как всегда прав.

– А вы знаете, что он сказал по поводу любви в «Крейцеровой сонате»? Любить всю жизнь одного человека, все равно, что верить, что одна свеча будет гореть всю жизнь.

Но никто его уже не слушал. Ольга, сделав вид, что забеспокоилась, как там дети, вышла, не успев скрыть вновь выступившие на глазах слезы.

Алекс только теперь понял, что хотела ему сказать Анна, передавая книгу. «Она также несчастлива в браке, как и он, но только по-своему», – подумал он, но вслух ничего говорить не стал.

Прибежали дети.

– Папа! Папа! – они запрыгнули к отцу на колени и наперебой начали рассказывать:

– А дядя Алеша научил нас играть в такую игру...

Они кричали и за обе руки тащили отца в детскую комнату.

– Ну, пойдете-пойдете, – он, щекоча их, схватил обоих под руки, и они, уцепившись за него руками и ногами, отправились осваивать новую игру. Алекс остался один. Он подошел к большому окну в гостиной и посмотрел на дом напротив.

Значит, все это время она была так близко от него.

В окне на верхнем этаже зажегся свет. Через мгновение появился силуэт девушки. Она стояла у окна и, как ему показалось, делала то же, что и он. Они смотрели друг на друга. Что может быть прекрасней чувства зарождающейся любви. Он чувствовал, что какая-то незримая связь была между ними. О чем она сейчас думает? Он боялся правильно поставить вопрос – не о чем, а о ком. Если бы хоть на чуть-чуть, он был бы уверен, что о нем: без раздумывания, прямо сейчас, выбежал бы на улицу и позвонил бы в ее дверь. Он не знал, что будет ей говорить, только бы еще раз увидеть ее лицо. И тогда, будь что бу-

дет – он скажет ей, что любит ее. Что она та, кто послана ему Тем, кто все это время испытывал его, специально заставляя делать ошибки, чтобы посмотреть, сможет ли он найти ее там, где она спрятана.

Находясь под впечатлением того, о чем сейчас думал, и в знак этого – он помахал ей рукой. Не так, как юноша, прощающийся перед долгой разлукой со своей возлюбленной, машет ей рукой с борта быстроходной морской шхуны. А робко – чуть приподняв руку на уровень сердца, надеясь, что этого будет достаточно, для того, чтобы она увидела и поняла, что он, сейчас смотрящий на нее – именно тот, кто ей послан свыше.

Но этого не произошло. Постояв еще немного, она отошла от окна, и через несколько секунд погасший свет опустил его опять на землю с вершин фантазий и надежд.

Алекс знал, что многие, уже почти достигнув своей цели, боятся сделать последний шаг к ней. Видя и предвкушая ее, останавливаются, задумавшись – а что же будет потом? Успокоение? Ведь они достигли того, к чему стремились. Прошли все испытания, мучились, страдали и даже привыкли к этому. И что теперь? Они медлят, – а может, не стоит идти дальше.

Что это – любовь или еще одно испытание, посланное ему? А может любовь – это и есть последнее испытание? Он торопился выяснить все и сразу, но прекрасно помнил, что в прошлом ничего хорошего из этого не получалось.

А если бы она, не подозревающая ни о какой незримой связи, приняв его за своего соседа Игоря, помахала бы ему в ответ – что тогда?

На звонок в дверь: первым бы подошел ее муж.

«Здравствуйте, я люблю Вашу жену. Правда, она об этом ничего не знает».

«Господи, – подумал он, возвращаясь в реальность, – кажется, я схожу с ума. Мне бы не к Тебе, а к доктору обратиться. Даже если это судьба, не надо надеяться на то, что ты, пройдя все испытания и подружившись с Самим Богом, только вчера встав на его сторону, – сразу стал избранным».

Как же поступить?

Званный обед, переросший в званный ужин из-за опоздавшего не по своей вине Игоря, заканчивался. Видя его подавленное состояние, Игорь и Ольга решили, взяв с собой детей, отправиться на прогулку перед сном.

– Алексей, вы – с нами, – утвердительно сообщили они ему. К тому же, мы вас проводим.

«Ага, чтобы я не наделал глупостей», – подумал он.

– А знаете, – сказал Игорь, предвидя его реакцию, – наверно, только у русских есть традиция – провожать гостей до самого дома.

Все рассмеялись.

Ольга и дети, играя в снежки, шли впереди.

– Есть еще одна русская поговорка, – оставшись один на один с Алексом продолжал Игорь, – на Бога надейся, а сам не плошай.

Он произнес вслух то, к чему Алекс и сам пришел в своих размышлениях.

На прощанье достопочтенное семейство в полном своем сборе закидало его снежками.

«Господи, какие они все-таки дети», – подумал он, закрывая за собой дверь холодного и пустого дома.

Растопив камин и повесив на стену рисунок Егора, он стал обдумывать план дальнейших действий.

«Так, прежде всего надо взять себя в руки. И даже если мы встретимся – не показывать ей, что влюблен».

Просить Ольгу, побольше узнать о личной жизни Анны, было как-то неудобно. Если у них все хорошо, и она – только плод его большого воображения, то пусть все останется – как есть.

На следующий день Алекс сидел в своей машине и наблюдал за домом, стоявшим напротив дома его друзей.

«Какая глупость! Что я здесь делаю?» – корил он себя, чувствуя всю неловкость своего положения.

«Неужели, все влюбленные так себя ведут?»

И тут же ответил сам себе: «Только – влюбленные идиоты».

«Ну, понравилась девушка, ну похожа она на кого-то. Взрослый человек, а напридумывал себе такого...» – не успокаивался он.

Зазвонил сотовый телефон. Это была Ольга.

– Алексей, привет!

Алекс вспомнил: уходя от них в первый день знакомства, он оставил им свою карточку со всеми координатами.

– Ты где?

Почувствовав, что обманывать ее бесполезно, он, стгорая от стыда, не знал, что ей ответить.

– Да я, тут... Недалеко от вашего дома, – запинаясь, выкрутился он.

– Я так и подумала.

Конечно, она давно обо всем догадалась, увидев в окно машину, которая вчера стояла на площадке у дома Алекса.

«Боже, как неудобно», – он нервно провел рукой по волосам.

– Прости, что не могу пригласить тебя сейчас к нам. Игорь взял детей и поехал с ними на каток, а я занимаюсь домашними делами...

– Кстати, они взяли с собой Анну.

Подъезжая к ледовому катку в центре города, Алекс, в который раз, усомнился в правильности своих действий, вспоминая, как несколько минут назад, сидя в машине, наблюдал за домом Анны.

«Маньяк какой-то», – думал он о себе.

Почему, чтобы он ни предпринял – все неправильно. Конечно, рано или поздно, они встретились бы – в том самом магазине или еще где-нибудь. Но сколько на это понадобилось бы времени и сил для того, чтобы их встреча произошла более или менее романтично? Мысленно он благодарил Ольгу, предоставившую ему сейчас такой шанс, и даже не догадывался – Кто на самом деле это спланировал. Все шло своим чередом. И как он ни старался ускорить или избежать того, что ему суждено – ничего не получалось.

«Будь, что будет», – подумал Алекс, входя в двери ледового центра.

Громкая музыка, яркий свет прожекторов, радостные крики детей и взрослых придали ему уверенности. Всматриваясь в катающихся, он без труда увидел тех, кого искал.

Первый и последний раз он стоял на коньках, когда ему было пять лет. Тогда он с дедушкой всю зиму ходил на каток и тренировался. Вспоминая, что у него это неплохо получалось, и под действием всеобщего веселья, он решил рискнуть. Надев коньки, уверенный, что сможет справиться с равновесием и даже блеснуть мастерством, он упал при первом же неосторожном движении.

Дети Игоря и Ольги, заметив его, делающего после падения осторожные шаги, и решив, что без их помощи он не справится, с радостными криками подъехали к нему. Не успев вовремя остановиться, они, цепляясь за него, упали, потащив его за собой.

Лежа на льду, они вместе с ним, не сговариваясь, начали смеяться. Дети смеялись, потому что они дети. Им было весело оттого, что они упали, и он упал тоже. Он смеялся над своей неуклюжестью, над собой, на какой-то момент, сам, почувствовав себя ребенком.

– С вами все в порядке, – Игорь налетел как коршун и стал ощупывать детей.

Катя и Егор, пытаясь встать, продолжали смеяться. Улучив момент, они подмигнули Алексу, и через секунду их папа оказался четвертым, лежащим на льду.

Алексу давно не было так весело. Пытаясь справиться с приступами смеха, он стал приподниматься на локтях и, в этот момент увидел ее.

Анна, со стороны наблюдая за происходящим, разогнавшись, уже готова была прыгнуть на них и примкнуть к всеобщему веселью, но в последний момент, увидев его – остановилась.

– Вы?

Он смотрел на нее и, продолжая улыбаться, понял, что наконец-то произошло то, к чему он сознательно и подсознательно стремился все эти годы.

Он встретился с Ней.

Резко затормозив, она своими коньками сняла со льда тонкий слой, поднявшийся в воздух и превратившийся в тысячу маленьких снежинок, облако окутало лицо Алекса белой прозрачной пеленой.

Сон, приснившийся ему в детстве, сбылся. И сейчас, Алекс был на самой его Вершине, потому что поверил в него тогда и сделал все, чтобы сон осуществился.

– Я.

Она первой протянула ему руку.

Взяв ее, он осторожно, чтобы случайно не причинить ей боли, стал подниматься, чувствуя, как теплота ее руки наполняет все его сердце. Встретившись взглядом с ее глазами, еще искрящимися задором, он смотрел в них так, как будто спрашивал – где же она была все это время.

Анна, чувствуя его взгляд и немой вопрос, не выдержала и, смущаясь, опустила глаза вниз.

– А я Вас ждала, – чуть помедлив, она опять посмотрела на него, – Все это время.

Так они и стояли, глядя друг на друга, и держась за руки.

Молчание нарушил маленький Егор, с интересом наблюдавший за ними.

– Это я вас нарисовал вместе!

Они посмотрели на него, толком не понимая, что он имеет в виду.

– Ну, дядя Алеша, помните мой рисунок. Там вы и ваша жена. Вот! – Мальчик смотрел на них, довольный собой, и улыбался.

Анна, удивленная таким внезапным поворотом, смотрела то на Егора, то на Алекса. Видя, что его не понимают, Егор чуть не заплакал.

– Я знаю, что вы его жена, – уже всхлипывая, он тихо-нечко добавил, отвернувшись от всех. – Я видел во сне.

– Егорушка, – все стали успокаивать мальчика. – Тебе это, наверное, приснилось.

– Ну, так я и говорю, – Егорка посмотрел на Алекса и подмигнул ему – мол, она, Анна, вполне ничего, и был бы он постарше, сам бы на ней женился.

Анна, заметив это, рассмеялась.

– Значит, вы тут сговорились, – она в шутку попыталась поймать за руку маленького поклонника.

Но не тут то было.

Егор, показывая, что отлично стоит на коньках, быстро отъехал и, строя смешные «рожицы», закричал:

– Не догонишь, не догонишь!

– Ах ты, проказник, – Анна погналась за ним, как маленькая девчонка, в школе догоняющая своего одноклассника на перемене.

На самом деле она давала возможность себе и Алексу прийти в себя от неожиданной встречи.

Набегавшись, Егор и Анна подъехали к друзьям.

– Чувствую, что вы тут все давно знакомы, – Анна обвела всех взглядом и остановилась на Алексе.

– Простите великодушно, – он шутливо раскланялся перед ней. – Меня зовут Алексей. Можно просто – Алекс.

– Анна, – она ответила ему тем же поклоном.

– Ну вот, и познакомились, – облегченно произнес Игорь, радуясь этому не меньше, чем девушка.

– Ну, и где вы были все это время, – теперь она, улыбаясь, пристально смотрела на Алекса. – Я вас ждала.

– А где обещанный чай? – улыбаясь в ответ, он напомнил ей о первой встрече.

– Правда, пойдете пить чай, – предложил Игорь, не понимая, что они имеют в виду. – Да и дети, наверное, проголодались.

– Да! Да! Мы есть хотим! – в один голос закричали малыши.

– А у меня все с собой. Чай в термосе и еще кое-что вкусное, – Анна указала на сумку, стоящую на скамейке, рядом с вещами друзей Алекса.

– Ура, – обрадовались дети, – не надо ехать домой!

Они сели на одну скамейку и каждый получил по завернутому в фольгу сэндвичу и куску сладкого вишневого пирога.

– Откуда у вас такая запасливость, простите, заботливость, – искренне удивился Алекс.

– Кстати, шутите-шутите, но на вас я не рассчитывала, поэтому жертвую своим, – и она протянула ему половину сэндвича.

– А если серьезно?

– Не знаю, так меня бабушка воспитывала. Мы с ней сюда часто ходили, это она меня учила кататься.

«Как похожи наши судьбы», – в этот момент подумал Алекс.

– Вот видите, я свое обещание выполняю, даже кормлю вас, – Анна, прищурившись, посмотрела на него.

С чувством юмора у нее было тоже все в порядке.

– А вы прочитали книгу, которую я вам оставляла? Вам же ее передали? – она вопросительно посмотрела на него, наливая горячий чай в кружку.

– Да, мне передали. Ваш муж..., – произнося это, он осекся, вспомнив, что она замужем.

Она как будто задумалась о чем-то серьезном и, не заметила, как переполняется кружка.

Вскрикнув и выпустив ее из рук, она обожгла кончики пальцев и замахала рукой в воздухе.

– Дайте, посмотрю, – Алекс взял ее руку и стал разглядывать.

– Вы что, доктор? – произнесла Анна, пока Алекс рассматривал ее руку. Ей понравился его неожиданный заботливый порыв.

– Для вас, в данный момент, да, – он уже собирался приложить ей снег на руку.

Но конечно, никакого ожога не было. И Алекс вместо снега поднес ее руку к своим губам, и поцеловал.

Алекс остановил машину недалеко от дома Анны. Игорь с детьми уехал чуть раньше, а он вызвался ее проводить, и сейчас, свое обещание выполнил. Всю дорогу они разговаривали о друзьях, вспоминали какие смешные и непосредственные дети, и как тяжело их родителям справляться с ними. Но сошлись на том, что каждый хотел бы иметь то, что имеют Игорь с Ольгой.

Увидев, что в окнах ее дома горит свет, он вспомнил слова Отца Даниила, и решил начать с главного.

– Вы знаете, Анна, я женат.

«Боже, я бы все отдал, чтобы ни произносить этих слов», – подумал он, не зная, как она отреагирует.

Но она посмотрела на него так, как будто ждала этого.

– Я не сомневалась. Вы любите ее? – тихо произнесла она.

– Анна, – ему не хотелось рассказывать ей об Инге. «Как сказать то, что когда-то имело значение, а сейчас...» И он решил сказать правду.

– Сейчас жена в больнице и, как только поправится, мы подадим на развод.

– Это решение я принял до того, как встретил вас, Анна. Вы мне верите?

В машине тихо играла музыка. Медленная, красивая мелодия.

Он посмотрел на неё, и увидел ее глаза. В них были слезы. Они были совсем близко. Обнять её, прижать к себе крепко-крепко, почувствовать запах ее волос, ее кожи, ее души и больше не отпускать, чтобы никто и никогда не смог причинить ей боль. Сколько же он наделал ошибок в своей жизни, сколько совершил ненужных, бессмысленных поступков, – он только теперь понял это. Её слезы были расплатой за все.

– Простите, – отстраняясь от него, произнесла она. – Это музыка так на меня действует. И мне почему-то стало жалко вашу жену. Ведь она, наверное, вас любит.

Не дождавшись его ответа, она продолжала.

– Мой муж был моим первым мужчиной. Мы познакомились на студенческой вечеринке, когда я только начала учиться на медицинском факультете. Да, я врач, – она улыбнулась, – Только, детский.

– Он случайно попал на нашу вечеринку. Он был старше нас всех, наверно, поэтому мне и понравился. Я выпила лишнего, – она замолчала. – Не помню как, но в тот вечер мы переспали. После этого мы больше не виделись. Он не захотел встречаться. Он уже был врачом, делал карьеру, и ему не было никакого дела до молоденькой и глупой девчонки. А через какое-то время я поняла, что беременна.

Было видно, что ей тяжело это рассказывать, к тому же, в первый раз и мужчине.

– Я действительно была тогда молода и наивна. Я была обижена на него и решила оставить ребенка, ничего ему не сказав. Через полгода, гуляя в парке, я увидела его, идущего навстречу.

«Куда плывем?» Не знаю, рад был он тогда нашей встрече или нет. Увидев мое состояние, он спросил прямо. Скрывать от него уже не было смысла.

«Ну, что же. Давай поженимся». Это было его решение. Не знаю, почему, но я запомнила эти фразы дословно.

Свадьба была очень скромная. Он приехал на нее и тут же опять уехал в клинику, сославшись на какое-то неотложное дело.

Она помолчала.

– А через месяц мы поехали к его родителям, и попали в аварию...

– Как у вас жарко в машине, – Анна почувствовала, что ей становится плохо.

Он выскочил, открыл ее дверь и протянул ей руку.

– Ничего, все уже проходит. Просто воздуха мало. Спасибо, – она попыталась изобразить улыбку. – Я, наверное, вас утомила. Простите. На самом деле я просто хотела поговорить с кем-то.

Свежий воздух благоприятно подействовал на нее, и она уже шутила.

– Да, кстати, книгу возвращать собираетесь?

– Конечно. Мы люди не богатые, но честные, – пошутил он.

– Поэтому, и не богатые, – добавила она и лукаво посмотрела на него.

– Что ж, я пойду. Я была очень рада, наконец-то, с вами познакомиться, – теперь она посмотрела ему прямо в глаза. Искренне, тепло и немного печально. Так, как никто и никогда не смотрел на него. Растерявшись и, понимая, что краснеет, Алекс набрал воздух в легкие, но так и не смог ничего произнести.

Видя его смущение, Анна сдержала улыбку и, стараясь быть серьезной, произнесла:

– Расскажите мне потом о России. Обещайте.

– Обещаю, – наконец то выдохнул он.

– Завтра я работаю в клинике. А послезавтра буду в магазине, у папы. Заходите.

– Всенепременно!

– Как вы сказали?

Алекс понимал, что с русским у нее некоторые проблемы, но дословно переводить не стал и просто кивнул.

Вернувшись домой, Алекс был на седьмом небе от счастья и не сразу заметил предназначавшееся ему сообщение на автоответчике. Перебирая в памяти все, что произошло с ним сегодня, он понимал, что только благодаря Ольге, Игорю и их детям – встреча с Анной прошла даже лучше, чем он мог ожидать.

Было еще не поздно, чтобы им позвонить и поблагодарить. Он подошел к телефону...

В сообщении доктор из клиники извещал, что его жене стало значительно лучше, и просил завтра зайти к нему.

Когда ты счастлив, к сожалению, твой бескорыстный порыв осчастливить всех на свете, не всегда удастся.

Он прекрасно понимал, что его счастье Инге не понравится.

Но, делая поспешные выводы, как всегда, ошибался.

На следующий день он сидел в кабинете ее лечащего врача.

– Ну, что же, – доктор на этот раз объяснялся с ним на нормальном человеческом языке. – Если все пойдет так и дальше, то через недельку-другую мы вашу супругу выпишем. А пока... – Он стал перелистывать в ее медицинскую карту.

Алексу показалось, что врач чего-то не договаривает.

– Скажите, с ней все будет в порядке? – озабоченно спросил он. Те травмы, которые нанесли ей грабители, они...

– Нет, что вы! Сотрясением там и не пахло. Так, легкие царапины. – Закрыв карту, он снял очки и посмотрел на Алекса.

– Там, все гораздо серьезней... То, с чем она не в первый раз к нам обратилась – в данный момент только прогрессирует. Все это случилось гораздо раньше, когда она была еще молода. К сожалению, молодой человек, мы лечим не душевные раны, а только их последствия. Мы делаем все возможное. И, как вам сказать...

Алекс был готов ко всему.

– Понимаете. Во сне, она все зовет папу и какого-то Данилу. А когда просыпается, ничего не помнит.

– Отца Даниила, – поправил его Алекс.

– Вы уверены? – доктор сделал пометку в медицинской карте.

– Абсолютно. Я могу увидеть жену и поговорить?

– Конечно. Только не сейчас. Давайте, – доктор посмотрел на календарь, – через недельку вернемся к этому вопросу. Поверьте, для вас обоих так будет лучше. Да, она передала вам письмо, – с этими словами он протянул Алексу конверт.

Выйдя из клиники, Алекс сел в машину и распечатал письмо.

На чистом листе бумаги не было ни строчки.

Он хотел тут же пойти обратно в клинику и показать письмо доктору, но передумал.

Через полчаса он уже разговаривал с отцом Даниилом.

– Это хорошо, Алексей, что ты не забываешь заботиться о ней, – батюшка протянул ему на прощание руку. – А письмо? Мне кажется, я начинаю понимать, – он задумался. – Оно адресовано не тебе, и не мне, – он повернулся и по-

смотрел на крест с Распятием, – Молчание – одна из высших ступеней самопознания.

– Наверное, вы правы. Может только молчанием, она смогла выразить все, о чем думала.

Успокоившись после разговора с отцом Даниилом, Алекс весь день провел с Игорем и Ольгой. Кому же, как не им, он мог рассказать о случившемся. Игорь, взяв небольшой отпуск по случаю Рождества, был рад его присутствию в доме. У них оказалось много общего, и они действительно подружились.

Они оба возились, то с компьютером, в котором лучше разбирался Игорь, то с их старенькой машиной, в которой, лучше разбирался Алекс. Но, в основном, конечно же, с детьми, давая возможность Ольге спокойно заниматься домом и собой.

– Алексей, тебя нам Сам Бог послал, – шутил Игорь.

– Все может быть.

– Но думаю, что это ненадолго, – по-своему комментировала ситуацию Ольга, – скоро и у тебя будет своя семья. И мы будем видеться только по праздникам, и то не по всем.

Она искренне желала ему счастья.

– Ребята, это я вам благодарен за все, что вы для меня сделали.

– А мы то тут причем, ты сам все сделал, своими руками, – подшучивали друзья над ним, посматривая на дом напротив.

– Ой, уйду я от вас, злые вы, – так же шутя, отвечал он.

Зная, что Анна сегодня будет работать в магазине своего отца, Алекс искал книгу, которую давно собирался вернуть, торопился и нервничал.

Заметив его состояние, Ольга спросила:

– А тебя не смущает, что вы оба не свободны?

– Конечно, смущает, – она задела его больное место. – А что ты предлагаешь, не встречаться, пока не разведемся?

Из клиники пока не было никаких известий, кроме: «покой, и еще раз покой».

Они встречались уже две недели, каждый раз – когда она работала в магазине.

– А что она думает по этому поводу? – не успокаивалась Ольга.

– Ты знаешь, мы эту тему не трогаем, – честно ответил Алекс.

– Так вы что, книжки там читаете? – Игорь не упустил возможности состричь.

– Да, и книжки тоже, – Алекс сделал вид, что обиделся, но тут же продолжил:

– А вы знаете, почему не плачут маленькие, только что родившиеся и уже брошенные дети?

Игорь и Ольга замерли.

– Это мне Анна рассказывала, – продолжал он. – Потому что они видят, что к ним никто не подходит, и понимают, что их никто не любит. За исключением одной нянечки, у которой их десятки. Они чувствуют, что никому не нужны и поэтому уже больше не плачут и никого не зовут. А потом... Потом, они умирают от одиночества.

После этого Игорь с Ольгой никогда не спрашивали об отношениях Алекса и Анны и не давали никаких советов, если только он сам их об этом не просил.

Хотя эта тема и была закрыта в их разговорах с Анной, она все-таки висела между ними, и каждый, боясь, что может обидеть другого, никогда не начинал первым.

Случайно Алекс узнал, что ее муж, Инвар Шмидт, утром улетел на медицинскую конференцию в другой город и вернется только через несколько дней.

«Раз она будет более свободна, – решил он, – надо поговорить с ней серьезно».

На второй день знакомства они перешли на русское «ты».

– Так надо, – в принципе, английское «you» его устраивало, но общаться на русском была ее идея.

– Мою бабушку звали Капитолина. Бабушка Капа. Когда я произношу русские слова, мне кажется – ей это нравится. Ведь это она учила меня их говорить.

Она взяла его за руку и закрыла глаза.

– Мне так ее не хватает. Двенадцать лет назад она умерла...

Мы похоронила ее в России – так она просила перед смертью. Да, я была там, – она открыла глаза и посмотрела на удивленного Алекса.

– Я видела дома, улицы, по которым ходила бабушка. Ты знаешь, ведь я тоже могла там родиться, если бы не ваш....

Она посмотрела на книгу Солженицына, которую так и не смогла прочесть до конца.

– А где именно?

Когда она произнесла название его города, он так сильно сжал ее руку, что она вскрикнула.

– Прости, – он приложил ее ладонь к своим губам.

«Значит, двенадцать лет назад, я мог с ней встретиться. Но почему, именно тогда, двенадцать лет назад, встретил Ингу, а через год мы оказались здесь?»

– Да, от судьбы не уйдешь!

– В каком смысле?

– Нет, все хорошо, – он не стал ей ничего говорить, еще сам не понимая всего.

– А ты знаешь, мой прадед по отцу – тоже был врачом. А другой – дворянином и был управляющим в Сенате.

Алекс, напрягая память, вспоминал своих предков, и все что с ними было связано. Он вспоминал все, что говорила ему его бабушка, мама. Имена, фамилии, профессии.

– Какие красивые имена! – Она удивлялась всему, о чем он ей рассказывал.

«Может так и надо: сначала удивлять словами, а только потом – поступками», – думал он, глядя в ее восторженные глаза.

Иногда Анна бледнела, и ей становилось плохо.

– Открой, пожалуйста, дверь, – просила она.

Он нараспашку открывал входную дверь, и свежий морозный воздух наполнял все пространство вокруг них, давая ей силы, а ему уверенность, что она, именно та, кто послана ему изначально. И никто – ни Инга, ни Инвар, ни они сами, не в праве это изменить.

– Это все от духоты, – отшучивалась она и просила его продолжать. – А ты писал стихи?

– Конечно, – он заинтриговывал ее. – Но тебе не прочту.

– Знаю-знаю, они посвящены какой-то другой девушке.

– Нет. Но все равно не прочту.

– Почему? – Она сделала такое лицо, что через несколько минут он сдавался.

– Только обещай не смеяться.

– Клянусь! – она подняла руку вверх, как пионер, отдававший салют и сделала лицо серьезным.

Она вытащила из его памяти то, чему он раньше не придавал никакого значения. Что фамилия его предков была – Матросовы. Что он, когда был маленьким, просто помог старушке из соседнего дома донести ее тяжелые сумки. И потом, когда его отправляли за покупками, он всегда заходил к ней и спрашивал – что купить ей.

Повзрослев, он узнал, что она была знаменитым режиссером, но, состарившись, осталась без поддержки родственников и государства. В знак благодарности, старушка подарила ему старинную коллекцию марок, которую начинал собирать еще ее отец, а потом, и сын, погибший на войне.

«Возьми это себе, Алешенька, мне коллекция больше не нужна. Я всех похоронила. Храни ее и распорядись ею, когда тебе будет очень нужно».

Он принял из ее рук большой полиэтиленовый, прозрачный мешок с маленькими разноцветными бумажками. Придя домой, он разложил их в несколько альбомов

для марок, и до сих пор, не зная их настоящей ценности, хранил в тайнике, который сделал еще в детстве.

«Интересно, там они еще, или нет», – вспоминая этот забытый эпизод из своей жизни, подумал Алекс.

– Ладно, слушай, – он только один раз в своей жизни, будучи еще мальчишкой, написал коротенькое стихотворение, когда уставший после тренировки ехал домой. –

Трамвай стоит на перекрестке,

Готовый ринуться вперед.

А за окном – уж дождик льет,

И люди разные спешат,

Кто на работу, кто в кино,

Кто просто так –

Мне все равно.

Дочитав стихи, он сделал паузу, внимательно наблюдая за ее реакцией.

– По-моему, – гениально, – с серьезным видом сказала она.

– Правда? – он чуть было не поверил ей, но вовремя заметил, что она уже смеется.

– Ах, так!

Он, как будто обидевшись, демонстративно собрался уходить, но потом, развернувшись, схватил ее в охапку двумя руками и высоко поднял. В общем, вел себя не старше, чем – третьюклассник.

– Все, больше ничего тебе рассказывать не буду, – отпуская ее, с улыбкой проворчал он.

Она смеялась.

– В принципе, для начала неплохо. Но тебе надо тренироваться.

Теперь он не понимал – шутит она или говорит серьезно.

Потом, уже Анна читала ему Пушкина, Есенина, Цветаеву.

– А вот для меня никто стихов не писал, – с грустью говорила она.

Иногда в магазин заходили покупатели. Алекс и Анна наперебой предлагали им разных авторов и добивались успеха. А потом хвастались друг перед другом, какие они классные психологи и продавцы.

– Все, сегодня торговли не будет, – заходя к ней, с порога объявил он.

– Почему? – в который раз удивилась она.

– Потому, что я хочу тебе сделать предложение.

– Предложение, отличающееся своей новизной, – парировала она, понимая, что он шутит. – Обманщик, – она сделала вид, что никуда уходить не собирается, но заинтеригованная, вопросительно смотрела на него.

– Приглашаю вас в романтическое путешествие. А это вам, – он протянул ей листок бумаги, сложенный вдвойне.

– Это что, приглашение? – она, взяв листок в руки, стала разворачивать.

– Хотел послать по почте, но потом передумал, – он внимательно следил за ней.

Это были стихи, посвященные ей.

Этой ночью, по-прежнему оставаясь один в пустом доме, он попытался выразить в стихах, то, что ему не удавалось в разговоре.

«Посвящается Анне»

– Надо же. Ты не забыл, – увидев первую строчку, произнесла она с волнением. И стала читать вслух –

У меня вчера было видение –
Ты расщепилась на множество личностей –
От совершенства до неприличности,
От нищеты до Ее Величества,
От оптимизма до обреченности,
От взрослой до школьницы,
От неподъемности до невесомости,
От незнания до осведомленности,
От наплеватьства до влюбленности,
От холодности до кипения,
От лени до рвения,
От мудрости до глупости,
От ума (прости) до тупости,
От искренности до естества,
От хитрости до лукавства,
От смиренности до мятежности,
От грубости до нежности,
От согласия до упрямства,
От вежливости до милого хамства,
От свободы до заточения,
От ориентирования до блуждания,
Специально и во избежание,
По местности и по окрестности,
По будням и по воскресности.

Все эти личности
В огромном своем количестве
Сливаются в одно целое,
Милое и красивое,
В одно улыбчивое и переменчивое,
В одно дерзкое, но неожиданно-застенчивое,
В одно слепое и не замечающее,
В одно близорукое, но дальновидное,
В одно прекрасное и ненаглядное,
В одно самое лучшее и недоступное,
В одно влюбленное и мною вспоенное.

В общем, все эти личности
НРАВЯТСЯ МНЕ ДО НЕПРИЛИЧНОСТИ.

Дочитав стихотворение, она не стала смеяться и комментировать, а просто поцеловала его в щеку – поцеловала в первый раз.

– Уговорил. Поехали в твое романтическое путешествие.

Они стояли на вершине склона, добравшись туда пешком, все время держась за руки. Маленькая горная деревушка, в сорока километрах от их города – была у них под ногами.

Снег падал огромными хлопьями. Он ложился им на плечи и покрывал их волосы белой чистой материей Вселенной, оставляя двоих людей наедине с собой. Горный воздух наполнял их легкие и, попадая в кровь – пульсировал в венах. Солнце было настолько близко, что его хотелось потрогать рукой.

– Восторг! Как здесь красиво! Жалко, что этого нельзя взять с собой. Почему я не знала про это место раньше.

– Потому, что раньше – ты не знала меня.

Она посмотрела на него.

– Знаешь, когда я в первый раз тебя увидела, – она стояла к нему близко-близко и говорила вполголоса. – То поняла, что...

Не договорив, она поцеловала его в губы.

Местный отель, куда они заглянули, спустившись со склона, был переполнен. Все столики, не говоря уже о номерах, были заняты, и влюбленные вернулись в город.

Было около восьми вечера.

– Пригласи меня к себе домой. Я хочу посмотреть, как ты живешь, – ее просьба была искренней. – Это удобно? – тут же пожалев о сказанном, вопросительно произнесла она.

– Конечно. Почему нет?

– Надеюсь, ты не думаешь, что я здесь кого-то прячу, – шутя и открывая дверь, он пропустил девушку вперед.

Зайдя внутрь и сняв пальто, она стала рассматривать их с Ингой совместные фотографии, висящие на стенах.

Заметив это, он взял ее за руку и, как непослушную маленькую девочку, повел за собой в комнату. Усадив ее в кресло, он достал свой семейный фотоальбом, в котором был еще совсем ребенком, и вручил его ей.

– Вот, что надо смотреть, – он прекрасно знал, что кроме его родственников, бабушек и дедушек, там не было ни единой фотографии с Ингой. Это подействовало. Забыв про красивую женщину с настенных фото, она с неподдельным чувством кричала ему из гостиной:

– А сколько тебе здесь лет?!

– Какой хорошенький, – говорила она позже, разглядывая его детские снимки. Да и в молодости – ничего.

– А что, сейчас не нравлюсь? – он, растопив камин, протянул ей бокал с шампанским.

– Нравишься...

Утром, проснувшись и не обнаружив ее в постели, он прочитал записку, оставленную ею.

«Боюсь сказать, но мне кажется – я влюблена в тебя».

Он знал, что увидит ее сегодня вечером, и поэтому стал придумывать – чем бы удивить ее на этот раз. Но, как оказалось, удивляться пришлось ему и, с каждым разом – все больше и больше.

Инвар, муж Анны, еще в салоне самолета, возвращаясь обратно, уже знал как поступить, чтобы сохранить свой брак. Не найдя других вариантов, он решил опять пойти на компромисс со своей совестью, но на этот раз, не ради здоровья своей жены.

Анна, еще год назад, в первый раз, почувствовав себя плохо, обратилась к нему с просьбой выяснить причины, как она думала, ее легкого недомогания.

Проанализировав результаты ее тестов, он испытал шок.

Сказать своей жене, по его вине потерявшей ребенка, что она, к тому же – смертельно больна, и жить ей осталось недолго, он не смог. Сославшись на то, что ей нужны витамины, он, под видом безобидных препаратов, меняя упаковки, в течение года заставлял ее принимать нужные лекарства.

– Да мне уже гораздо лучше. Не могу я их горстями пить.

– Надо! Я доктор и лучше знаю.

Она верила ему, и только поэтому, ведь она была тоже врачом, не раскрыла его секрет.

Но в последнее время, он заметил, что она перестала принимать лекарства, и за неделю до своего отлета попросил жену повторно сдать анализы. Получив ответы, буквально накануне отлета, он был очень удивлен.

Болезнь медленно отступала, хотя успокаиваться было еще рано.

Что это – результаты лечения или что-то другое?

Анна очень изменилась в последнее время. Она часто улыбалась, тем самым, показывая, что у нее хорошее настроение, и что она чувствует себя прекрасно. Все свободное время она пропадала в магазине своего отца. А он, все время чем-то занятый, только один раз удосужился туда прийти и подменить ее.

Именно в тот момент – когда туда во второй раз зашел Алекс.

Сопоставляя факты и, вспоминая случай, услышанный им на конференции, он догадался, что его жена, Анна, сейчас влюблена. И то, что не в него, терзало его мужское самолюбие, толкая на крайние меры.

А случай из медицинской практики, который описывал знаменитый профессор, был действительно реальным, хотя и удивительным.

Несчастливая женщина, брошенная мужем, обнаружив у себя смертельную болезнь, фактически одной ногой была уже на том свете.

Но произошло невероятное событие – она влюбилась в лечащего врача, который был постоянно с ней. Он ответил ей взаимностью, и она до сих пор счастлива с ним и здорова.

Случай совершенно уникальный. Результаты тестов женщины до болезни и после – оказались кардинально противоположными.

Кто оказался на месте возлюбленного его жены, Инвар догадался сразу, вспомнив Алекса – тогда в магазине.

Алекс молод. И к тому же русский. А от них, как ему было известно, ничего хорошего ожидать нельзя.

Как поступить с Алексом – Инвар пока не знал. Но то, что не убьет – это точно. На такое он, Инвар Шмидт – доктор с безупречной репутацией и «хороший» семьянин способен не был.

Примерно года два назад он завел роман, как ему казалось, ничего серьезного не значащий, со своей ассистенткой по работе. Ее звали Мари. Она тоже была замужем. Проводя большую часть своего времени в клинике, она давно испытывала определенное чувство к своему шефу. И они, оставаясь вместе на ночные дежурства, уловив момент, закрывались у него в кабинете и занимались тем, о чем вслух каждый произносить не хотел.

У каждого из них было свое оправдание этому.

Мари не хватало нежности, ласки и внимания собственного мужа, видя его только пьющим пиво у телевизора, и смотрящим футбольную игру. Как любой женщине ей не хватало любви. Ей хотелось, чтобы ее удивляли, если не каждый день, то хотя бы иногда.

Инвар, как почти любой мужчина, проживший в браке достаточное количество лет, успокоился, полагая, что его жена, в какой-то мере зависящая от него и живущая в его доме со старым отцом, никуда от него не денется и, даже если что-то узнает – то простит. Он не осознавал, что когда-нибудь она может поступить с ним так же.

– Привет, дорогая. Я дома. Прекрасно выглядишь, – произнес он ранним утром, оказавшись дома.

Анна, только что вернувшаяся от Алекса, делая вид, что недавно встала, действительно выглядела потрясающе. Она была влюблена. Ночь, проведенная в доме у любимого мужчины, раскрыла в ней все качества женщины.

– Я соскучился по тебе, – Инвар, потрясенный ее переменах, попытался обнять и поцеловать ее.

– Что это с тобой, – она уклонилась от поцелуя мужа, который грозил перейти к постельным отношениям. – За последние несколько месяцев я тебя таким не видела.

Ему, получающему регулярное удовлетворение на работе, с Мари, стало стыдно. Он совсем забыл, что и она, хоть изредка, должна была нуждаться в физическом контакте с женщиной, который он ограничил лишь дружеским поцелуем на ночь.

– А не сходить ли нам сегодня в гости к нашим соседям, – Инвар делал вид, что ему безразлично к кому, хотя до отъезда несколько раз, случайно, видел Алекса, чье лицо он хорошо запомнил, выходящим из дома напротив.

– К каким соседям? У нас их много..., – она догадалась, куда он клонит.

– Да хотя бы к тем, что живут напротив.

– А почему именно к соседям, – теперь она пошла в наступление. – Почему ты не хочешь, например, пригласить меня в кино, или еще куда-нибудь.

Она вспомнила романтическое путешествие в горную деревушку и те смешные стихи, которые ей посвятил Алекс, ночь, которую с ним провела, и поймала себя на том, что улыбается. Желание ссориться с мужем отпало само собой.

– Так, почему именно к ним?

– Ты знаешь, что-то я себя в последнее время не очень хорошо чувствую – не хотелось уходить далеко от дома. Хотя, может ты и права – давай сегодня останемся лучше дома, тем более, мне надо с тобой серьезно поговорить, – так начался обман, который Инвар спланировал еще в самолете.

– Плохо себя чувствуешь? – она прослушала его последние слова о серьезном разговоре, думая о предстоящей встрече с Алексом.

– Ничего-ничего, собирайся – ты уже опаздываешь. – А я пойду, прилягу, – изображая смертельную усталость, он поцеловал ее в щеку и пошел в спальню.

– Алекс ждал ее у выхода из клиники. На заднем сидении его машины лежал букет белых роз.

– Их столько – сколько дней мы с тобой знакомы. Тринадцать.

– Число не из лучших.

Он посмотрел на часы.

– Давай помолчим пять минут, – он пододвинулся к ней так, что их лица оказались близко-близко, и тихо, почти шепотом, как тогда она, произнес:

– Через пять минут будет четырнадцать.

Они целовались.

Через какое-то время он нашел в себе силы заговорить.

– Я хочу познакомить тебя с моим другом.

– Другом? А он симпатичный? – пошутила она, не догадываясь, что именно он имеет в виду.

– Думаю, он тебе понравится, и вы подружитесь.

Они подъезжали к его дому.

– Ты меня пугаешь, – сказала она, заметив, что в его доме только в одном окне горит свет.

Выходя из машины, Анна еще раз посмотрела на него.

– Ты точно решил? Ревновать не будешь?

– Я ему доверяю!

Большой плюшевый медвежонок сидел на стуле в прихожей, и, казалось, ждал их.

– Это мне? Боже, какой он хороший!

Она взяла медвежонка на руки и прижала к себе.

– И такой теплый. А как его зовут?

– А мы с ним тезки.

Она рассмеялась.

– Значит, ты нашел себе замену. Быстро же, – она смотрела на него с любовью.

– Да, мы русские такие!

Он был счастлив, глядя в ее глаза.

Теперь, если бы кто-нибудь спросил его – что такое счастье, он ответил бы, не раздумывая. Он, как ему казалось, только сейчас узнал ответ на этот вопрос.

Не расставаясь с медвежонком, она прошла в гостиную и увидела маленький столик, накрытый на двоих.

– Я хочу пригласить вас на романтический ужин, – он галантно поклонился ей.

– При свечах?

– Простите, – он ловким движением зажег свечу, стоявшую на столике.

Она смотрела на него и думала. Никто и никогда не делал для нее ничего подобного. Ей было двадцать девять лет, из которых девять она была в браке. Она была красива, умна и, казалось, спокойной за завтрашний день. Ее устраивала ее работа, ее дом, ее муж. Ее муж!? А где было ее сердце, когда она выходила замуж?! Повседневная жизнь, и обет, данный ей в церкви, не позволял ей все эти годы даже думать о своем сердце.

И что такое счастье для нее?

Только сейчас, перед пламенем свечи, она поняла, что по-настоящему счастлива. Как бы она хотела, чтобы ее бабушка увидела ее в этот момент и порадовалась за нее. Сколько раз она слышала от бабушки историю ее любви, как за ней красиво ухаживали, восхищались ею. И вот теперь – на ее месте оказалась она.

Она была готова всю оставшуюся жизнь любить Алекса, потому что верила – что одна свеча может гореть вечно.

– Я согласна.

Теперь уже она смотрела на часы. Стрелки замерли, но одна из них – главная, указывала на четыре часа ночи. Они уснули, казалось, ненадолго.

Тогда сколько же они любили друг друга?

«Ну почему, когда ты счастлив – это проходит так быстро. – «Неужели счастье так мимолетно?»

Она представила лицо Инвара, когда он встретит ее и спросит – где она была. «Надеюсь, он не стал разыскивать меня с полицией. А что ему сказать? Врать? Нет! Может, он сам все поймет, и не будет устраивать скандал. «Будь что будет!» – она поцеловала Алекса.

– Все будет хорошо, – шептала она, и не могла от него оторваться.

– Мне пора идти, – наконец успокоившись, смогла произнести она, – Боже, как хочется остаться!

– Оставайся, а завтра..., – своими поцелуями он не давал ей одеться.

– Завтра?.. Здравствуй, Инвар! Познакомься..., – она посмотрела на Алекса.

– Нет, я должна сама с ним поговорить. К тому же, там мой папа.

Присутствие в доме ее отца успокаивало Алекса. Он надеялся, что тот встанет на ее сторону, и все действительно будет хорошо, как она сказала.

Провожая ее, он думал, что в любом случае никто и ничто не помешает им быть вместе.

– Обещай мне, что ты не будешь делать глупостей, пока я тебе сама не разрешу этого.

– Нет, если я перестану делать глупости, ты меня разлюбишь, – он прекрасно понимал, что она имеет в виду, но отшучивался.

– Хорошо, – она видела, что спорить бесполезно, – тогда обещай, что мы еще поедem в ту деревушку в горах.

– Обещаю, моя Госпожа, – и он в знак этого приложил правую руку к сердцу. – Я люблю тебя.

– Я тоже, – вполголоса произнесла она.

Все, что произошло потом, ошеломило ее, не давало опомниться и прийти в себя. Ситуация казалась безвыходной.

Выход, конечно, был. Но цена за него была слишком высока. Она была не по карману ее совести, ее разуму. Так ее воспитали. Такой она была. Такой черед испытаний уготовила ей Судьба.

Когда она пришла домой в то, почти утро, – все было тихо и спокойно. Ничего из того, что она предполагала, не произошло.

Инвар спал, вернее, притворялся, что спит.

Она зашла в комнату к папе и, убедившись, что с ним все в порядке, с облегчением вздохнула.

– Господи, спасибо Тебе, что все обошлось.

Завтра у нее будут силы и время все обдумать и спокойно решить, как поступить дальше. Ведь предстояло поменять не только свою жизнь, но и жизнь людей, которые были рядом и ничего еще не подозревали.

Ошибалась она только в одном – за нее давно все решили.

Инвар, до сегодняшней ночи еще надеявшийся, что все его подозрения – лишь плод больного воображения, лежал и детально продумывал план мести. Зная ее характер, он был уверен, что только жалость может заставить ее пойти у него на поводу.

Проснувшись утром, он, как ни в чем не бывало, позавтракав, сидел и читал утреннюю газету, допивая остывший кофе.

– Доброе утро, дорогая. Как спалось? Устала вчера на работе? Наверное, было много пациентов? – это был обычный набор вопросов каждое утро.

Спала она в эту ночь, вернее, ее остаток, действительно хорошо. Ей снился сон.

«Они стояли с Алексом на вершине того склона, и он, показывая рукой вниз, говорил ей: «Посмотри – там наш дом». Но это уже была не горная деревушка, а далекая для Анны Россия, куда Алекс звал любимую за собой...»

Полагая, что Инвар ни о чем не догадывается, она, наливая себе чай, спросила его:

– Так о чем ты вчера хотел со мной поговорить?

Он, отложив газету и делая серьезным свое лицо, начал давно заготовленный монолог.

– Прости, что я обманул тебя.

Она вопросительно посмотрела на него.

– Прости, но я не был на конференции, о которой тебе говорил.

– И где же ты был?

Он сделал паузу и про себя подумал, что ему это даже доставляет удовольствие – обманывать ее, как все эти дни обманывала она.

– Я ездил к профессору Штольцу. Помнишь, я тебе о нем рассказывал, это мой учитель.

– И зачем ты к нему ездил?

– Прости, я не хотел тебе ничего говорить. Хотел, чтобы ты узнала об этом последней. Но...

Он профессионально выдержал паузу, думая – какой актер умирает в нем.

– Я ездил к нему за ответом на результаты анализов, которые, я ему отослал раньше.

Анна успокоилась, подумав, что это были тесты одного из его пациентов.

– Моих анализов, – он даже немного пожалел о сказанном, видя, как меняется ее лицо.

– Ты болен? – она ждала чего угодно, но только не того, что услышала.

– Да... К тому же, смертельно... Полгода. А может – месяц.

Она была потрясена, не хотела в это верить, и не знала, что же ей делать – подойти к нему и обнять со словами «Дорогой, прости меня» или...

Анна потеряла сознание.

Он торжествовал.

Его расчет был прост. Скажи он ей про ее болезнь – ничего бы не изменилось. Более того, она тут же, не раздумывая, ушла бы к своему возлюбленному. А так – она будет с ним, и будет с ним постоянно.

Значит, времени встречаться с любовником у нее будет меньше. Она будет делать все, что он попросит. Как можно отказать человеку, которому осталось жить считанные дни.

Главное для него было выиграть время, которое с этой минуты уже работало на него.

«А дальше посмотрим, кто раньше умрет – король или его конь...», – вспомнил Инвар старую притчу, надеясь, что кто-нибудь из двоих влюбленных не выдержит и наделает глупостей.

Конечно же, он изучал психологию и поведенческие мотивы человека в разных ситуациях, но, – как поведет

себя влюбленная женщина, он не догадывался. Такого ему в университете не преподавали. Поэтому, он все же не был до конца уверен в успехе своего плана.

А влюбленная женщина, придя в себя, медленно, но верно осознавала, что как бы она ни старалась, вспоминая все хорошее, что было между ними за эти годы, сейчас не могла найти для него место в своем сердце. Ее сердце принадлежало Алексу.

А Инвар, оставался всего лишь ее мужем, которому она была благодарна за его хорошее отношение к ней и к ее отцу.

Взять на себя вину, за случившееся с ним, она не успела – сейчас она лишь думала о том, как расскажет об этом Алексу.

– Привет,- он обнял ее и прижал к себе.

Проводив ее тогда, он не пошел сразу домой. Он подошел к окнам ее дома и стоял так минут пятнадцать, слушая – не произойдет ли что-нибудь ужасное, готовый в любую минуту вышибить входную дверь и защитить ее от разъяренного мужа.

Но ничего не происходило. На его удивление – все было тихо. Не было ни разговоров на «повышенных тонах», ни звона бьющейся посуды – вообще ничего не было. Удивившись – как «тихо» иностранцы, а Инвара он считал таковым, выясняют отношения со своими женами, Алекс успокоился и пошел домой.

– Хочу выполнить свое обещание. Поехали?

Она смотрела на него и не понимала, куда он клонит.

– Ты же сама меня об этом просила!

– Ах, да, – она вспомнила о том склоне в горах, на вершине которого она поцеловала его.

– Поедем обязательно, но не сейчас.

– Что-то случилось? – он посмотрел в ее глаза.

Увидев в них прежнее чувство, он успокоился и вздохнул.

– Я уже подумал, что действительно что-то случилось.

– Случилось... Мой муж болен. Смертельно.

Она произнесла это так, как будто муж уже умер.

Алекс молчал. Он не понимал – радоваться или огорчаться этому. С одной стороны, это решало многие проблемы. А с другой? Он задумался о смерти.

«Как человек может радоваться смерти другого? Оказывается – может. Но ведь я даже не знал ее мужа...» – оправдывал себя Алекс.

Но тот, о ком они скорбели, умирать не собирался. Он лежал на уютном мягком диванчике и мирно спал после обеда. Ему снился сон. Это были его похороны.

«Красивый, дорогой гроб – темно-вишневого цвета. Инвар, лежащий в гробу – красивый, в дорогом черном костюме. Тихо играет красивая музыка. И все вокруг плачут. А он лежит, и про себя смеется над ними. Какие вы все глупые. К гробу подходят красивые полуобнаженные молодые женщины. Они в облегающих костюмах из черного и белого латекса, их губы вызывающе покрашены красной помадой. Они берут его под руки и, целуя, ведут в комнату с большой белой кроватью. Предлагают лечь на нее, устроиться поудобней. Он, уже совершенно расслабленный, ложится и... проваливается в темную неизвестность. Пустота, холод, он летит вниз с огромной ско-

ростью и не может найти – за что ему уцепиться, чтобы остановить это страшное падение».

Звонок в дверь разбудил его. Это был молочник, принесший свежий творог для отца Анны. Инвар машинально расплатился с ним, еще не подозревая, что пропасть, в которую он падал во сне, уже открыла для него свои ворота в реальной жизни.

Теперь Алекс вновь большую часть времени проводил с Игорем и Ольгой.

– А вы знаете историю своих имен? – он смотрел на только что погасшие окна в доме напротив.

– Наверно ты нам хочешь рассказать про вождя готов Германариха и его преемника Винитара? – блеснул Игорь своими познаниями в истории.

Алекс тоже неплохо разбирался в истории зарождения древнего русского государства и знал, что еще, примерно в четвертом веке, когда началось Великое переселение народов, племена готов двинулись по древнему речному пути, из Балтийского моря в Черное, и покорили все племена от эстов до антов, то есть – славян.

Правда, когда Анна спросила его – почему Россия называется именно так, а не иначе, – он не смог ей однозначно ответить на ее вопрос.

– Русь, – он задумался, зная, что вопрос происхождения этого слова до сих пор остается открытым.

Современные ученые предложили около пятнадцати гипотез его происхождения, но он запомнил только одну.

– Русами, в те времена, называли отряды, состоявшие из скандинавов, финнов и славян, которые плавали

по великим речным путям. Эти отряды составляли наиболее активные и предприимчивые представители разных народностей и племен.

Алекс, обладавший неплохой памятью, прямо цитировал ей то, что когда-то сам вычитал из книг.

– Именно они и создали в землях восточных славян свои первые княжеские династии. Там они и правили, называя себя руссами, а землю свою – «Русь». А потом и народ, населявший эту страну – стал называться русским.

Больше всего ему нравилось изречение из анналов франкского императора Людовика Благочестивого в 839 году:

«Неведомые пришельцы сказали, что называть их надо Рос.

Император приказал выяснить, откуда они, и получил ответ, что «росы» принадлежат к народности шведской».

– Так что там про наши имена, – Ольга с интересом смотрела на Алекса.

– Я – сын Рюрика, – Игорь не давал Алексу вставить слово. – Не забудь рассказать про Синеуса и Трувора и про основание Русского государства в 862 году.

– Игорь, – Ольга посмотрела на супруга таким взглядом, что тот сразу замолчал.

– Да, действительно у Рюрика был сын, которого звали Игорем, – продолжил Алекс. – По легенде, Игорь охотился в новгородских лесах. Он увидел лодку, стоявшую на берегу реки и попросил перевезти его на другую сторону. Перевозчиком оказалась крестьянская девушка

Ольга. Игорь был так поражен ее красотой и умом, что немедленно посватался к ней.

– Вот я у тебя какая, – Ольга ласково посмотрела на мужа. – А что было потом? – не унималась она.

– Они поженились, и у них родился сын Святослав.

– Эх, теперь Егорку будем называть Святослав Игоревич, – размечтался Игорь.

– А тебя Рюриком, – рассмеялся Алекс.

– Ну, а потом, потом, что было с ними?

– Да ничего, Игоря убили древляне, когда он с них дань снимал, – отцу семейства разговор стал явно надоедать.

– Как убили?

– Не переживай. Его жена, Ольга жестоко им отомстила. Она сожгла ладьи их послов, то есть лодки, на которых они к ней приехали. А других послов сожгла в бане, где они мылись с дороги. Представляешь, они к ней сватать своего царька приехали. Как его?

– Князя Мала, – подсказал Алекс.

– Точно! А потом собрала дружину и разбила их в пух и прах.

– Не так. Она выиграла сражение, но древляне закрылись в своем городе. И тогда она пошла на хитрость. Она предложила им мир, если они дадут ей дань – по три голубя и три воробья с каждого двора. Они с радостью согласились. А когда стемнело, дружинники Ольги привязали к птицам горящую серу с трuтом и отпустили их. Птицы полетели к своим гнездам, и скоро весь город был объят огнем.

– А жители его убиты или обращены в рабство, – добавил Игорь. – Мы сегодня есть будем, вообще-то?

Минут через двадцать они уже сидели за столом, и каждый из них думал о чем-то своем. Но это свое всех объединяло в одном. В одном и неоспоримом желании поскорее вернуться назад – домой, в Россию.

Ольга скучала по родному городу, по своим родителям. Игорю безумно надоела иностранная жизнь, с ее законами, к которым он с трудом приспосабливался.

И Алекс понимал, что так долго продолжаться не может, что им с Анной надо строить свою – новую жизнь, а здесь это сделать невозможно.

Они виделись почти каждый день – но урывками. И только пару раз в месяц позволяли себе – уезжать на несколько часов в отель той горной деревни, где проводили незабываемые минуты.

Инга выписалась из клиники. Но была совсем другая. Встретившись с ним, она по привычке обняла его и поцеловала. Но когда он, привыкший целоваться только с Анной, немного отстранился от нее, она все поняла.

– Ммм.., а у тебя – другая.

Она не стала устраивать скандал. Только, немного помолчав, спокойно произнесла: «Наверно, ты хочешь получить развод?»

Неделю назад он собрал свои вещи, которые уместились в одну дорожную сумку и, бросив их в свою машину, переехал к своим друзьям, получив от Инги, подписанные ею, документы об их разводе.

Больше они с ней не виделись. Единственное, что его радовало – иногда он видел ее, входящую в церковь, когда и сам приходил туда – за последними советами к отцу Даниилу.

Долго жить у Игоря с Ольгой было не очень удобно. По его просьбе, их агент по недвижимости подыскивал ему варианты отдельного жилья.

– Так, сейчас вызовем такси, пообедаем, и ты увидишь подарок, – Ник собирался ехать в «Nota bene», и уже был слегка пьян.

– Что же мне с тобой делать? Ладно, поехали.

Через десять минут желтый седан мчал их по городу.

– Как все изменилось! – Алекс с замиранием сердца, с трудом узнавал знакомые с детства улочки.

Августовская влажность воздуха после дождя освежала и придавала городу свежеевымытый вид.

Одиннадцать лет, проведенных в стране, где снега не меньше, чем песка в пустыне, сказывались на его восприятии.

Он вспомнил слова классика: «В России две беды – дураки и дороги», и усомнился в последнем слове. За его отсутствие город сменил трех мэров и дороги, то есть их асфальтовые покрытия стали не хуже европейских.

Оставалось усомниться и в первом, но этого не позволил сделать водитель такси.

– Вот дурак, блин..., – выругал он прохожего, который, не заметив машины, чуть не угодил под колеса. – Что за народ!

Расплачиваясь с ним, Ник, сам – водитель, был вполне солидарен. Они вспомнили всех, кто раздражал их на дороге за последние годы и сошлись в одном мнении – «Страна дураков».

Алекс смеялся от души.

– А что ты смеешься? Ты видел его... – он имел в виду человека в очках, которого они чуть не сбили, – Живет в своем мире, а под ноги кто будет смотреть?!

Ник никак не мог успокоиться, заходя в свой ресторан с черного хода.

– Так надо, – он подмигнул Алексу.

– Так, и чем вы тут занимаетесь? – сделав серьезное выражение лица, он в течение пяти минут отчитывал персонал, который застал врасплох.

– Разбаловал я их. А вообще-то, они меня любят.

– Ну-ну, – Алекс понимал, что его старый друг немного выделывается, чтобы показать свою значимость.

– А если честно, дела идут неважно. Сейчас столько кафе и ресторанчиков – мама, не горюй, – Никита опять вспомнил фразу из фильма и вздохнул. – Если бы не Иилия... То и аренду не чем было бы платить. Дай Бог ему здоровья.

– В смысле? – не понял Алекс.

– Слушай, да свалился он на мою голову где-то год назад. Какой-то он..., – Ник долго не мог придумать подходящее слово, – несуразный, что ли? Но лицо уж очень знакомое. Где-то я его раньше видел. Но, не – суть. Я его накормил, денег дал – жалко стало человека. А он, представляешь, заявляется ко мне на следующий день с целым фургоном конфет каких-то. Возьми, мол, добрый человек. И уехал. Конфеты – как конфеты. Карамельки обычные. Правда, вкусные и пахнут приятно. Что мне с ними делать? Я их в вазочки разложил и на каждый столик поставил – как бесплатный десерт. И что ты думаешь?

Алекс внимательно его слушал.

– Ты не представляешь – что творилось вечером, народу – тьма. Очередь на улице стояла. И что интересно, все – влюбленные парочки. И молодые и пожилые, короче, – любви все возрасты покорны. Я думал – совпадение. А потом догадался. Как конфеты эти заканчиваются, все – тишина, и – ни души. А они за неделю такой план ресторану делают – на полгода вперед. Сегодня сам увидишь!

– А вот и наш, любезнейший, – Ник широко заулыбался, увидев входящего Илию.

– Здравствуйте, почтеннейшие. – Чувствую, про меня говорят. Дай, думаю, зайду, – он по-отечески обнял каждого в отдельности, как будто знал их с детства.

– Ну, что же. Вижу, вижу. Вы в надежных руках друг у друга. Не пропадете пока. А то, я к братцу моему, хочу съездить на недельку. Так вы без меня не балуйте, – и гость исчез так же внезапно, как и появился.

Не успели Алекс и Ник по этому поводу даже обменяться мыслями, как в дверях ресторана появилась Кира.

– Сколько же мы не виделись? – она каким-то образом узнала о приезде Алекса, – Наверное, лет десять? – поправляя волосы, она смотрела на него.

– Одиннадцать, – Ник, обидевшись, что его не замечают, таким образом, дал знать о своем присутствии.

– А, Никита, привет, – мельком посмотрев на него, она продолжала рассматривать Алекса.

– Не изменился!

– И ты.., – хотя Алекс не сразу ее узнал.

– Кстати, Кира, мы еще толком даже не завтракали, – Никита топтался рядом, не зная, что ему делать. – Ладно, вы тут пообщайтесь, а мне работать пора.

– Да, я – ненадолго. Так – поздороваться.

– Как дела? – когда они остались вдвоем, она изменила тон и как-то по-другому посмотрела на Алекса.

– Как видишь, – Алекс вдруг вспомнил, что она жена Кныша и сложил руки на груди, как бы защищаясь от нее.

– Женат?

– Почти.

– Это плохо, – Кира села в кресло Ника и о чем-то серьезно задумалась.

– Он знает, что ты приехал.

Алекс не сразу догадался, кого она имеет в виду.

– Я прошу тебя, уезжай. Уезжай немедленно. Он тебе жизни не даст.

– О чем ты, Кира. Я приехал домой и никуда уезжать не собираюсь.

– Алекс, ты его не знаешь. Он страшный человек. У него все схвачено. Ты еще не приехал, а он уже знал. Он как чувствовал. Это он тебе машину в аэропорту испортил.

Это для Алекса было новостью.

– Ах, вот в чем дело, – теперь он все понял, – надо же!

– Ладно, я сама попробую что-нибудь сделать. Он только меня слушает.

– А меня, значит, боится, – сделал Алекс для себя правильный вывод.

И, немного поразмыслив, уже про себя, добавил: «Этим я и воспользуюсь».

– Да ты не волнуйся. Все будет хорошо, – он смотрел на нее и только теперь увидел в ней прежнюю Киру, ту, которая ему когда-то нравилась.

Она, конечно, изменилась.

Во-первых, стала старше. Природная красота, плюс возраст, плюс темные ниже плеч волосы придавали ей особый шарм «роскошной» женщины. Всего, чего она хотела в жизни – она добилась. Она была богатой, уверенной в себе и сильной женщиной. Только цена за все это – была в ее глазах. Когда она сняла темные очки, дорогой и модный аксессуар, он увидел глаза несчастной, одинокой и слабой женщины. Алекс не мог поверить, что женщина, ради счастья своего сына и благополучия бывшего мужа способна на такие жертвы. До этого этапа в своей жизни он еще не дошел.

– Выглядишь роскошно, – он сделал даме дежурный комплимент.

– Ага, еще скажи, на миллион евро, – как-то грустно пошутила она. – Ладно, я действительно только хотела тебя увидеть и предупредить. Мне пора. – Кира встала и, по привычке поцеловала Алекса в щеку. – Еще увидимся.

– Ну вот, уже целуются, – Ник вошел, как всегда, вовремя.

– И тебя я рада видеть, – она поцеловала и его. – Спасибо, что машину не поцарапали, – улыбнувшись и прощаясь, она добавила обоим, – Пока. Надеюсь, еще увидимся. Ведите себя прилично, мальчики.

Мальчики посмотрели друг на друга и, втянув свои животы, пошли обедать.

– Вот, – Ник снимал тент с маленькой спортивной машины, стоявшей на заднем дворе его ресторана.

– Дарю, – он сделал щедрый жест, – правда, документов на нее нет.

– Ворованная, что ли? – Алекс недоверчиво посмотрел на друга.

– Здрасьте, стал бы я лучшему другу такое предлагать, – Ник даже немного обиделся, – Не поверишь, она месяца два стояла около входа в ресторан. Стояла и стояла. Кто-то из влюбленных ее оставил – это я точно знаю. Сам видел, как они на ней приехали. Ну, думаю, заберут потом. Веришь, до сих пор – никого. Я ее даже через милицию по номерам проверял – нет такой машины. Значит, и хозяев нет. А как мне их найти? А потом смотрю – ключи в замке.

Выпросил у Киры «непроверяйку», чтобы гаишники не останавливали, и катался на ней неделю. Классная машина, но не моя – слишком быстрая. Короче, приедут хозяева – отдадим, без вопросов. А пока, она твоя – забирай.

Алекс уже не слушал его. Это был двухместный купе, напоминающий шведский «Кенигсегг». Только выкрашен он был, в неприметный серо-зеленый цвет.

«Интересно, у кого поднялась рука, сотворить такое», – подумал он, зная, что модели такого класса, должны быть совершенно других, ярких цветов. Зато кузов, действительно был из карбона, и двери открывались вертикаль-

но, что придавало машине необычайную легкость и уникальность. Но все это было неважно.

Он сел в автомобиль и завел двигатель. Раздалось приятное рычание. Он знал, что такие машины разгоняются до ста километров примерно за три-четыре секунды. Но ошибся, выехав на ней вечером на пустынную кольцевую дорогу.

Рванув ее с места, он не успел сосчитать секунды. Раз – и его вдавило в спинку сиденья. Такого он еще никогда не ощущал. Под центрально расположенным двигателем, было явно больше, чем положенных – восемьсот лошадиных сил. Машина была странная, более того – какая-то нереальная.

В этом он еще раз убедился, когда подъехал на автозаправочную станцию. Не найдя в ней датчика уровня топлива, он также не нашел того места, куда это топливо заливать.

Спас – как всегда, неожиданно появившийся Иилия. Он вытащил канистру из своего фургона и вылил из нее половину, в какой то серебряный бочок, находящийся сзади, рядом с двигателем. Но вместо двигателя, каких привык видеть Алекс – не раз занимаясь их ремонтом, была – такого же серебряного цвета – странная конструкция, без каких либо проводов и шлангов.

– Меньше думай об этом, – сказал Иилия ничего не понимающему в этот момент Алексу.

– Да и вообще, – поменьше думай о смысле жизни. Все это очень сложно. Иилия обладал весьма странным способом уговаривать. И Алекс ему верил.

– А как я узнаю, что то, чем я занимаюсь и есть смысл жизни?

– А ты не узнаешь – пока не придет время, и ты сам не почувствуешь этого. А смысл жизни прост и заключается в одном предложении. Да ты и сам эти слова знаешь.

«Что ты даешь – то и получаешь», – Алекс вспомнил слова отца Даниила.

– Правильно! – Иилия читал его мысли. – Кстати, этого хватит на неделю, – он указал на канистру с «топливом».

– А что там за красная кнопка? – Алекс хотел разобраться во всех возможностях автомобиля.

– Ну, как тебе сказать...

Был теплый августовский вечер. Они сидели на открытой террасе ресторана и беседовали.

– Ну, расскажи мне про нее. Какая она? – Ник выпрашивал его про Анну.

– Она, – Алекс на мгновение представил ее лицо, – самая...

– Ну, это я уже слышал. Она самая красивая, ни на кого не похожая, самая добрая и все такое. И?.. – Ник с предвкушением смотрел на друга.

– Ты знаешь, перед отъездом. Мы, немного.., – Алекс старался, но не мог толком объяснить.

– Поссорились, что ли?

– Не совсем, – выдал из себя Алекс.

– Объясни.

– В общем, я спросил – спит ли она со своим мужем.

– Ну, это ты зря, старик!

– Да я знаю, глупее вопроса не бывает. Но ничего не смог с собой поделатъ.

– И что?

– Она ничего не ответила.

– Значит, не спит, – с видом знатока заметил Ник.

– Господи, как я хочу, чтобы все это быстрее закончилось.

В этот момент сверкнула молния, а затем прогремел гром. Алекс даже испугался своего желания.

– Да, к тому же, я ей еще и соврал. Сказал, что у меня здесь все в порядке. Есть большая квартира в центре... Правда, она действительно есть – только коммунальная... А как сейчас можно заработать. Но без...

– Боюсь, что быстро и без криминала не получится, – Ник с сожалением посмотрел на друга. Поверь мне, я через это уже прошел. И сам видишь, как, – он достал из бумажника маленькую фотографию сына и вздохнул.

– Я вас, тебя и Анну обязательно с ним познакомлю.

– Конечно, – вздохнул Алекс, думая о своем.

Мимо них, агрессивно надрывая двигатель, пронеслась спортивная машина.

– Хотя, постой, – обративший на нее внимание Ник, уже что-то обдумывал.

– Стритрейсинг, – загадочно произнес он. – Почему бы и нет. Пойдем-ка, я тебя кое с кем познакомлю.

Несмотря на нависшие тучи, и вот-вот приближающийся дождь, очередь в их ресторан не уменьшалась.

– Есть официальные клубы, где все по-честному, – на ходу объяснял Алексу Никита, заходя внутрь ресторана.

– Но то, что я тебе скажу – это большой секрет, – он приложил палец к губам, – Есть люди, которые сами уча-

ствуют в своих гонках, сами устанавливают правила и сами назначают призовой фонд. И знаешь, какой?

Алекс мог только представить. Но эта идея ему понравилась. Участвовать в гонках – пусть даже в нелегальных, – была ему по душе. Ему нравилась скорость, он обожал автомобили и все, что с ними связано. Он относился к ним, как к людям. Наверно, это было его призванием.

– Познакомьтесь, это Михаил и его супруга, – они подошли к столику, за которым сидел молодой, почти их возраста мужчина с красивой брюнеткой.

Михаил был сыном русского промышленника. Его отец, имея в своем управлении не один десяток заводов, работающих на оборону страны, был порядочным и честным человеком. Даже выполняя военные заказы для разных стран, делал это, не ради денег, а для престижа своей страны – для того, чтобы Россия, которой он дорожил, поднялась и процветала на благо Отечества.

Несколько лет назад, уйдя в большую политику, он передал управление холдингом сыну. Он сам, неплохо играющий в футбол, с детства приучал Михаила к спорту, и тот, достигнув определенных высот в плавании и борьбе, получив образование в одной из лучших экономических школ мира, к своим тридцати годам по праву занял место своего отца и взялся за это, как потом оказалось, нелегкое дело. Ему приходилось лично проверять каждое предприятие. Он уходил из дома рано утром и возвращался далеко за полночь. После таких тяжелых будней, даже алкоголь – на всех презентациях, банкетах, юбиле-

ях, не давал ему возможности расслабиться. Только экстрим – ощущение адреналина в крови, могло восстановить его силы. Не как раньше, а только изредка, он еще мог себе позволить прыгнуть с парашютом или проплыть по горной реке на маленькой одноместной лодке.

Но последней и главной его страстью была скорость. Тот сумасшедший драйв, рев моторов и свист резины на старте, которые разжигали у него внутри невероятный огонь и заставляли вновь и вновь проходить эти невероятные – 402,336 метра.

Заниматься дрэгрейсингом – участвовать в официальных заездах на короткие дистанции, не хватало времени. И он с друзьями придумал «свои» гонки. Они собирались пару раз в месяц на аэродроме, принадлежавшем его компании. Ничего специально оборудовать не пришлось – место было идеальное. Длина прямолинейного участка трассы была намного больше положенных метров. Бетонное покрытие было без каких-либо резких перепадов высот. Главное, зона торможения – достаточная, чтобы остановиться при самой максимальной скорости.

Гонщиков было пятеро, и все дружили с детства. Достигнув – каждый в своей области – неплохих результатов, они могли себе позволить иметь те машины, которые требовали уважения не только к своим хозяевам. Михаил предпочитал Баварский Моторный завод.

Иногда, кто-то из них приводил своих знакомых без предварительного согласования со всеми, этим они показывали, что доверяют друг другу. Шутя эти пятеро делали заявочные взносы – 10 000 условных единиц в американской или европейской валюте. А каждый пригла-

шенный со стороны мог участвовать на равных условиях со всеми. Победитель забирал все. Чаще всего – это был Михаил. Конструктора одного из закрытых НИИ, занимающиеся разработкой гиперзвукового двигателя для реактивных самолетов, которыми он руководил, так «зарядили» его, и без того последнюю модель БМВ, что все попытки соперников были безуспешными.

Знакомясь, Михаил сухо пожал Алексу руку, думая, что тот протезе Ника, и будет просить у него либо денег, либо работы. В последнее время к нему только за этим и обращались. Но даже, когда Ник объяснил ему суть их обращения, его реакция не изменилась.

– Что за машина? – Михаил задал вопрос, глядя на Алекса и всем видом показывая, что не очень доволен тем, что его отвлекают от разговора с женой.

«Машина – зверь», – хотел вставить Ник, но не успел.

– Нормальная машина, – опередил его Алекс.

– Нет проблем. Пусть приезжает завтра на наше место.

Этим он показывал, что вопрос закрыт и разговор окончен.

– Какой-то он... Мне показалось, что я ему не понравился.

Алекс всегда находил общий язык с кем угодно и когда угодно. Не было случая, чтобы после двух-трех фраз собеседник не проникался к нему интересом, а в конце разговора искренне не предлагал бы свою дружбу.

– Это нормально, – Ник, был весьма доволен происшедшим. Завтра ты им всем покажешь!

– Вау, – Никита стал изображать из себя автогонщика. – Я тоже с вами поеду погоняюсь, потру резину.

– На чем? – Алекс прекрасно знал, какого класса должны быть машины на таких мероприятиях. Он не раз участвовал в подобного рода гонках и, случайно кем-то брошенная фраза – «Жизнь начинается только после 402 –го метра», – была его любимой.

А тем временем, свободных столиков в ресторане не осталось. На улице начался дождь, и официанты были в растерянности, не зная, как разместить гостей с уличной террасы.

Как всегда – спас Иилия. Он вдруг появился с дюжиной больших зонтов и крикнул им.

– Что стоите, олухи Царя Небесного. Помогайте!

Алекс, стоя под небольшим козырьком над выходом в задний двор ресторана, набрал номер телефона Анны.

На том конце линии после длинных гудков сработал автоответчик.

Оставлять сообщение он не решился и позвонил туда, откуда были видны окна ее дома.

Трубку сняла Ольга.

– Как дела? Мы по тебе скучаем, – услышал он знакомый голос.

Рассказывая ему о детях, об Игоре, она все время чувствовала его немой вопрос.

– Она заходила к нам недавно. Не могу сказать, что у нее все хорошо, – Ольга сделала паузу, – А разве, ты не знаешь?.. Умер ее папа. Похороны завтра.

Для него это было полной неожиданностью. Бросить все, купить билет и прилететь к ней, как можно скорее – было его первой мыслью. Кто, как не он, должен сейчас находиться рядом с ней.

– Ты, не волнуйся. Я ей во всем помогу и буду рядом, пока ты не вернешься.

«Боже, дай ей силы», – это было единственное, что он мог сделать для нее, находясь здесь, за тысячи километров от своего счастья. Счастья, которое теперь было беззащитно.

Он сел в машину и, минуя город, выехал на скоростную трассу, ведущую к Финскому заливу. Он еще не решил, как ему поступить. Сердце звало к ней.

Чем отличается автогонщик от обычного человека сидящего за рулем, когда каждый из них разгоняет свой автомобиль до максимальной скорости. В тот момент, когда перед ними возникает опасность, им надо принять решение, от которого будет зависеть их жизнь.

Автогонщик хладнокровно нажмет на педаль газа и вытащит свою машину и себя из критической ситуации.

Простой водитель, увидев перед собой столб или внезапно откуда-то возникший задний бампер другого автомобиля – будет до упора жать на тормоз, и этим только ухудшит свое положение.

Так же и в жизни. Любое препятствие заставит нас остановиться. В некоторой степени – это правильно, но только для неопытного человека. Только потом, оставшись один на один с собой, неопытный человек поймет, как надо было поступить. Но он потратит на это уйму времени и, чаще всего, исправить уже ничего не сможет.

Иногда жизнь не дает нам шанса на раздумывания – как правильно поступить, и какие будут последствия. Она требует от нас ответа прямо сейчас. И не секундой позже.

Для Алекса, наступил тот момент, когда надо отбросить эмоции и хладнокровно принять решение. Остаться здесь, – ради их будущего или, не медля ни минуты, лететь к ней, зная, что вернуться обратно будет сложно. Ему было проще решиться на что-то одно во время движения. Сделать это на высокой скорости, которая была подвластна ему всегда.

Ведь то, что жизнь наконец-то подарила ему встречу с ней – единственной, было настолько стремительно, что права на ошибку не было ни тогда, ни сейчас.

И когда стрелка спидометра перевалила за отметку с цифрой 400 – все встало на свои места.

Он решил остаться и закончить то, что начал еще одиннадцать лет назад. Сбежав тогда от себя, он оставил пустоту на месте нерешенных дел, которые все эти годы не давали ему покоя и мешали осуществлять задуманное. Только теперь он понял, почему у него в жизни все получается не так, как он этого хочет.

Нельзя желать нового, если ты не завершил старого.

Нельзя оставлять незаконченным то, что начал, и при этом надеяться на лучшее.

Вернувшись обратно и, застав Ника за подсчетами прибыли от сегодняшнего дня, он попросил его достать бутылку водки, чтобы по русской традиции помянуть отца Анны.

«Царствие тебе Небесное», – произнес он.

Теперь только он один отвечал за Анну перед Тем, кому принадлежала ее душа.

– Как сказал один писатель: мы в ответе за тех, кто нас полюбил, – задумчиво произнес Ник, специально изменив знаменитую фразу.

– Если ты подарил ей свою любовь, не отнимай у нее этого чувства. . . Как ты это раньше делал, – он имел в виду, что Алекс, разбивший не одно женское сердце, находясь вдали от возлюбленной, не выдержит соблазнов большого города и через какое-то время начнет ее забывать. Он искренне хотел видеть друга счастливым, и как будто в воду глядел.

На следующий день, в дверях ресторана появилось их «юное миловидное создание».

– Не ждали, – улыбаясь Алексу, она присела к ним за стол.

– Вот, пришла посмотреть – чем занимаются бессовестные люди. Бросили меня.

– Что ты! Мы как раз о тебе и говорили, – соврал Ник, подмигивая Алексу.

– Никита, может, ты нас, все-таки познакомишь, – она поправила волосы и лукаво посмотрела на Алекса.

– Знакомьтесь – это Алекса. А это, – он вдруг удивился схожести их имен.

– Я знаю, вы – Алекс. Мне Никита про вас рассказывал, – она протянула Алексу руку и посмотрела прямо в глаза.

Она была совсем юной, но ее взгляд, взгляд взрослой женщины, говорил о чувственности не только ее тела, но и души.

– Ну и скажи, зачем он тебе нужен? – Алекс задал ей вопрос, имея в виду только что отошедшего от стола Ни-

киту. Ты ведь даже не влюблена в него, – он чувствовал пустоту в ее сердце.

– Не знаю. Он взрослый, мне с ним интересно. По-моему, я ему нужна больше, чем он мне. Впрочем, как и всем вам, мужчинам. А: любовь, секс. В чем разница? Ведь я не такая, как все думают. Я не буду этим заниматься с тем, кто мне не нравится. А если буду любить, то тем более, этого не избежать.

Он подумал, сколько ей надо пройти в жизни, чтобы разобраться в том, о чем она сейчас сказала.

– Скажи, ты счастлива? – он задал ей вопрос, какой когда-то ему задал Иилия.

– Я? – она посмотрела на него как на сумасшедшего. – Ага! Безумно!

Разговор по душам не получался.

– А что тебе нужно, чтобы ты была счастлива? И вообще, чем ты занимаешься?

– Я учусь на факультете журналистики, на втором курсе. А для счастья? – юное создание задумалась, и ее глаза, уставшие от взрослой жизни, заискрились, как когда-то в детстве, когда она мечтала, что выйдет замуж за принца и уедет с ним далеко-далеко. Далеко от своих родителей, которые вечно ссорились из-за нехватки денег, от нерешенных проблем, которые уже свалились на ее хрупкие плечи.

– Хочу уехать в какой-нибудь маленький городок и писать книги. Хочу родить ребенка и воспитывать его одна. Мужчины мне не нужны. Все что они могут взять, я знаю, а что дать взамен... Они эгоисты!

Она достала сигареты из сумочки.

– Еще две недели назад, мне казалось, что я любила... А можно мне мартини, – перебив саму себя, попросила она.

Алекс сделал знак официантке.

– Он – мой ровесник. Но ему кроме наркотиков ничего не нужно. Его вообще ничего не интересует... У него богатые родители – они все ему дают.

Принесли мартини.

– Сейчас все так живут – «скорость», «клубы», «экстази». А мне этого не надо. Я хочу всего в жизни добиться сама.

Удивительно, но она напоминала Алексу самого себя в юности.

– Так о чем будет твоя первая книга?

Она так обрадовалась, что он единственный из всех, с кем она общалась, воспринял ее всерьез, что готова была рассказать ему все.

– Сюжетов у меня много, – но, подумав и улыбнувшись, добавила, – А расскажите мне о себе.

– О, нет! Я думаю, это будет не очень интересно, к тому же, моя история еще не закончена и...

Подошел Никита.

– Нам пора, – он посмотрел на часы.

– А возьмите меня с собой, – с мольбой в голосе попросила девушка.

– В следующий раз. Я думаю, что и нам там не особенно будут рады, – у Никиты было не очень хорошее предчувствие, и он уже был не рад, что ввязал Алекса и себя в эту затею.

– Обещаю, – подтвердил Алекс.

– А она, симпатичная. К тому же, я с ней еще не спал, – сказал ему Никита, когда они выходили из ресторана.

– На что ты намекаешь?!

Когда они подъезжали к старому аэродрому, расположенному на окраине города, было около часу ночи.

– Что, совсем что ли, – Ник покрутил пальцем у виска, – я же пошутил. Просто вижу, что ты ей нравишься.

Алекс всю дорогу молча вел машину.

– А ты знаешь, я ведь, кроме Киры, никого не любил, – признался Никита.

– Ну, и зачем ты ей морочишь голову? Она, конечно, не ребенок, но и не такая, как все. Сам же мне цитировал Экзюпери.

– Хорошо-хорошо. Вернемся, и я ей все скажу. Будем просто друзьями.

Увидев спортивную машину, охранник поднял шлагбаум и пропустил их, не спрашивая цели визита. Минув его пост, они въехали на территорию аэродрома.

Первое, что бросилось ему в глаза – настоящий светофор для старта. У светофора было шесть положений и четыре цвета. Правда светофор не работал. Вместо красного, белого, желтого и зеленого – была девушка с двумя флажками, именно она и была стартмейкером, давая гонщикам отмашку. Не было только судейских постов и инфракрасных лучей, точно фиксирующих старт и финиш. А в остальном – все как положено.

Рядом стояли четыре красивых и дорогих автомобиля. На всех была аэрография, которую делают явно не от плохой жизни. Пятая машина была Михаила. Он, разогревая резину, чтобы она приобрела максимальное сцеп-

ление с трассой, выписывал круги на бетоне, оставляя на нем черные следы от дымящихся покрывок.

«Burn out»,* – про себя подумал Алекс, видя, как внешние слои резины перегревались и начинали сгорать, образуя облака дыма.

– Ну, кто еще?! – крикнул Михаил.

Увидев прибывших, он жестом пригласил их к старту.

– «Тапку» – в пол и погнали! – прокричал он.

– Ага, и биться сердце перестало, – вполголоса ответил Алекс, удивляясь его самоуверенности.

– Знаешь, давай-ка ты один. Что-то мне сегодня не здоровится, – Ник попытался выйти из машины.

– Сидеть, – приказал ему Алекс. – Потом будет, что сыну рассказать. – Пристегнись лучше.

Это было против правил.

Поравнявшись с Михаилом на старте, он увидел сумасшедший азарт в его глазах и веру в близость быстрой победы.

Высокая девушка в короткой кожаной мини-юбке, не менее красивая, чем та, с которой он видел его в ресторане, взмахнула руками и, присев, положила два желтых флага на бетон.

Первая секунда – 170, они шли вровень.

Вторая – 360, Михаил чуть вырвался вперед.

В этот момент, Алекс, ради интереса, нажал на красную кнопку.

То, что произошло потом, очень сильно изменило отношение Михаила к нему, что впоследствии повлияло на жизнь каждого.

* Обжиг.

Маленькая спортивная машина первой пересекла финишную линию и так же быстро остановилась. Алекс с Ником успели увидеть, как то же самое, но секундами позже – сделала БМВ.

– Что за движок? – выскочив из машины и не обращая на них внимания, Михаил пытался понять – как они это сделали.

– Нормальный движок. Меньше думай об этом.

– Давай еще раз. Но только без него, – Михаил указал на Ника, так же как и он ничего не понимающего.

Теперь вся группа переместилась к финишу, оставив на старте одного охранника – наблюдать, не было ли фальстарта.

Алекс решил больше не нажимать красную кнопку. Войдя в азарт, он решил больше не испытывать судьбу, помня слова Иилии – «Только в крайнем случае». Пусть на этот раз – все будет по-честному.

Они поменялись полосами. Михаил, пытаясь понять причину поражения, стоял на старте и нервно поднимал обороты своего двигателя. Убрав роскошную девушку, он приказал, чтобы включили светофор. Загорелись белые огни, показывающие готовность к старту. Затем, последовательно, один за другим – три желтых. И, наконец, после того, как загорелся последний из них, а вместе с ним и зеленый – каждый до отказа надавил на педаль.

Алекс все равно пришел первым.

Все заплестили.

– А теперь к нам, – Ник, чтобы разрядить обстановку, приглашал всю компанию в свой ресторан. – Я угощаю!

Михаил подошел к кому-то из своих друзей, и они стали о чем-то спорить.

– Но он не внес взнос!

– Он выиграл, отдай ему деньги, – это была последняя фраза Михаила.

Влад, так звали его приятеля, подошел к Алексу и протянул ему пачку купюр.

– Здесь 50 000. Без твоей доли. Надеюсь, – он оглянулся на садящегося в свою машину Михаила, – что в следующий раз ты проиграешь.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Через полчаса два соперника сидели друг напротив друга и пили пиво. Михаил, еще не успокоившись, неожиданно предложил:

– А слабо без машин?

– В смысле? – Алекс, сделал вид, что не понял.

Он понимал, Михаилу нужна была победа над ним в любом виде.

– Борьбой занимался? – Михаил посмотрел на Алекса в надежде, что тот не откажется.

– Без проблем. Поехали.

Алекс знал, что Михаил был мастером спорта по дзюдо, и что в этой схватке наверняка он ему проиграет. Но желание не уступить было сильнее.

У них было мало общего, но та громадная разница между тем, что имел Михаил и тем, что имел Алекс, почти не чувствовалась. Михаил никогда не кичился своим положением и тем, что у него действительно есть все.

Они оба, еще не понимая всего, совпали в главном – в своем отношении к жизни – честном, принципиальном и бескомпромиссном.

– Поехали на «твоей», – Михаил без приглашения сел в его машину и стал кому-то звонить.

В дверях Алекс столкнулся с Алексой, которая, специально его поджидала и хотела что-то сказать.

– Алекса, – в следующий раз, – мысли Алекса были совершенно о другом, и тем более, не о ней и не о том, что творилось в ее голове.

Оставшись одна, она стояла и смотрела вслед отъезжающей машине, и только неоновый свет букв освещал одиночество ее души. Она еще не знала, что судьба обратила на нее особое внимание и приготовила страшное испытание.

– А что это за кнопка? – в третьем часу ночи они подъезжали к небольшому спортивному центру, спрятавшемуся под зеленью старых вязов в центре города.

– Я уже говорил – меньше думай об этом.

– Ладно. Не хочешь – не говори. Но если выиграю – расскажешь.

Зайдя внутрь, Алекс сразу почувствовал знакомый запах спортивного зала. Переодевшись в кимоно, он осторожно ступил босой ногой на татами, как неопытный пловец пробует воду перед стартом. Этого чувства было не передать.

Как он скучал по нему. Алексу происходящее даже когда-то снилось. Занимаясь в детстве в этом самом зале, он помнил все и мечтал еще раз здесь оказаться.

Он никогда не занимал первых мест. Не хватало опыта и мастерства. Но не был и последним. Правда, его удивляло, когда его товарищи, постоянно занимающие первые места, выходили после соревнований и курили, хвастаясь друг перед другом своими наградами. Они были старше его всего на несколько лет, но казались очень взрослыми и важными. Именно в спортивной школе он попробовал вкус первой сигареты, а потом, на сборах – горький вкус пива и водки. Кумиры – были не те.

Но Алекс все равно старался, не пропускал ни одной тренировки. Он внимательно слушал своего тренера, когда тот учил, как можно победить более сильного противника. «Главное – захват», – говорил тренер и заставлял их, мальчишек, своими руками стирать кимоно после каждой тренировки, укрепляя пальцы и кисти рук. Все это Алекс помнил до сих пор.

В отличие от заезда, где он не стал греть резину перед стартом, сейчас, стоя на татами, он серьезно и старательно разминал свое тело.

– Что это вам в голову взбрело? – удивлялся тренер Михаила. Разбуженный ночным звонком, он приехал несколько минут назад и теперь внимательно рассматривал разминающегося Алекса.

– Я занимался когда-то у Александра Федоровича, – опередил Алекс его вопрос.

– А? У – Саша. То-то, я смотрю, лицо знакомое.

– А как у него дела? Тренирует еще?

– Убили его, сынок.

– Как убили?

– Долго рассказывать. Давай, не отвлекайся. Разминайся лучше. Еще поломаете себе что-нибудь.

Вот так, за годы его отсутствия произошло не только много хорошего, но и много плохого. Только потом он узнал, что и к этому событию приложил свою руку его бывший одноклассник.

– Готовы? – тренер смотрел на них, стоящих друг против друга.

– Рей. Хаджимэ.

Они, по правилам японской традиции, поклонились друг другу и начали схватку.

Михаил был шире в плечах, но чуть ниже Алекса. Он был в прекрасной спортивной форме, и Алексу никак не удавалось как следует захватить отворот его кимоно.

«Да, силой его не возьмешь. Посмотрим, что он скажет на это». Алекс, чуть нагибаясь под него, стал делать вид, что хочет схватить его за ногу, как бы выдавая свои нехитрые намерения. Когда ему это удалось, Михаил на мгновение ослабил бдительность, Алекс сделал захват его штанины и резко рванул ее наверх, отрывая соперника от татами. Михаил, еле удерживая равновесие, подтанцовывал на одной ноге. И Алексу осталось только завести свою ногу под него и сделать заднюю подножку.

– Юко, – оценил этот прием тренер.

Михаил вскочил и с силой рванул Алекса за рукав, увлекая его в сторону. При этом не забыл сделать ему подсечку под колено. Алекс упал. Но это его не расстроило, наоборот – это было частью его плана.

– Кока! – прокричал тренер, радуясь за своего ученика. Кока – это три очка. Юко – четыре, Вазари – полпобеды. А высшим очком был – Иппон.

Михаил, заработав первые очки и, успокоившись, пытался навязать сопернику свой жесткий, агрессивный стиль борьбы. Алекс, специально показывая ему свою ограниченность в приемах, опять пытался схватить его за ногу. Помня, что у него неплохо это получилось в первый раз, Михаил старался этого избежать и убирал подальше свою ногу. Когда же он убрал ее слишком далеко, оставив, тем самым, определенное пространство между борцами – произошло то, чего и добивался Алекс. Присев под соперника, держа своей левой рукой отворот рукава кимоно его правой руки, Алекс, развернувшись под ним и, как бы вставая – произвел бросок, называющийся броском через плечо.

Михаил, перевернувшись в воздухе, упал на обе лопатки, только успев сделать страховку.

– Иппон, – тренер был вынужден признать чистую победу.

Поднявшись и рассвирепев, Михаил тут же потащил Алекса в «партер», и каким-то образом, оторвав от татами, перевернул через себя – сделал «мельницу».

– Иппон!

Они еще некоторое время пытались применить друг на друге свое мастерство и технику, но уже ничего не получалось. Запыхавшись, они, изнеможенные, просто толкались и падали вместе.

– Маттэ! – прозвучала команда тренера. – Все! Ничья. Ребята, три часа ночи. Если себя не жалеете, то хоть

меня оставьте в покое. Мне, между прочим, вставать в семь и сегодня на работу. И мой вам совет, бросайте курить оба.

Убедившись, что друг друга стоят, они, наконец-то успокоились.

Уже на улице, стоя перед машиной, Михаил заговорил первым.

– Какая она все-таки красивая, – Алекс видел, что его бывший соперник просто влюбился в его автомобиль.

– Ладно, ничего не рассказывай. А будешь продавать, обещай, – только мне.

– Продавать не буду – это точно. А вот подарить – легко. Но, не сейчас.

– Ну, это нормально. К тому же у нас через неделю большой заезд. Приезжай. Вот тогда, я тебя точно сделаю.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Прощаясь, они пожали друг другу руки, теперь уже по-настоящему, по-мужски.

Михаила уже ждал водитель на другой машине.

– И биться сердце перестало! – прокричал Михаил напоследок, захлопывая дверцу.

Оставшись один, Алекс подумал, что как бы по-разному не складывались их судьбы, ему всегда не хватало такого друга, как Михаил.

Сев в машину, он достал из кармана пиджака выигранные деньги и положил их на сиденье рядом с собой. Теперь он уже мог позволить себе многое. Снять приличную квартиру. Привезти сюда Анну.

Но, все-таки какое-то нехорошее предчувствие у него было. Все, что доставалось ему легко, так же легко и ухо-

дило, принося потом одни лишь неприятности. Чтобы заработать такие деньги ему, даже там, в более благополучной стране, пришлось бы работать каждый день и не меньше года.

Он уже давно стал бояться своих быстрых удач, зная, что потом придется потерять больше, чем он имел до этого. Единственное, что его успокаивало – это то, что эти деньги пришли от людей, у которых они были явно не последними и, в принципе, они не очень расстроились, потеряв их.

Подъезжая к ресторану, он увидел машину скорой помощи перед входом и несколько людей в белых халатах, выносивших на носилках чье-то тело.

– Что случилось? – спросил он у стоящего рядом Никиты, белого, как халаты врачей и нервно курящего.

– Мы нашли ее в туалете, – он прикуривал следующую сигарету. – Она еще жива, но дело плохо. Передоз.

«Значит, тело на носилках – Алекса».

– Как только ты уехал, возле нее крутился Влад. Я думаю, это он дал ей «это». Увижу, убью!

Алекс подошел к Алексе. Если бы он не уехал час назад, если бы он просто поговорил с ней, ведь он видел, как ей это было нужно, то не лежала бы она сейчас без сознания, не мучила бы Алекса сейчас совесть.

Он взял ее за руку и мысленно молился за неё, обещая Господу, что отдаст все на свете, лишь бы она осталась жива.

«Нет сильнее той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»,

Иилия со стороны наблюдал за ними.

Она разжала руку, и он увидел маленький золотой крестик, который она сорвала с себя в последнюю минуту, не найдя ответа на один единственный вопрос, который знал только Он, Господь Бог.

– Я поеду с ней, – сказал Иилия, садясь в машину вместе с врачами.

Он достал какой то странный маленький телефон белого цвета и набрал чей-то номер.

– Это я! Нужна ваша помощь. Ситуация экстренная. Спасибо!

– Всё! Поехали-поехали!!! Нас уже ждут!

Оставшись вдвоем с Никитой, Алекс посмотрел на часы. Ему было необходимо только услышать голос Анны и убедиться, что с ней все в порядке. Посчитав в уме разницу во времени, Алекс понял, что сейчас у Анны утро, и набрал номер ее телефона.

* * *

Проснувшись за несколько секунд до его звонка, она почувствовала, что позвонить должен именно он. Но подойти к телефону не было сил. Она лежала и тихо плакала.

Что она ему скажет? Что ей безумно его не хватает. Что она любит его и скучает. Или то – что спит со своим мужем. Что это ей неприятно. Что она виновата перед всеми. Что умер ее папа. Может, тоже по ее вине.

Что внезапная болезнь мужа произошла тогда, когда она встретила его. Что, – она никогда Алексу об этом не говорила – полюбила его еще тогда, увидев в первый раз. Смешного. Замерзшего.

Не говорила – что любила его всегда. И только, когда увидела, вспомнила об этом. Не говорила, что, наконец, дождалась.

Ей не было стыдно за свою любовь.

Ее сердце всегда принадлежало только ему.

Вот только душа мучалась и тогда, и сейчас.

Ложась в постель к мужу – она ненавидела его. Ненавидела, когда он, Инвар, наслаждался ее телом. Ненавидела его лицо, его губы. Его руки, ласкающие ее. Ей казалось, что с каждым его прикосновением, с каждой секундой – умирает частичка не только ее тела, но и ее души.

И в то же время она не понимала, почему она сейчас позволяет ему это делать. Ей хотелось оттолкнуть его, ударить, даже убить. И все рассказать. Но не было сил.

Почему Алекс уехал? Почему оставил ее? Почему он бросил ее?! Будущее! Деньги! Благополучие! Все это было не важно сейчас.

Важно было то, что любимого не было рядом.

Она лежала и тихо плакала. Она умирала.

Проснувшись от звонка, ее муж – Инвар, лежащий рядом, потянулся и, решив, что звонят ему, снял трубку.

– Алло, – услышав гудки, он посмотрел на часы и, решив, что действительно пора вставать, он, выспавшийся и с хорошим настроением, побрел принимать душ.

У него все было хорошо. Супруга была рядом и уже не была такой счастливой, как несколько месяцев назад. Это его радовало. Но с каждым днем ей становилось все хуже и хуже. Он давал ей те же лекарства, что и раньше,

он заботился о ней, по крайней мере, так ему казалось. А в свободное время все так же встречался с Мари.

Все стало, как прежде. Даже лучше. Ведь он победил – выиграл незримую схватку с любовью, ему не принадлежавшей. И был счастлив от этого.

Но вот, в последнее время его стало беспокоить собственное здоровье.

В очередной раз, грубо насладившись Анной, он почувствовал, как что-то больно кольнуло в сердце. Утром, не проходящая ноющая боль заставила его обратиться к своему коллеге за помощью.

«Ерунда. Наверно, возраст», – думал Инвар.

Он прошел небольшой курс лечения, но боль в сердце не утихала. Более того, она с каждым днем становилась все нестерпимей.

– Ничего не понимаю, – говорил коллега, изучающий его кардиограмму. Вроде все в порядке. Хотя, постой, – лицо врача изменилось от увиденного. – Первый раз с таким сталкиваюсь, – пробормотал он – лучший специалист в этой области медицины. – Чертовщина какая-то...

Через пару дней Инвару, второй раз в жизни, снился один и тот же сон. Вернее, этот – был продолжением первого.

Он упал и лежал на спине. Маленькие, острые, холодные камни впивались в его тело. То, что было под ним, нельзя было назвать землей. Что-то ледящее и колющее его тело, а потом и ступни, когда он встал.

Было темно и очень холодно. Это напоминало ему пещеру, в которой родились далекие-далекие предки.

И еще он чувствовал, что был абсолютно голый. Страх, который был повсюду, сковывал его движения и мысли. Свое тело он уже не ощущал.

Запах сырости и зловония – наполнял все пространство. Легче было не дышать. Ему казалось, что он здесь уже целую вечность.

Понимая, что это все – конец, он из последних сил закричал: «За что!?!»

Но не услышал своего крика. Крик был больше похож на сильный шепот.

Маленькая, белая, яркая микроскопическая точка, появившись где-то вдали, приближалась, увеличиваясь в размерах и, наконец, застыла перед ним.

«Проси прощения!» – ниоткуда раздался громовой голос.

Ему показалось, что этот голос был похож на голос отца Анны. Но это уже было неважно. Услышав его, он побежал на свет. И снова почувствовал, как сотни маленьких острых камней при каждом его шаге впиваются в ноги.

Ему было больно, но он бежал и кричал, «Господи, прости меня. Прости!»

Он бежал, падал, поднимался и снова бежал. «Прости меня, Господи. Прости!..» Он увидел, что весь в крови. Но сейчас ему не было больно. Это была не его кровь, а тех, кого он обидел за всю свою жизнь.

«Проси прощения у них!» – он опять услышал тот же голос.

Он остановился и, вспомнив самое важное в своей жизни, закричал изо всех сил: «Анна! Ты слышишь меня. Прости!».

Яркая вспышка белого света заполнила все пространство... Инвар проснулся.

Какой-то человек в белом халате, склонившись над ним, направлял на него маленький медицинский фонарик, проверяя зрачки. Рядом стояла Анна.

– Господи, – произнес Инвар, хотя никогда не был верующим человеком. – Это всего лишь сон, – и тут же снова почувствовал острую боль в сердце.

– В принципе, я не вижу оснований для его госпитализации, – доктор скорой помощи, которого вызвала Анна, делал какие-то записи в своем журнале.

– Сейчас ему нужен только покой. Я сделаю ему укол, и он скоро уснет. Его полное имя, пожалуйста.

Мысль о том, что он снова окажется там, в кошмаре сна, была для Инвара невыносимой.

– Не надо никаких уколов. Я сам врач и лучше знаю, что мне нужно.

Он смотрел на Анну и уже мысленно просил ее о прощении, готовый раскрыть ей свой обман.

– Но ты так кричал во сне, – она оправдывалась перед ним, – ты просил о помощи. И я подумала, что ты... – она замолчала, не решаясь произнести это слово. – Прости.

– Это ты прости меня, – он закрыл дверь за уходящим врачом. – Это ты умираешь.

– Я знаю, – в ее глазах были пустота и нежелание жить. – Наверно, так суждено...

– Нет! Нельзя! Я не позволю тебе...

Он собирался с мыслями, не зная с чего начать.

Через полчаса она держала в руке телефонную трубку и ждала ответа оператора.

– Еще раз, на какой рейс вам нужен билет?

– Россия, Санкт-Петербург, в одну сторону, на сегодня, – ответила она и потеряла сознание.

* * *

– Слава Богу, с ней все в порядке, – Никита закончил разговор с Илиией по телефону.

– Жить будет. Ух, ну и напугала же она нас! Я сейчас поеду к ней. А потом, когда поправится, отведу их с Антоном в зоопарк и в кино. Слушай, она мне такие вопросы задавала, – Никита радовался как ребенок, услышав от Илиии хорошие новости, – Почему корабль не тонет? Или, кто написал Библию?

– Ну, и что ты ей ответил, – Алекс опять смотрел на доставшиеся ему не так давно и так легко деньги. Именно в них он увидел причину происходивших с ним, а теперь и с Алексой, неприятных событий. Он, по-прежнему, не мог связаться не только с Анной, но и с Ольгой и Игорем.

– Хотел у тебя спросить. Но...

Никита слишком давно знал Алекса, чтобы без труда догадаться, о чем тот сейчас думает.

– Даже не думай! – Ник был категорически против, чтобы Алекс возвратил деньги Михаилу.

– Во-первых, он даже разговаривать с тобой не станет, – Ник еще не был в курсе последних событий, произошедших в спортзале. – А во-вторых...

Зазвонил его телефон.

– Да. Рядом. Сейчас.

– Это тебя. Михаил, – передавая трубку, друг с удивлением посмотрел на Алекса.

– Привет.

Они общались как старые добрые знакомые.

– Кстати, по поводу заезда. Помнишь, я говорил, что он будет через неделю. Так вот, я хотел тебя предупредить – этот заезд будет чисто коммерческим, и думаю, его условия тебе вряд ли понравятся. Понимаешь, это – не моя идея, но мы, (он имел в виду своих друзей) уже давно это планировали. И в большей степени это важно для Влада, помнишь, ты его уже видел.

Алекс вспомнил человека, который спорил с Михаилом по поводу денег, и про него же упоминал Никита.

– Ну и в чем смысл?

– А смысл заключается в том, что взнос будет равен 100 000, и участвовать будет десять человек. И победитель..., – он сделал паузу, – Ну, ты сам понимаешь.

Алекс даже присвистнул.

– Да, в интересные игры вы играете, мужчины, – Алекс понимал, что ему это не по карману, да и нужно ли вообще.

– Я еще раз повторяю, что это – не моя идея. Но отказаться сам - уже не могу. Но если тебе это интересно, – он опять сделал паузу.

– То что? – Алекс понял, куда клонит Михаил, и тут же ответил сам на свой вопрос – Ты внесешь за меня вступительный взнос, а когда я выиграю, то отдам тебе свою машину.

– Нет. Ты мне ее подаришь. Помнишь обещание?

Алекс рассмеялся.

– Помню.

– Ну, что он тебе говорил, – не унимался Ник, когда они заходили в дорогой магазин мужской одежды.

– Сказал, что жена его беременна. И у него будет сын.

– Вот это да! – Ник искренне обрадовался. – Обязательно расскажу об этом Иилии. Думаю, без его конфеточек тут не обошлось.

– Кстати, одолжи мне 100 000, – как бы невзначай сказал Алекс, примеряя костюм перед зеркалом.

– Нет, ты не понимаешь, – Ник опять был против. – Во-первых, таких денег у меня нет. А, во-вторых, – он посмотрел на свой телефон в надежде, что тот опять прервет его на полуслове.

– Так что, во-вторых?

– А то, что этот заезд устраивает Влад. Убью гада! Хотя, – он задумался, – кажется, я понимаю, откуда ветер дует, и дело даже не во Владе...

Алекс вопросительно посмотрел на старого приятеля.

– Влад работает на... Сам знаешь, на кого, имени его произносить даже не буду. Сволочь он последняя, – Ник никогда не умел ругаться, и это всегда забавляло Алекса.

– Да? А это даже очень интересно, – Алекс к уже купленному костюму подбирал рубашку и галстук.

Именно так он хотел выглядеть, когда снова увидит Анну. Он понимал, что скоро это произойдет, и уже тогда никто и ничто их не разлучит.

Новое напоминание о Кныше, не заставило себя долго ждать.

Через час они обедали в «Nota Bene», и почти заканчивали, когда открылась входная дверь, и в зал вошли четверо крепких молодых мужчин в темных костюмах. Двое из них встали у входа, а двое других, профессионально окинув взглядом помещение и посетителей, что-то передали по рации. Затем подошли к их столику и встали по бокам. Алекс оценил их профессионализм и то, что они отлично знали его в лицо.

Через несколько секунд в зал ресторана вошел человек в сером костюме, в сопровождении еще двух охранников.

Он подошел к ним, улыбаясь, и бесцеремонно сел на свободный стул.

– Какие люди! И без охраны, – этим он показал свое превосходство над ними.

– Ну, все! Началось, – Ник демонстративно, со звоном бросил приборы на тарелку.

– Только не надо нервничать, – спокойно, но со скрытой угрозой произнес Кныш.

Ник уже давно не интересовал его, как соперник, и он перевел свой взгляд на Алекса.

– Здравствуй, Алекс.

Алекс, продолжал доедать, делая вид, что не замечает Кныша. Он так и не мог вспомнить, как же того все-таки зовут.

– Чего тебе надо? По-моему, мы обо всем договорились.
– Ник решил выступить в роли защитника.

– С тобой, да. А вот с твоим другом мне хотелось бы поговорить наедине.

– Сиди, – сказал Алекс, посмотрев на Ника.

Теперь, спокойно доев, Алекс пристально смотрел на Кныша.

Тот изменился. Вместо щупленького, с хитрым лисьим личиком паренька перед ним сидел холеный, с надменным выражением лица, с многочисленной охраной – представитель тех людей, которых называют «сильные мира сего».

– Слышал, ты делаешь успехи, – Кныш намекал на выигранный Алексом заезд.

– Да, и мне это нравится.

– Без проблем! Но ты забыл об этом спросить меня. Я хочу тебе напомнить, если ты об этом еще не знаешь. Все в этом городе принадлежит мне. И ты, в том числе, – он сделал паузу, – если ты решил остаться.

Ему очень хотелось подчинить себе Алекса. Первый раз в своей жизни.

Его правое веко над глазом нервно задергалось. Небольшой шрам над ним, полученный еще тогда, одиннадцать лет назад, от удара Алекса, напоминал ему все эти годы о прошлой обиде, каждый раз, когда он смотрелся в зеркало.

– Знаешь, я сам буду решать, что мне делать, когда и с кем.

– Понял! Значит, не договорились, – Кныш приподнялся, чтобы встать и уйти.

Но Алекс схватил его за галстук и рывком, затягивая на нем узел, посадил на место.

– Нет, это ты не понял!

Охранники, стоявшие рядом, распахнули свои пиджаки, демонстрируя черную вороненую сталь коротких автоматов.

– Не надо, – прохрипел Кныш, одной рукой схватившись за горло, ослабляя затянувшийся узел галстука. Другой он махнул им, показывая, что не сейчас, – много свидетелей.

– Так вот, – Алекс продолжал держать его за галстук, притянув ближе к себе, – я как бил тебя, так и буду бить всегда.

– Пусти, – краснея от удушья, прохрипел Кныш.

– Пожалуйста! Да, а в этом заезде я буду участвовать обязательно. Надеюсь, мне никто не помешает!

Последние слова Алекс произнес намеренно громко.

– А кто мешает, – Кныш делал вид, что улыбается, внутри весь кипел от ненависти. – Желаю удачи, – выходя из ресторана, он уже знал, как отомстить.

– Ты что наделал! – Ник, обалдев от увиденного, растерянно смотрел на Алекса. – Всё, теперь он тебя точно убьет!

– Попытается. Но не сейчас. А пока, до заезда у нас еще есть время. Да, не переживай ты, – он хлопнул Ника по плечу, – я уже придумал, как нам всем от него избавиться.

Алекс подъехал к дому, в котором когда-то жил.

Сидя в машине и, не решаясь выйти, он смотрел на окна своей квартиры.

В жизни есть такие вещи, которые почему-то не хочется вспоминать. Желание зайти туда и окунуться в воспоминания детства отпало само собой, когда из подъезда вышла семья, напоминающая ту, в которой он жил до семнадцати лет.

Мама, папа и двое детей – девочка и мальчик, примерно семи и двенадцати лет. В руках у каждого были небольшие полиэтиленовые пакеты, а у главы семейства пакет был больше всех и из него торчал березовый веник. Куда они направлялись, Алекс без труда догадался. Коммунальная квартира, в которой он жил тогда, тоже была без ванны и с одним туалетом на несколько семей. И раз в неделю он, с младшей сестрой и родителями ходил в общественную баню, находящуюся на соседней улице.

...Когда ему было семь – родилась его сестра. Сейчас она была замужем, и сама воспитывала своих детей. Они поздравляли друг друга с праздниками и, наверное, общались бы чаще, если бы он тогда не уехал.

Отчим, который его воспитывал, был, по-своему, неплохим человеком и одно время они даже подружились.

Но когда Алексу исполнилось тринадцать, человек, которого он называл папой, решил всерьез заняться его воспитанием. В принципе это было нормально, – поведение пасынка давало для этого основание. Но...

Ошибка отчима заключалась в том, что он забыл, что не был Алексу родным отцом и не имел права, по юношеским понятиям Алекса, бить не только его, но и мать, которая иногда попадала под пьяную руку.

В очередной раз, Алекс был наказан. Пытаясь доказать свою правоту, Алекс очень разозлил отчима, еще трезвого и собирающегося с мамой уходить в кино.

– Ты живешь за мой счет, даже все, что на тебе сейчас надето – куплено за мои деньги.

Попрекнуть «хлебом» – было второй ошибкой.

– Мне от тебя ничего не надо, – маленький Алекс снял с себя одежду и бросил к его ногам.

– А трусы!

Стоя перед отчимом совершенно голым, мальчик получил пару ударов кожаным армейским ремнем.

Третьей ошибкой – было оставить Алекса одного на пару часов, хотя и закрыв комнату на ключ.

Вернувшись, отчим долго не мог понять, как удалось тринадцатилетнему мальчишке открыть дверь, а потом исчезнуть на несколько дней.

Розыски, даже с милицией, ничего не дали.

Кто же мог подумать, что Алекс все это время жил на чердаке их собственного дома.

Первую ночь он провел у своего друга по спортивной школе, к которому пришел без объяснений, с просьбой переночевать. Грузинская семья, по своей вековой традиции, накормила его и уложила спать. Мама Лоши, – так звали его друга, – конечно, беспокоилась, что его родители будут его искать, и взяла с него обещание – утром сразу вернуться домой.

Алекс свое обещание выполнил. В свой дом он вернулся.

Только два последующих дня он провел этажом выше, учитывая то, что жили они на последнем этаже.

Единственное, что тогда спасло его от одиночества, это книги Ремарка: «Три товарища» и «Жизнь взаимь», оставленные кем-то, и как будто специально для него. Лежа ночью на старом выдавшем виды матрасе, он представлял себя на месте главного героя, даже не думая, что этим может повлиять на свое будущее.

Сейчас он уже не помнил, как вернулся в квартиру, и что говорил родителям. Да и не было сейчас обид ни на отчима, ни на маму, позволившую все это.

Отчим с каждым годом стал пить все больше и больше и, через пару лет мама, не выдержав больше унижений, с ним развелась.

– Мам, а мне можно будет купить новую куртку, – спросил он однажды, когда она провожала его в школу. Ему нравилась девочка, и пойти к ней на свидание в старшей – он стеснялся.

– Нет, Лешенька. Боюсь, что в этом году ничего не получится, – понимая его желание, мать опустила глаза. Она работала на нескольких работах, но ей никак не удавалось сводить концы с концами.

– Да, ничего, мам, ты только не волнуйся. Да и не нужна мне эта куртка, – стал он успокаивать ее.

Этот момент Алекс хорошо запомнил, понимая, что ему больше не на кого рассчитывать в этой жизни, кроме самого себя.

А жизнь постепенно сама расставила все по местам. Красота, которой наградила его маму природа, дала ей шанс через пару лет снова выйти замуж, но на этот раз более удачно. Счастлива она сейчас или нет?

Но то, что здорова и ни в чем не нуждается – знал, и с ее слов, и со слов сестры.

Два альбома со старинными марками, подаренными ему старенькой соседкой, именно тогда, он спрятал в кирпичной стенке, на чердаке, сделав небольшой тайник.

Не старые воспоминания, а именно марки – самое ценное из его детства, привели его сейчас сюда.

Замок на двери чердака – первое препятствие на пути к цели, Алекс открыл легко. Но тут же возникло второе препятствие.

Группа людей в грязных одеждах, пахнувших так, что чувствовалось метров за десять, была явно недовольна его внезапным появлением.

– Привет, бомжи! – он первым разрядил обстановку, понимая, что помимо того входа, через который прошел он, есть и другой.

– Что пьете?

– На что хватило, то и пьем.

Алекс не знал, как ему поступить, чтобы от них избавиться. Без всякого желания пить, тем более, в такой компании и при таком запахе, он произнес фразу, о которой жалел потом несколько дней.

– Ну, наливайте, что ли.

Выпито было все – что горело и могло гореть. Он, уже не раз, дававший им деньги на приличную водку и закуску, слушавший по второму разу печальную историю жизни каждого, убеждался, что привычка – это великая сила. Вместо водки они приносили какую-то спиртосодержащую жидкость, называя ее самой лучшей из того, что они пробовали в своей жизни. И его мечта – попробовать горький вкус «русской водки» исполнилась.

Наконец, когда ему показалось, что все уснули, он, шатаясь и напрягая память, все-таки нашел то место, где были спрятаны его «сокровища». Впоследствии, он пред-

ставлял – как велико было бы их изумление, если бы они узнали, что в нескольких метрах от них, много лет находилось то, что могло бы обеспечить их безбедное существование в течение многих лет.

– О, батенька, да вы напились в стельку, – были первые слова Ника, которому он позвонил, держа в руках заветную жестяную коробку. – Так, значит, наша компания вам не подходит?

Приехавший за Алексом, Ник смотрел на друга с умилением. – И вы, ваше величество, решили пойти в народ.

– Да!

Алекс, мертвецки пьяный, еще пытался другу что-то объяснить.

– Да, я пил с... народом. С русским обиженным народом. И они – все – мои друзья. Завтра мы приедем и заберем их отсюда. И они будут жить с нами.

– Конечно, заберем, – Ник пытался уложить Алекса на заднее сиденье своего автомобиля.

– Никита, я тебя люблю!

– О, спасибо.

– Нет, ты не понял. Я люблю тебя не так, как Анну... Алекс уже отключался.

– Короче... ты настоящий друг.

На следующее утро, с жуткой головной болью, Алекс разглядывал содержимое тайника.

– Боже, что же мы такое пили? - он спасался рассолом из трехлитровой банки с огурцами.

Деньги, которые у него были с собой – улетучились. Ведь он, как всегда, всех угощал. Сотовый телефон молчал, его вообще не было рядом.

Алекс готов был смеяться над собой, но дикая головная боль не давала ни на чем сосредоточиться. Как будто маленький человечек молоточком с тупым резиновым наконечником бил по голове со словами: «Будешь пить! Будешь пить!»

– Все! Пить больше не буду, – Алекс делал жадные глотки из банки.

– Ну и запах от тебя, – Ник поморщился, подойдя к нему ближе. – Ты хоть помнишь, что вчера было.

– С трудом.

– Хорошо, попробую тебе напомнить, – и он сходу придумал про друга анекдот: «Бомжи – подумал Алекс. Алекс – подумали бомжи».

– Ладно, не издевайся. Я – в душ.

– Ничего себе, – Ник стал разглядывать альбомы с марками.

– Где это ты взял? Надеюсь, не у этих бедолаг.

– Долго рассказывать.

Кроме марок, в коробке был маленький оловянный солдатик и модель спортивного автомобиля, очень похожего на тот, что стоял сейчас перед их домом.

Это были игрушки, которыми он играл в детстве. Он поставил их перед собой на стол и долго разглядывал. В них был знак того, что он находится на верном пути.

– Можешь узнать, сколько стоят эти марки? – не задумываясь, спросил он Ника, который, по-прежнему, увлеченно разглядывал альбомы.

* * *

– Не надо меня провожать, – такси, которое должно было отвезти Анну в аэропорт, уже подъехало к их дому.

– Да, конечно, – помогая водителю укладывать вещи в багажник, Инвар хотел задать ей только один последний вопрос.

– Ты простила меня?

Анна посмотрела на него в последний раз и, ничего не сказав, закрыла дверь машины, оставив вопрос открытым.

– Подождите, – сказала она водителю такси, уже тронувшегося с места.

– Я чувствую, что у меня осталось очень мало времени, – приоткрыв окно, произнесла она. – Я не держу зла на тебя. Ненавидеть – значит страдать, а у меня на это нет ни желания, ни сил. До свидания. Хотя, нет. Прощай.

Через несколько часов белокрылый лайнер уносил ее в страну, где ей было суждено обрести свое счастье.

* * *

Стоя перед зеркалом в огромной ванной комнате, в своем загородном особняке, Кныш размышлял, глядя на свой шрам, пересекающий правую бровь. Убрать шрам, сделав пластику, было не сложно. Гораздо сложнее было навсегда убрать из своей памяти человека, оставившего след на его лице.

Это было смыслом его жизни в последние годы. Но после смерти Алекса, в чем он ни секунды не сомневался, он оставит этот шрам, – уже как главный трофей в

череду своих страшных дел, с которыми он шел по жизни. Но убить Алекса он решил красиво, как никого до этого не убивал. Обычно людям, которые вставали на его пути, он наносил смертельные удары сзади. Теперь он сделает не так.

Но это было еще не все. Он был так уверен в своем плане, что решил на этом еще и обогатиться.

Он организовал при помощи Влада подпольный тотализатор, поставив на Михаила, как на самого лучшего пилота, большую часть своих денег.

В свое время, чтобы подобраться к Михаилу, а через него – к его отцу, и к их бизнесу, он путем махинаций и подставных лиц обанкротил фирму Влада, а потом, выступив в роли благодетеля, вытаскил его. Теперь Влад был готов для него на все.

А план был предельно прост. Накануне заезда он заложит в машину Алекса столько взрывчатки, что хватит на всех, кто будет находиться в радиусе километра. Таким образом, он избавится и от несговорчивого Михаила, и от уже ненужного Влада, от Никиты, которого он терпел, только ради Киры, и, самое главное, – от Алекса, которого ненавидел и боялся всю жизнь.

Но для того, чтобы получить вдвойне вложенные в заезд деньги, нужно было, чтобы Михаил успел пересечь первым финишную черту. А значит, – правильно и точно заложить заряд. Для этого нужен был специалист высочайшего мастерства. Кныш посматривал на часы, ожидая нужного человека с минуты на минуту.

Охрана доложила, что к дому подъехал белый фургон.

– Пропустите.

И через минуту в дверях его роскошного особняка появился человек очень похожий на Илию.

– Ну, и кому душу пропиваете, – Илилия, увидев на их столике уже почти выпитую бутылку водки, присел рядом.

За час до этого, внезапно приехавший Михаил, сообщил, что заезд переносится и состоится завтра. Рассказал он и про тотализатор, в котором ему предложили участвовать.

«Да, не терпится ему со мной рассчитаться», – подумал Алекс о Кныше.

– Я думаю, что нам это стоит обсудить, – сказал Михаил, давая понять, что он на стороне Алекса. – А Влад, – он сделал паузу. – Мы догадывались, что он спекулирует нашей дружбой, но..., – он не успел договорить, как вошел Илилия.

Увидев его, они в один голос заявили.

– Вот – тренируемся. А ты, где пропадал все это время?

Глядя на них с улыбкой, Илилия не мог найти подходящего слова, чтобы объяснить свое отсутствие.

– Не знаю, как это правильно назвать... Халтурил*, – наконец произнес он и остался доволен своей находчивостью.

* ХАЛТУРА, халтуры, ж. (от греч. chalkos – медная монета), только ед. побочный и преимущ. легкий заработок сверх основного, обычного; первонач. у певчих, у церковного причта (устар.), а также: устар. поминки по умершему. Даровая еда, питье на поминках. Денежное вознаграждение за заказную поминальную службу.

– И много заплатили? – поинтересовался Михаил.

– Ну, немало.

– Как потратишь?

– Да, еще не придумал.

– Может, поменяешь свой фургончик на что-нибудь более приличное, – вставил Никита. Ему давно не нравилось, что старенький обшарпанный фургон был постоянно припаркован к центральному входу в его ресторан.

– Ну, раз ты так хочешь, – Иилия лукаво посмотрел на Ника.

– А что будешь брать? – вмешался Алекс

– Да они все хорошие, удобные...

– Лучше автомобиля может быть только самолет, – заметил Михаил, в этом он хорошо разбирался.

– А что, это идея, – размечтался Иилия и посмотрел вверх. – И к Нему поближе.

Представив его за штурвалом самолета, все заулыбались.

Заметив их насмешливые взгляды, Иилия стал серьезен, и, как будто, что-то вспомнив, засобирился.

– Ну, ладушки. Спасибо за угощение, – сказал он, не притронувшись к закускам. – Особенно были вкусными хлеб и консервы, – добавил он, шутя, – Пойду-ка я, повоюю с твоей машиной, Алексей. Если не возражаешь, конечно. Завтра, насколько я знаю, у вас у всех трудный денечек будет.

– Без проблем, – Алекс передал ему ключи.

Они втроем смотрели, как он, подбрасывая их в руке и напевая опять какую-то знакомую мелодию, удалялся, найдя себе привычное для него занятие – помогать другим.

– Очень знакомое лицо, – Михаил напрягал память, стараясь вспомнить, где он мог раньше видеть Иилию.

– Да, – задумчиво произнес Никита. – А ведь он всем нам здорово помогает. Давайте выпьем за его здоровье!

И они дружно чокнулись бокалами.

В этот момент, на улице прогремели раскаты грома, предвещающие августовскую грозу.

– Жарковато что-то, – Никита расстегнул рубашку, и все обратили внимание на его золотой крест с Распятием.

– Что опять? – он не понимал, почему они как-то странно смотрят на него, вернее, на его крест.

– Не может быть! – Алекс и Михаил переглянулись, обнаружив сходство Иилии с Тем, кто был на Распятии.

Они оба были крещенными, и под их рубашками были такие же крестики.

– Я не думаю, что ты подумал о том же, что и я, – Алекс смотрел на Михаила, в надежде, что тот опровергнет его сомнения.

Теперь уже и Ник понял, о чем они говорят:

– Сходство, конечно, есть. Но этого не может быть. Не думаю, чтобы Он Сам снизошел до нас грешных. Я в чудеса не верю.

Наступила пауза.

– А хотя... Это было бы здорово.

Произнеся это, он замолчал.

Его противоречивые слова можно было понять так – в жизни никакого чуда не надо, а нужно только верить в Него, и тогда всегда будешь под Его защитой.

– Так, все парни. По-моему, на сегодня хватит. Завтра у всех нас, действительно, трудный день, – сказал Алекс.

«Конечно, – думал он, – это невозможно. Но если, просто верить в то, что Сам Господь Бог помогает нам сейчас, то лучшего помощника в борьбе со Злом, которое воплощает в себе Кныш, не найти».

Но сейчас самым большим желанием Алекса было – услышать голос Анны.

Попрощавшись с Михаилом, он подошел к стойке бара и снял трубку телефона.

В этот момент, на другой стороне земного шара, она отъезжала от своего дома, а ее муж, Инвар, долго смотрел ей вслед, так и не понимая – простила она его или нет.

В очередной раз, не дождавшись ответа, Алекс прикурил сигарету и вышел на крыльцо заднего входа в ресторан.

Гроза так и не началась.

– Не думаю, что портить свое здоровье – сейчас самое главное для тебя, – заметил Иилия, увидев его с сигаретой. Он заливал из канистры какую-то жидкость в его машину.

«Нитрометан или метанол? – подумал Алекс и, затушив сигарету, подошел к машине.

– Вода? – удивился он, пробуя жидкость на вкус и не чувствуя запаха.

– Чистейшая!

В очередной раз убедившись, что не понимает действий Иилии, он все-таки решил спросить о том, что мно-

гие годы не давало ему покоя. Наверно, о том же хотела узнать и Алекса, сорвавшая с себя крестик.

– Скажи, почему Бог, в которого мы верим, не всегда бывает с нами справедлив? Почему он оставляет нас, когда мы так нуждаемся в Нем? Почему болеют и умирают те, кого мы любим? Где Его Великое Присутствие во всем, где Его Справедливость? Объясни, как мы должны любить Его, чтобы Он помог им? Ведь любовь, которую Он нам дал – одна. Объясни, что мы не так делаем!

Он хотел получить ответы на свои вопросы прямо сейчас.

– Ты знаешь, даже я не смогу тебе объяснить – как важно это чувство, которое ты называешь любовью. Нельзя любить и при этом требовать что-то взамен. И просить Его надо не о том, чтобы Он исполнял твои просьбы, подчинился твоим желаниям, а надо просить, чтобы Господь помог тебе исполнить Его волю. Он существует не для того, чтобы приносить тебе выгоду, как и ты, живешь не для того, чтобы пользоваться Его силой. Мы часто говорим о Его отсутствии и слишком редко о нашей слепоте. А ведь Им и для Него созданы мы. Созданы с любовью. Ибо, Он и есть – любовь.

Вот смотри, ты любишь цветы, небо, солнце, они тебе нравятся, ты восхищаешься их красотой, но ведь ты не спрашиваешь у них, как они к тебе относятся. Так и в жизни – надо просто любить и ничего не спрашивать. Скоро ты сам все узнаешь. Очень скоро.

«Да, немного пользы от такого ответа», – первое, что подумал Алекс.

Ночью Алексу снился сон.

Алекс шел по берегу океана и разговаривал с Господом.

Алекс не видел Его, а только чувствовал Его присутствие по тому, как оставались Его следы на песке рядом со следами самого Алекса.

Они шли и беседовали, оставляя две дорожки следов за собой.

Алекс вспоминал и рассказывал Ему всю свою жизнь. Все, что было – хорошее и плохое, ничего не утаивая.

Оглянувшись назад, Алекс заметил, что когда вспоминалось плохое, вместо двух дорожек следов, была только одна. Следы исчезали именно тогда, когда Алекс в Боге очень нуждался, просил Его совета и помощи. А когда вспоминалось хорошее, – следы вновь появлялись.

– Значит, когда мне было плохо, Ты оставлял меня, – сделал вывод Алекс, – Почему?

Над океаном возникла радуга, и Алекс почувствовал, что так может улыбаться только Он.

– Ты ошибаешься, сын Мой, Я никогда не покидал тебя. А в самые трудные минуты в твоей жизни Я нес тебя на руках.

Это была притча, которую Иилия хотел рассказать Алексу, но Кто-то сделал так, чтобы она ему приснилась.

* * *

Самолет Анны приземлился два часа назад.

Сотовый телефон Алекса был выключен, или, как сказала оператор – «находился вне зоны доступа».

Но только не вне зоны доступа любви.

Уверенная в том, что все равно его встретит, Анна взяла такси и попросила отвезти ее в центр города.

Она уже была счастлива, что шла по улицам города, в котором когда-то жили и любили друг друга самые близкие ей люди. Что и ее любимый сейчас находится здесь, где-то рядом, и она – вот-вот его увидит.

Был уже поздний вечер. Она остановились на маленькой улочке, думая как ей поступить дальше. С противоположной стороны только что отъехал белый фургон, и яркая неоновая вывеска «Nota Bene» привлекла ее внимание.

– Обрати особое внимание, – перевела она.

– Можно попросить у вас стакан воды, – без акцента, она спросила Никиту, стоящего за стойкой.

Он посмотрел на нее... Именно такой должна быть Анна, как ему рассказывал Алекс.

– Вы, присаживайтесь. Я сейчас все принесу, – он сделал знак официантке, что сам обслужит посетительницу...

Но его мысли сейчас были только об Алексе, и о предстоящей ночи. Час назад он направил его к коллекционеру, который должен был оценить старинную коллекцию его марок.

«Лучше бы они ничего не стоили», – думал Ник, переживая за друга.

Он вздрогнул от звонка телефона, стоящего на стойке бара.

Звонил Алекс.

– Привет, дружище. И знаешь, сколько они стоят? – он радостно, как мальчишка, кричал в трубку.

Его энергия тут же передалась Нику. Он улыбался, разговаривая с ним и при этом смотря на девушку. Анна, заметив его улыбку, улыбнулась в ответ.

На улице еле слышно прогремел гром.

– Они бесценны! – не успокаивался Алекс.

– Ну и отлично. Приезжай, – радовался Никита за друга, и надеялся, что теперь тот отменит свое участие в заезде.

– Ты не понял... Филателист дает мне недостающие для взноса деньги под залог коллекции.

Услышав это, настроение Ника сразу испортилось.

– Ты точно решил?

– Абсолютно, – уверенно ответил Алекс.

– А ты оставайся и готовься отмечать нашу победу. Я еду прямо туда, заезд через час.

Через несколько минут в дверях появился Иилия. Заметив сидящую за столиком Анну, он облегченно вздохнул.

– Господи, спасибо Тебе. – А я вас, милая барышня, по всему городу ищу.

– Вы меня знаете?

– Конечно, знаю. Нам Алексей много про вас рассказывал. Кстати, познакомьтесь.

Ник, как всегда, не понимающий, что происходит, – подошел к ним.

– Анна, – представилась она.

– Очень приятно. Никита, – он протянул ей свою руку, еще сомневаясь, что она и есть та самая Анна.

– А где Алексей?

Этим она окончательно развеяла его сомнения, но сказать ей правду он не решился.

– У меня сейчас есть небольшое дельце, – Иилия посмотрел на часы, – но потом я смогу вас, милая Анна, к нему отвезти. Если вы, конечно, не хотите дожидаться его здесь.

– Конечно, не хочу. Вернее, хочу скорее его увидеть, – она запуталась в словах, но была в восторге, что встретила его друзей.

– А ты оставайся здесь, – обратился Иилия к Нику. – Так надо.

Через полчаса они ехали в белом фургончике в сторону старого аэродрома, и Иилия задал ей тот же вопрос, как когда-то Алексу.

– Скажите мне, Анна, милое дитя мое, вы счастливы?

– Я?! – она удивилась, что он об этом спрашивает. – Конечно, я счастлива, – и тут же, не задумываясь, ответила. – Вот только, – чувствуя, что с каждой минутой ей становится хуже, с грустью в голосе попросила она. – Вы не могли бы ехать чуть побыстрей. Боюсь, что у меня осталось не так много времени. Я должна ему сказать, что..., – бледнея, она говорила все тише и тише.

– Что – вы его любите?

– Да.

– Любите больше своей жизни?

– Да!

«Я в этом и не сомневался», – Иилия гордо посмотрел вверх.

– Возьмите, – он протянул ей пару карамелек, – это придаст вам сил. – И не волнуйтесь – все у вас будет хо-

рошо. А я пока расскажу вам одну историю, – он посмотрел на нее и, видя, как она засыпает, продолжил, – про любовь и время, которые вы только что упомянули, сами того не зная, как они важны друг для друга.

Было это очень-очень давно. В океане был прекрасный остров, на котором жили все Чувства людей. И жила вместе с ними Любовь.

Она разговаривала с Грустью, общалась с Богатством. Но большую часть времени проводила с Радостью.

Но однажды, Чувства заметили, что их остров погружается в океан и скоро затонет.

Все сели в свои корабли и поспешили покинуть его.

Но Любовь не торопилась и до последней минуты ждала, что вода вот-вот отступит. Но, увидев, как остров покидает Надежда, и что на его спасение нет шансов – она стала звать на помощь.

Мимо проплывал корабль с Радостью. Но Радость была так занята своим весельем, что даже не услышала ее мольбу.

Тогда Любовь обратилась к Грусти.

«О, Любовь, – ответила Грусть, – мне так грустно, что я должна остаться в одиночестве, чтобы ничего не нарушить на своем корабле». И поплыла дальше.

Мимо проплывал роскошный корабль Богатства, и Любовь попросила взять ее к себе. Но Богатство покачало головой и показало, что у него нет для нее места – все трюмы были заполнены золотом и серебром.

И тогда она увидела Отчаяние. «Нет, лучше я погибну, чем сяду на его корабль».

И вдруг она услышала голос: «Иди сюда Любовь, Я возьму тебя». Она была так счастлива, увидев седого Старца, что даже забыла спросить – как его зовут. Когда они приплыли на другой остров и, через минуту, его лодка скрылась, она вдруг вспомнила, что не поблагодарила его.

«Скажи, кто спас меня?» – обратилась она к Познанию.

«Это было Время. Только оно понимает – как важна для Жизни Любовь, – ответило ей Познание.

– Какая красивая история, – Анна так и не смогла уснуть, не дослушав ее до конца, и сейчас ей стало гораздо лучше.

– А остров – это человек? Его тело? И когда он умирает...

– Ну, это – кто как понимает.

– Мне ведь не нужны были ни его богатства, ни его положение. Ни тогда, ни сейчас. Если его не будет рядом – мне вообще ничего не нужно. А как я выгляжу? – она вдруг спохватилась, увидев, что они останавливаются, и достала из сумочки маленькое зеркальце, подаренное ей еще бабушкой.

– Вы, Анна, великолепны. А эту вещичку я уже где-то видел.

Рядом раздавался рев и грохот тысячесильных моторов.

– Посидите здесь и никуда не уходите. Я скоро...

Кныш сидел в своем офисе и наблюдал за происходящим через камеры, заранее установленными на месте заезда.

«Решили меня обмануть. Сопляки!».

Он давно уже понял, что, подружившись, Михаил и Алекс попытаются сыграть в свою игру. Поэтому он ввел в число участников заезда еще одного пилота со своей необычной машиной.

Это был настоящий дрегстер – класса Top fuel * .

Стреловидный, длиной почти в десять метров, с узкими колесами спереди и огромными сзади, – он напоминал ракету. Передние антикрылья не позволяли ей взлететь при той скорости, которую она развивала.

Человек, сидящий в ней, не показывал своего лица. Он был в шлеме с темным стеклом и в специальном жаропрочном костюме пилота.

При старте, резина его задних колес скручивалась и, словно пружина, выталкивала его вперед, оставляя позади лишь дым и пламя.

Развив огромную скорость, при этом, легко обогнав Михаила, после финиша он выстрелил тремя тормозными парашютами, показывая всем серьезность своих намерений.

– Ну, что я вам говорил! – Кныш, хвастаясь перед своими партнерами, уже подсчитывал многомиллиардную прибыль от устроенного им заезда.

На старте рев мотора дрегстера напоминал взлет реактивного истребителя на форсаже. Оставался только Алекс.

Всматриваясь в светящийся глаз светофора, Алекс понимал, что настал именно тот момент, когда он нажмет на красную кнопку.

Загорелся последний – желтый сигнал, а с ним...

* высшая марка топлива

Четыре события произошли в течение получаса, после того, как загорелся зеленый свет.

Партнеры Кныша смотрели на него, опустившего голову на стол и понимающего, что свои и чужие деньги, которые он вложил в этот заезд – навсегда исчезли. Он проиграл.

Это был конец не только его финансовой империи, но и его самого. Через минуту зазвонил маленький черный телефон, лежащий рядом. Он знал, что люди, давшие ему деньги, которых и людьми было назвать сложно, таких поражений не прощают.

Когда все ушли, он открыл ящик письменного стола и посмотрел на маленький серебристый пистолет, лежащий в нем. Когда холодное железо коснулось шрама на его лице, а трясущийся палец лег на спусковой крючок, он понял – только так можно навсегда убрать шрам из своей памяти. Навсегда – из своей жизни.

Девушка, наблюдавшая финиш маленькой спортивной машины, в которой был ее возлюбленный, потеряла сознание, увидев то, что произошло мгновением позже.

К ресторану «Nota Bene» подъехала машина с тонированными стеклами и двое мужчин зашли внутрь, в руках одного из них была большая спортивная сумка. Через несколько минут раздалась длинная автоматная очередь. Спокойно выйдя из ресторана, но уже без сумки, они сели в свою машину и уехали.

После того, как Алекс первым пересек финишную черту – именно в этот момент, раздался взрыв, разорвавший автомобиль на части. Тела пилота, сидевшего за рулем, так и не нашли.

Эпилог

...Найти тебя, судьбу не обманув.

Огонь свечи сберечь.

Уснуть с тобой, поверив в сон,

навечно замереть.

*Пройти весь путь, увидеть свет,
почувствовать твоей души тепло.*

Отбросить пелену утрат

и заново постичь любовь.

Все что ни будет – лишь итог.

Лишь ты мой Мир, лишь ты мой Бог...

Небольшой самолет беззвучно летел над городом.

За штурвалом сидел Илия.

Он осуществил свою мечту. Так же как и те двое, находившиеся сейчас на его борту.

– Как же я выпалась, – открыв глаза, Анна увидела перед собой Алексея. Он смотрел на нее уже несколько минут, любуясь и не решаясь разбудить.

– Мне снился такой хороший сон, – она обняла его, – как будто я лечу высоко-высоко. И ты рядом.

– А может, я еще – во сне, – она огляделась.

– Обними меня.

Он приблизился к ней, и через секунду сердца обоих соприкоснулись.

– Нет, это точно не сон? Но я не помню, как мы здесь оказались.

– Да я и сам, ничего не понимаю, – он смотрел вокруг и старался вспомнить, что же произошло на самом деле.

В салоне появился Иилия с бутылкой шампанского.

– Не волнуйтесь, самолет – на автопилоте. Ну, что же, я вас поздравляю, – он достал три высоких бокала.

– Спасибо. А с чем именно?

– С тем, что вы вместе. С тем, что вы осуществили то, что вам снилось. И сейчас вы на Вершине своих Снов.

– А там, куда мы летим, будут такие сны, – спросила Анна.

– Конечно, будут. Вот только, – он сделал паузу и указал на иллюминатор, – их Холмы останутся навсегда с теми, кто о вас будет помнить.

С небольшой высоты, они увидели внизу Никиту, Киру и маленького Антона. В их руках были алые гвоздики.

Небольшие кресты и надгробия, возле которых они стояли, напоминали, в точности, как сказал Иилия, Холмы Снов тех людей, которые были под ними.

Антон поднял голову вверх и заметил маленький белый самолет, летящий в небе.

– Мама! Папа! Посмотрите, – он рукой показывал, что самолет машет им крыльями.

– Это они, – произнес Никита. Они вместе!

– Ну, а теперь, может, ты расскажешь, что же произошло на самом деле, и как по-настоящему тебя зовут, – Алексей обращался к Ангелу, которого они до сих пор называли Иилией.

– Мое имя – это не главное. Мы есть у каждого из вас, а имена мы выбираем себе сами. Правда, у нас не так много полномочий на Земле, как ты думаешь. Если Он, – Ангел посмотрел вверх, – дарит вам сны, то мы лишь помогаем их осуществить.

– Иногда мы..., – он опять забыл это слово. – Халтурим! То есть, сами боремся со Злом, которое еще существует. Представляешь, что бы было – если бы Кныш нанял настоящего человека, который осуществил бы его замысел. А я лишь заложил маленький заряд и сделал твоё сиденье катапультируемым. Оставалось – поймать тебя в воздухе, а это было делом Божественной техники. У таких, как Кныш, нет ангелов. Они слишком уверены, что Зло, которое всегда с ними – вечно и непобедимо. Они не знают одного...

– Что ты даешь – то и получаешь, – произнесла за него Анна. – Мне об этом бабушка говорила, – добавила она, глядя на удивленного Алексея.

– Я знал, что она тебе это сказала, – Ангел достал коробку с сигарами и предложил Алексею.

– Спасибо, но я бросил, – улыбнулся тот и обнял Анну за плечи.

– Кстати, Анну мне пришлось забрать прямо из машины скорой помощи. Кто же знал, что она у тебя такая слабая. Беречь ее надо было, а не на машинах гоняться.

– А, Никита, – Алексей понимал свою ошибку – никогда нельзя оставлять любимого человека ради мнимого благополучия. – Что было с ним?

– О, это роскошная история. Честно говоря, он даже меня напугал.

– Когда ему принесли выигранные деньги, которые он на тебя поставил, он увидел сумму, увеличенную в сто раз. Это тоже я «схалтурил». Ну, не пропадать же им.

– Так вот, на радостях, он достал автомат, заранее припасенный, для расправы над Кнышем и... Разгромил свой ресторан. А Алекса, – Иилия предвидел и этот вопрос, – будет жить в маленьком городе в Швейцарии со своим мужем и воспитывать двоих детей – мальчика и девочку, которых, кстати, назовет вашими именами. И ее первый роман, который сделает ее всемирно известной, будет тоже о вас.

– Вот, и все!

– А это? – они смотрели, как Никита и Кира кладут цветы на серые каменные плиты с их именами.

– К сожалению, Зло еще осталось там, внизу. И оно еще слишком сильно..., – Ангел не стал им говорить, что люди вроде Кныша существовали всегда, а его победа над одним из таких – только одна из тысячи тысяч в борьбе Добра со Злом.

– А вы, дорогие мои, пока набирайтесь сил. Вам еще многое надо рассказать друг другу. – А потом... Если захотите вернуться, – он вытащил из кармана все тот же странный телефон и, улыбаясь, посмотрел на них.

– Алло, Гавриил. Привет, старина...

Закончив разговор, он поставил на бортовой столик бокал с шампанским, так и не пригубив его.

– Ну, что же, через пару дней он освободиться, и если захотите, могу вас с ним познакомить. Но это только в том случае, если вы...

Но, кроме друг друга, им сейчас никто не был нужен. Они были счастливы.

Самолет набирал скорость и поднимался все выше и выше, оставляя внизу лишь добрую память в сердцах людей, которые их любили и помнили.

Конец

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

Редактор – *Швец М.Ю.*

Художественный редактор – *Ясыченко М.Б.*

Технический редактор — *Швец М.Ю.*

Тел. ред. (812) 773 92 83 E-mail: schvec@mail.ru.

Подписано в печать 02.06.07. Формат 60x90 1/16

Печать офсетная. Усл.- печ. л. 13 1/2 .

Тираж 200 экз. Заказ № 848

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»

(ИП Генкин А.Д.)

197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40

Тел./факс (812) 766 05 66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru